

Rideró
18+
АВТОРСКОЕ
ЧИЖ

BOOK PRODUCING
AGENCY

МЕСЯЦ МАГИИ, КАПЕЛИ И ЛЮБВИ

20 рассказов от участников курса Ирины Котовой
«Ромфант для начинающих»

Мария Спасская-Польская

Анастасия Фелис

Анастасия Хабарова

Анастасия Косенкова

Мика Перова

Ева Санкевич

Анна Козырева

Надежда Фирсова

Надежда Нара

Андрей Лоза

Альма Берг

Мира Княжич

Мила Гомаз

Джули Дювер

Анастасия Киршина

Ирина Котова

Кира Фирсова

Полина Лин

Лекса Зар

Екатерина Кравцова

Ангелина Агафонова

Месяц магии, капли и любви. 20 рассказов выпускников курса Ирины Котовой «Ромфант для начинающих»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73785268
ISBN 9785006973510*

Аннотация

Весна – время, когда просыпаются чувства. Когда душа стремится навстречу приключениям, а с кончиков пальцев сыпется магия. Когда радость и волшебство разлиты вокруг нас. В каждой из историй весна играет волшебную роль: где-то она – фон, где-то – одна из главных героинь. Вы пройдёте дорогой магии, посмеётесь и попереживаете, удивитесь и порадуетесь и увидите настоящую, яркую, захватывающую любовь. По одному рассказу на каждый вечер – прекрасный способ дожидаться по-настоящему жарких дней.

Содержание

СЛОВО МАСТЕРА	7
Мира Княжич.	8
Ева Санкевич.	53
Альма Берг.	87
Екатерина Кравцова.	119
Анастасия Киршина.	151
Конец ознакомительного фрагмента.	232

**Месяц магии,
капели и любви
20 рассказов выпускников
курса Ирины
Котовой «Ромфант
для начинающих»**

Авторы: Княжич Мира, Санкевич Ева, Берг Альма, Кравцова Екатерина, Киршина Анастасия, Нара Надежда, Дювер Джули, Спасская-Польская Мария, Хабарова Анастасия, Косенкова Анастасия, Козырева Анна, Фирсова Надежда, Лин Полина, Перова Мика, Агафонова Ангелина, Фелис Анастасия, Гомаз Мила, Лоза Андрей, Зар Лекса, Фирсова Кира, Котова Ирина

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Мира Княжич, 2026

© Ева Санкевич, 2026

- © Альма Берг, 2026
- © Екатерина Кравцова, 2026
- © Анастасия Киршина, 2026
- © Надежда Нара, 2026
- © Джули Дювер, 2026
- © Мария Спасская-Польская, 2026
- © Анастасия Хабарова, 2026
- © Анастасия Косенкова, 2026
- © Анна Козырева, 2026
- © Надежда Фирсова, 2026
- © Полина Лин, 2026
- © Мика Перова, 2026
- © Ангелина Агафонова, 2026
- © Анастасия Фелис, 2026
- © Мила Гомаз, 2026
- © Андрей Лоза, 2026
- © Лекса Зар, 2026
- © Кира Фирсова, 2026
- © Ирина Котова, 2026
- © Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-7351-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛОВО МАСТЕРА

Дорогие читатели, с огромным удовольствием представляю вам сборник «Месяц магии, капли и любви»!

Это истории от разных авторов, которые прошли мой курс «Ромфант для начинающих» и применили полученные знания при написании рассказов. И у них получилось!

Объединяющей темой сборника является весна, радость, цветение, пробуждение чувств. Много магии, много любви и чувств. Авторы подошли к задаче весело, я бы даже сказала, задорно, и хотя в сборнике есть и юмористические, и серьёзные рассказы, и даже парочка в жанре тёмное фэнтези, общее впечатление – очень ярко, очень эмоционально, очень захватывающе!

Сборник идеален для того, чтобы читать по рассказу вечером или по пути на работу или с работы. Мне очень-очень, конечно, хотелось бы узнать, какие рассказы станут для вас любимыми. Надеюсь, их будет немало.

#

С любовью,

Ирина Котова,

автор серии «Королевская кровь»,

мастер курса «Ромфант для начинающих»

Мира Княжич. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ГОРОДКЕ ГЕЛЕНТВИЛЛЬ?

*Поистине, как было бы прекрасно
Не видеть Вас примерно никогда...*

Из репортёрского дневника мистера Кривнича

«Третьего дня весны прибыл в г. Гелентвилль. Мой источник сообщил, что город всколыхнули весьма странные события. Я уже взял след и чувю: этот скандал будет громким! И чьи же головы полетят с плеч?»

За 3 дня до этого.

Сильвия ворвалась в свой кабинет и с облегчением скинула шляпку и туфли.

– Невероятно! Он приплыл на собственной яхте! Какое позёрство!

– Но согласись, его появление было эффектным! – хитро улыбнулась её помощница и по совместительству подруга – Кэтти.

Силь осуждающе посмотрела на неё. События безумного утра никак не давали ей покоя. А всё из-за мистера Шуплига – ужасно суетливого секретаря ректора. Узнав о внеплано-

вой проверке, он навёл панику и, не уточнив время прибытия магинспектора, вынудил весь руководящий состав явиться на торжественную встречу ни свет ни заря.

Чтобы побыстрее добраться из своего городского дома до острова, Сильвии пришлось, прокляв старомодные нравы, приподнять велосипед над землёй буквально на полдюйма. Использование магии не приветствовалось среди простых людей. Заметь кто и пришлось бы долго объясняться и платить штрафы.

Делегация выстроилась у длинного каменного моста, соединяющего остров с материком. Ректор, сложив полномочия на Сильвию и на своего исполнительного секретаря, предпочитал проводить время в столице. Химики, узнав о проверке, всей кафедрой сбежали на выездную практику. Так что встречающих было немного – только она, Сильвия, её помощница Кэтти, пара преподавателей и пресловутый секретарь.

Сильвии хотелось заняться подготовкой к предстоящему эксперименту. Она готовилась к нему почти год. Её новая сенсационная разработка – направленные магические осадки. Если всё пройдёт успешно, можно будет легко и просто орошать засушливые районы, обрабатывать поля от паразитов, тушить пожары и много чего ещё, а она вынуждена терять время в ожидании ненавистного инспектора. Он уже зарубил на корню несколько её научных экспериментов, признав их небезопасными. Несколько лет она не видела

и не слышала его, и вот опять он появляется накануне такого важного события в её жизни.

Они ожидали, что он доберётся стационарным порталом до соседнего города и оттуда поедет на поезде. В их городке междугороднего портала не было. Щуплик, так за глаза прозвали ректорского секретаря, заранее направил извозчика на вокзал.

А он явился на яхте! Сверкающей роскошью и новизной собственной яхте! У всех присутствующих в прямом смысле неприлично отвисли челюсти, а в кустах восторженно заохали любопытные студентки. И ни одна уключина не огласила тишину позорным скрипом, когда он добирался до берега на шлюпке. Хоть насылай проклятье ржавчины.

И вот он здесь – её ночной кошмар. Высокородный лорд, магинспектор и потомок великого инквизиторского рода. Да, инквизицию давно упразднили, но её внутренняя ведьма при виде него зашипела как кошка. Эта вражда крепко пустила корни и всё ещё кололась в крови потомков колючими шипами.

Как всегда, весь с иголочки. Строгий и надменный. Лишь ветер слегка растрепал его безупречную укладку. Тёмно-синий костюм идеально сидел на высокой, широкоплечей фигуре и делал его глаза стального серого оттенка ещё ярче.

Как обычно, сторонясь всех и отказавшись от отдыха, господин инспектор изъявил желание немедленно приступить к работе. Сразу затребовал отчёты обо всех эксперимен-

тах за последние годы. Позже Кэтти доложила, что сегодня несносный мистер Грейстон занят бумажной волокитой и за чем-то запросил личные дела всех новых сотрудников у отдела кадров. А ещё он отказался от домика в академгородке и снял дом в городе. Сильвия выдохнула: сегодня можно работать спокойно.

Она ещё немного посмотрела в распахнутое окно на открывавшийся вид. Её детище! Её гордость! Филиал Королевской Маг-Академии, Институт экспериментальной погоды. И её факультет практических исследований.

Сколько было потрачено сил, скольким она пожертвовала, буквально воюя с консервативными чиновниками. Сколько раз ей угрожали, сколько раз пытались убить. Чего стоит один сенатор Уизмор. Этот не остановится ни перед чем. Даже интересно, какую каверзу он выдумает на этот раз. Несмотря на официальную поддержку самой Королевы, противников женского равноправия было гораздо больше, чем сторонников. А уж о правах ведьм и говорить нечего. И всё-таки Сильвия добилась своего – основала новый филиал Королевской Маг-Академии, стала единственной женщиной-деканом в мире. Её не назначили ректором, но ей это и не нужно – больше времени для любимой научной работы.

Да, их сослали на край страны, но лучшего места для института и придумать было нельзя. Маленький южный городок, с одной стороны окружённый заливом, с другой – высокими горами. Здесь царил свой микроклимат. Идеальное

место для экспериментов с погодой.

Под институт Королева пожаловала пустующее аббатство на острове в полутора милях от берега. Комплекс зданий пришлось лишь немного достроить. А вокруг было много места для испытательных павильонов.

По привычке Силь оценила погодные условия – процент влажности, температуру, скорость и направление ветра. Любимое развлечение. Она почти никогда не ошибалась.

* * *

Юджин попросил закрыть окно и вынести все цветы из кабинета. Будь его воля, он никогда бы не приехал сюда в это время года. Всего несколько миль от столицы, а какая разница в климате. Весна здесь наступала гораздо раньше. Но обстоятельства не оставили ему выбора. Придётся потерпеть. И хоть запас его зелья от удушья неудачно разбился в дороге, ему удалось восполнить потерю в соседнем городе, куда он прибыл порталом и где с недавних пор его ждала у причала быстроходная красotka, на которой он и добрался до Гелентвилля.

Ещё издавек его взгляд сразу зацепился за тонкую фигурку в тёмно-фиолетовом костюме. Мисс Сильвия Платт. Заноза в теле консервативного научного сообщества, торнадо в юбке. И просто ведьма. И, чтобы уж быть до конца честным с собой, его, Юджина, личная заноза. Он вздохнул, на-

хмурился и сжал зубы. Мисс Платт обладала поразительной способностью выводить его из себя.

Лёгкий ветерок играл с тёмными локонами, выбившимися из-под её шляпки. Аккуратное личико, большие яркие глаза, выразительные брови, женственная фигура, изящные манеры. Кто бы знал, сколько ума и энергии скрывается за этим миловидным лицом. В отличие от остальных встречающих, натянувших на лица подобострастные улыбки, она увлечённо разглядывала что-то в небе. Должно быть, опять раскладывает погоду на цифры.

От ментального запаха ведьмы его, как всегда, слегка залихорадило. Он глубоко вдохнул и попытался успокоить охотничьи инстинкты. Всё это пережиток прошлого.

Ведьма также явно была не рада его видеть. Она лишь холодно кивнула ему, сверкнув своими невозможными глазами, и, стремительно развернувшись, направилась к институту. Её новомодная укороченная юбка при этом взметнулась, обнажая щиколотки в тёмных чулках. Каблуки изящных туфель застучали по мостовой. Он прочистил горло и поправил галстук.

* * *

Терпели крах научные расчёты,
Смеялись боги и сводили счёты.

Испытательный павильон – ажурное сооружение из метал-

ла и магически закалённого стекла – поражал воображение. Конструкция казалась хрупкой, но Юджин знал, что павильон способен выдержать магический взрыв средней мощности.

Он огляделся. Два зала. В первом проходила подготовка к эксперименту, а затем наблюдение через стеклянную стену. Вдоль стен благоухали горшки с магерисами – цветами, нейтрализующими остаточную магию. Совсем необязательная мера. Что ж, он потерпит. Действия зелья от удушья должно хватить на несколько часов.

В следующем зале разместились крупные приборы и установки. Небольшой стационарный портал, через который планируется запускать магические осадки, короб магнейтрализатора на случай непредвиденных ситуаций. Юджин кивнул сам себе, мысленно отмечая все пункты по списку.

У приборов деловито суежилась деканесса с двумя аспирантами. Юджин поймал себя на непривычном ощущении – никто здесь перед ним не лебезил, не бросал кокетливые взгляды. К тому, что мисс Платт воспринимает его в штаны, он уже привык. Порой ему даже нравилось это их странное противостояние. А аспирантка иногда бросала пыльные взоры на своего сокурсника. Такое равнодушие к его персоне только порадовало Юджина. Утренний воздух уже прогрелся, и в павильоне начинала ощущаться духота. Для запуска эксперимента оставалось дожидаться техников и аналитиков, чтобы они ещё раз подтвердили расчёты и проконтролиро-

вали запуск портала.

Навязчивый запах магерисов проникал повсюду. Юджин почувствовал, что галстук начинает его душить. Он ослабил узел, но легче дышать не стало. Горло как будто сдавило изнутри, и воздух проникал в лёгкие с трудом. Как они работают в такой духоте? Он заметил ручку на одном из отсеков наружной стены. Окно! Уже плохо соображая, он распахнул створку и вдохнул свежий утренний воздух. Достал флакон с зельем и сделал большой глоток.

– Мистер Грейстон, будьте любезны закрыть окно! – сверкнула глазами деканесса. Юджин сделал последний глубокий вдох и потянулся к ручке, но тут в окно влетела упитанная чайка и, словно ополоумевшая, стала метаться по залу, биться о прозрачные стены и потолок. Несколько минут они пытались изловить её подручными средствами. Наконец, аспирант не выдержал и, наплевав на правила, запустил в птицу импульсом магии.

Импульс попал в массивную люстру, та возмущённо закричала и, как будто прицельно, свалилась на рычаг запуска портала. Раздался гул. В портал мгновенно засосало все подготовленные ингредиенты. У Юджина из рук вырвало пузырёк с зельем, у аспирантов из карманов халатов полетели какие-то предметы и растворились в портале. Несчастная птица усиленно махала крыльями, но не сдавала свои позиции. Юджин с аспирантом одновременно подскочили к portalу, скинули люстру с рычага и вырубili его.

Наступила оглушающая тишина. Лишь птица огласила зал возмущёнными криками. Сильвия прожгла инспектора яростным взглядом. И, решив, что терять уже нечего, послала в птицу усыпляющий импульс и левитировала её себе на руки.

– Куда это всё отправилось? – спросил Юджин.

– Понятия не имею! – процедила закипающая деканесса. – Портал ещё не был настроен.

Надо отдать должное мисс Платт, она быстро взяла ситуацию в свои руки. Отправила аспиранта сторожить вход и передать аналитикам, что эксперимент откладывается на час, а аспирантку к своей помощнице за новым магнакопителем.

Юджин дожидался своей участи. Кажется, они с деканессой поменялись местами и строгое наказание за ошибку теперь ожидает его. Внутри уже разверзало свою бездонную пасть чувство вины, слизывая коросты с незаживающей раны.

Мисс Платт безапелляционно попросила его сохранить всё произошедшее в тайне, хотя бы до окончания эксперимента, и он гарантировал ей молчание до конца этого дня.

В лаборатории навели порядок. Злосчастную люстру выволокли на улицу и припрятали в кустах. Утащили магерисы и птицу. Юджина настойчиво-вежливо попросили выйти вон, то есть в первый зал, и не переступать его порог ни под каким предлогом.

В душе Сильвии бушевал ураган негодования, но она ото-

двинула эмоции на второй план и постаралась сосредоточиться на деле. Как бы ни хотелось прикопать труп инспектора где-нибудь рядом с люстрой. В её святая святых попытался сунуть свой длинный нос Щуплик, заподозривший что-то неладное, но она уверила его, что всё под контролем, и так очаровательно улыбнулась, что бедняга вздрогнул и исчез за дверью.

* * *

Позже она устроила выволочку инспектору, который, похоже, решил сделать целью своей жизни уничтожение её карьеры.

Подумать только, когда-то он казался ей нормальным. Когда они, ещё будучи юными и полными надежд, вместе с ещё одной магичкой поступили в Королевскую Маг-Академию, то столкнулись со стеной презрения и отчуждения как со стороны адептов, так и со стороны преподавателей. Грейстон тогда учился на последнем курсе и, в отличие от других студиязов, никогда не высмеивал её и не выказывал превосходства. Помог найти нужную аудиторию, когда она заблудилась в первый день учёбы. Был единственным, кто пригласил её танцевать на весеннем балу. Из жалости, конечно, или из благородства.

Он и тогда был сдержанным и отстранённым, но не таким бездушным чурбаном как сейчас. Пять прекрасных лет она

ничего не слышала о нём, а когда вновь встретила, то не узнала. На этот раз она уже была подающей большие надежды аспиранткой, а он предстал холодным и безжалостным магинспектором. Все её старания, все инновационные проекты были хладнокровно перечёркнуты. И как ни билась она об эту стену, ни уговоры, ни мольбы, ни скандалы не помогали. Из двадцати экспериментальных проектов он мог одобрить только один. А мог завернуть все. И так продолжалось все эти годы – он запрещал её проекты, она в отместку портила ему кровь как могла. Но они никогда не переходили границ. Такой подлости она от него не ожидала.

* * *

Юджину не предложили присесть, и он, как провинившийся адепт, остался стоять посреди её кабинета.

– По вашей вопиющей халатности осадки с неизвестными примесями отправились демоны знают куда! Признайтесь, вы специально это сделали? Вам надоело вставлять мне палки в колёса и вы решили уничтожить то, к чему я шла столько лет, одним махом?

– Нет, госпожа декан, я не ставил такой цели и никогда не вставлял вам палки в колёса специально. Я всего лишь выполнял свою работу. Что касается случившегося, у меня сезонное удушье от пылицы растений, а вы переборщили с ма-

герисами. Хотя их наличие в лабораториях вовсе не обязательно.

Она хмуро посмотрела на него.

– Мисс Платт, я на самом деле сожалею и признаю свою вину. Скажите, чем я могу помочь? В целом всё закончилось неплохо. Повторный эксперимент прошёл успешно. Никто не погиб и не ранен.

– Ещё чего не хватало! Моя карьера и так висит на волоске!

– По-моему, вы к себе несправедливы. Вы декан факультета, практически заведуете этим институтом. Королева и сенатор Хардис благоволят вам.

– Благоволят... – она горько усмехнулась. – Благоволят, но только на словах и на бумаге, пока законопроекты о женском образовании и кадровых равенствах находятся под их наблюдением, все делают вид, что согласны и поддерживают их. Но на деле всё совсем не так. Да, женщинам давно разрешили получать образование и занимать руководящие должности, а ведьмам – появляться в обществе, но это только на бумаге! Всю жизнь я буквально прогрызала себе дорогу в мир большой науки. Я выстрадала её потом и кровью! Да, сенатор Хардис и Королева благосклонны ко мне, но сенатор Уизмор спит и видит, как стереть меня с лица земли и упразднить все законы, касающиеся прав женщин и ведьм. А он обладает очень, очень большим влиянием и упорством! Он задумчиво посмотрел на неё.

– Так что, мистер Грейстон, не думайте, что что-то в этой жизни досталось мне легко. Одна маленькая оплошность может перечеркнуть всё! Поэтому я не выпущу вас отсюда, пока вы не пообещаете сохранить всё в тайне и, если это понадобится, помочь в выяснении и устранении последствий.

Юджин испытал смешанные чувства от её спича. Ему стало смешно, что эта маленькая женщина пытается ему угрожать, и в то же время его всегда впечатляли её энергия и энтузиазм. Когда-то, ещё в академии, у него возник иррациональный порыв защитить эту ведьмочку. Но очень скоро он понял, что она не нуждается ни в чьей защите. Она сама вполне способна постоять за себя.

– Я в вашем распоряжении. Но у меня будет одно требование, – ему показалось, или она закатила глаза? – Вы изготовите для меня одно зелье. Какое – я сообщу позже, если, а вернее, когда мы разберёмся со всей этой ситуацией.

Она изогнула свою изящную бровь.

– Я так понимаю, зелье из разряда запретных?

– Да. И тогда мы оба должны гарантировать, что это всё останется между нами.

– Идёт, – согласилась она после короткого раздумья.

– Итак, какие планы, госпожа декан?

Она мрачно усмехнулась.

– Допрос. У нас мало времени. Вы допрашиваете мистера Брикли, я – мисс Мэйпл. У вас ещё осталось такое же зелье от удушья?

– Да, дома. В смысле, здесь, в городе.

– Сдадите на анализ моим аспирантам.

И они приступили к активным действиям. При опросе аспирантов удалось выяснить лишь, что у мисс Мэйпл во флаконе было обычное зелье от кашля. А у мистера Брикли – слабенький артефакт-усилитель. Мисс Платт наказала студентам найти дубликаты всего, что попало в портал, и сделать анализы. Также необходимо было сделать хотя бы приблизительные расчёты того, куда могли отправиться несчастные осадки. И элементарно ждать, когда эти осадки где-нибудь проявятся.

* * *

И несмотря на все волнения,

Нам кружат голову азарт и приключения.

Ночью небо над островом переливалось разноцветными всполохами – эффект от остаточной магии. Юджин долго смотрел на это чудо и думал о случившемся. А под утро прошёл дождь и будто смыл его тяжёлые мысли. И несмотря на то, что он почти всю ночь терзался чувством вины, теперь настроение постепенно улучшалось. Он стоял у открытого окна и наслаждался утренним кофе.

Вчера он испугался. Очень сильно испугался. На какое-то мгновение липкий страх парализовал его. Недопустимый, нелепый промах вновь всколыхнул незаживающую ра-

ну в душе. Грош цена его стараниям. Вчера мог погибнуть кто-то ещё. Из-за него. Этого он никогда бы себе не простил. Но всё обошлось без жертв. Пока. Нужно разобраться со всей этой ситуацией и исправить все последствия, если это будет необходимо. Мисс Платт считает, что она заставила его сохранить всё в тайне и помогать им, – пусть думает так. Он и так бы сделал всё возможное, чтобы исправить последствия своего проступка. А насчёт сохранения тайны, что ж, он действительно виноват, и это самое малое, что он может для неё сделать.

Он отхлебнул кофе и чуть не выплюнул его в окно. Он проморгался, думая, что всё ещё спит, но нет. В рассеянных утренних лучах по улице жизнерадостно вышагивала мисс Платт в совершенно невероятном и легкомысленном лиловом платье с кружевными оборками. Волосы были частично распущены и заколоты сверху кокетливой шляпкой с цветами. И, кажется, она что-то напевала себе под нос. Не успев осознать свои действия, он уже шагал по дороге к ней навстречу.

– О, господин инспектор! Чудесное утро, не правда ли?

– Невообразимое! – Он присмотрелся к ней: на щеках неестественный румянец, губы невозможно сочного оттенка. На секунду он даже завис.

Мистер Грейстон вдруг пристально уставился ей в глаза и совершенно неподобающе принялся. У Силь вырвался смешок. Брови Юджина помимо воли поползли вверх.

– Вы что, пьяны?

– Что?! Я всего лишь сказала, что сегодня чудесное утро, – обиделась она.

– А почему вы в таком виде?

– В каком? Ах это... Вам нравится? Это платье прислала мне тётушка. Не понимаю, почему я никогда раньше его не надевала.

Она повела плечами, и у Юджина дёрнулся глаз. Нет, эта флиртующая и легкомысленная мисс Платт была за гранью его понимания и будила в душе ещё более неясные чувства, чем всегда. Она всё время томно вздыхала и мечтательно улыбалась. Здесь явно что-то было не так.

– Мисс Платт, вы пили или ели с утра что-то необычное? Может быть, попали под дождь ночью?

– В чём дело? Вы думаете, это был тот самый дождь? Вряд ли. Этот дождь был запланирован заранее, – она вздохнула, невольно привлекая взгляд Юджина к непривычно откровенному декольте. – Так что нам нужно идти и искать нашу пропажу. А так не хочется! Какая чудесная в этом году весна! Как рано всё расцвело! И как я прежде всего этого не замечала?!

– Сколько процентов влажности нынче, как думаете? – прервал он её пространные размышления.

– Ой, да какая разница! Давайте просто наслаждаться прекрасной погодой!

Терпение Юджина закончилось.

– Мисс Платт, вот вам логическая задача.

Она удивлённо и даже как будто слегка обиженно посмотрела на него.

– Вы учёная с мировым именем. Деканесса целого факультета и заместитель ректора.

Она неуверенно кивнула.

– Серьёзная, уважаемая дама. Вы шли к этому годы, с самой юности. Строили свою карьеру по кирпичикам. Вы носите только строгие деловые костюмы, ваш любимый цвет тёмно-фиолетовый. И вы никогда не пользуетесь косметикой. Вы воспринимаете погоду и окружающую природу через цифры и научный анализ. Так?

– Т-так... – она совсем наивно и по-детски распахнула свои невозможные глаза.

Юджин прочистил горло, посмотрел по сторонам и создал небольшое зеркало.

– А теперь посмотрите на себя, госпожа деканесса. Как считаете, это соответствует тому, что я только что сказал?

«Госпожа серьёзная учёная» смотрела на себя в зеркало и судорожно дышала.

– С-со мной что-то не так, – она перевела на него всё ещё растерянный, но уже более осмысленный взгляд.

– Именно. Думаю, вам нужно принять магнейтрализатор.

– Вы правы. Но я не могу заявиться в институт в таком виде. Он должен быть у меня дома.

– Идёмте. Я провожу.

Он подхватил её под локоток, и они, изображая неспешную прогулку, отправились по направлению к её дому. Хорошо, что было слишком раннее утро и разнеженные южные жители ещё досматривали последние сны.

Дом мисс Платт оказался неподалёку на этой же улице. Аккуратный, кофейного цвета. Крыша и дверь были выкрашены в её любимый фиолетовый цвет.

– Подождите в гостиной! – прокричала она и исчезла в глубине дома.

Юджин осмотрелся. Лаконичная гостиная. Не слишком женственная, но вполне уютная. Не успел он присесть на диван, как в гостиную ворвалась мисс Платт. Она снова была вся собрана и энергична, в излюбленном деловом костюме.

– Мистер Грейстон, идёмте! Нас ждут великие дела! – она пронеслась к выходу, даже не взглянув на него. Он нагнал её уже у двери.

Сильвию сжигало чувство стыда, и она стремилась как можно быстрее погрузиться в работу и избавиться от назойливого внимания инспектора.

Они завернули за угол, и Сильвия поняла, что странности этого утра ещё не закончены. Мистер Фарнсворт разбирал дощатый забор между своим и соседним участком, а вдова Уитклиф стояла по другую сторону, приложив руки к груди, и оба они улыбались друг другу как блаженные. Надо сказать, борьба за местоположение этого забора вошла в хроники этого города. Записи о разбирательствах хранились и в го-

родском архиве, и в полицейском участке.

– Похоже, не одна вы сегодня утром отведали чего-то странного на завтрак. Или же нашлась наша пропажа, как думаете? – проговорил Грейстон ей над ухом.

– Тише! – шикнула она на него. – Поспешим!

Бедные аспиранты обнаружили в лаборатории. Похоже, они так и не ложились этой ночью, но, несмотря на все старания, выяснить, куда отправились осадки, им не удалось. К совещанию присоединилась и Кэтти. Сильвия отправила её в город разузнать новости и собрать последние сплетни. А сама отправилась с аспирантами взять пробы воды из луж в разных районах города.

Юджин погрузился в проверки отчётов в выделенном ему кабинете. После обеда все заговорщики вернулись в институт. Когда он зашёл к ним в лабораторию узнать как дела, аспирант Брикли как раз докладывал, что «на их оборудовании быстро сделать такой глубокий химический маг-анализ невозможно. Нужен новый химанализатор с кафедры химии. Но кафедра магхимии закрыта, так как все химики отбыли на выездную практику...» Юджин уже догадался, что завкафедрой магхимии нашёл изящное решение слинять от проверки.

– Возможно, и к лучшему, что все химики сейчас отсутствуют. Так что пока все на парах, мы с господином инспектором идём на дело.

Юджин проклинал тот день, когда открыл то злосчастное окно и когда согласился помогать этой невозможной женщине. Он весь обливался потом и тащил гигантский прибор маганализатора по каким-то тайным коридорам института. Чтобы не привлечь ничьё внимание, пришлось обходиться без помощи магии. В отдалении слышались чьи-то голоса. Сильвия выглянула за угол, резко обернулась и врезалась в Юджина, отчего он чуть не выронил свою ношу. Он хотел было возмутиться, но она шикнула на него:

– Тихо! Щуплик!

– Что?!

– Не что, а кто – мистер Шуплиг, секретарь ректора. И что он только здесь забыл?! Нужно спрятаться!

Она метнулась к ближайшей двери, та оказалась открыта, и ему – грозному магинспектору – ничего не оставалось, как последовать за ней и позорно спрятаться. На сколько ещё он падёт, связавшись с этой женщиной?!

Помещение было заставлено столами, и все они были завалены каким-то хламом, так что поставить прибор было некуда. Они привалились к двери и стали слушать.

– Тише! Не пыхтите так! – зашептала она. – Я ничего не слышу.

– Может, тогда подержите этого монстра? А я пока отдохну?

Она с укоризной взглянула на него и снова приникла ухом к двери.

«Как дети, – подумал Юджин. – Что-то стащили, прячешься по кладовкам. Только вот если кто-то узнает, наказывать будут по-взрослому». В крови заискрилась щекотка азарта. Или это близость ведьмы? Или аромат её духов? Нет, наверное, всё-таки недосып и физическое напряжение. Он перехватил монстра поудобнее и тоже прислушался.

– Лихово зелье! – выругалась мисс Заноза и указала взглядом на свою юбку. Край юбки оказался зажат дверью и явно торчал с той стороны. Но открывать дверь и выдёргивать юбку было уже поздно. Щуплик был слишком близко. Его собеседником оказалась Кэтти. Сначала слышался только занудный бубнёж секретаря, и тут Кэти, очевидно, увидев торчащий, как знамя капитуляции край юбки, вдруг громко выдала:

– Мистер Щуплиг, я люблю вас!

Дальше послышалось невнятное лопотание Щуплика и голоса начали отдаляться.

– Да не волнуйтесь вы так, моя любовь скорее платоническая. Скорее даже я вас просто уважаю. Пойдёмте же, я налью вам успокоительного чаю, – и она ловко увела дезориентированного врага с опасных позиций.

Юджин и Сильвия смотрели друг на друга и беззвучно смеялись. Он совсем близко наклонился к ней. И как будто какая-то сила продолжала тянуть их друг к другу. Их губы

почти встретились, и тут Сильвия вспомнила, что он вообще-то не любит, когда к нему приближаются слишком близко, отпрянула и поспешила разведать обстановку снаружи.

Дальше они добрались без приключений. В молчании и лёгкой задумчивости.

Аспиранты занялись анализами. Под вечер Кэтти принесла свежий ворох новостей из города. В городской управе сегодня творилось столпотворение: девять супружеских пар подало прошение о разводе, а почти тридцать человек внезапно захотели пожениться. Фермеры Финч и Уоллес вдруг решили всё бросить и переехать в столицу. А башмачник бросил семейное дело и собрался заняться разведением карликовых свиней. В городе творится форменное безумие!

Сильвия объявила, что всем лучше оставаться на острове, так как он защищён от внешних магических воздействий, и в город без крайней нужды не соваться. Юджин переехал в домик в академгородке. Сильвия к своей помощнице, хотя при её кабинете была оборудована комната отдыха, но там не было душа. А аспиранты и так жили в общежитии.

На следующий день, приняв дозу магнейтрализатора, Сильвия с аспирантами отправились в город добывать образцы растений, зацветших раньше срока. Сначала собрали образцы на окраине города, а затем двинулись в жилые районы. И тут им навстречу вывернул инспектор.

– Мистер Грейстон? – удивилась Сильвия. – Что вы здесь делаете?

– Мне нужно забрать кое-какие вещи из дома...

Некоторое время он шёл по пути вместе с ними. Они поравнялись с домом вдовы Уитклиф. Она стояла в саду с каким-то невзрачным сутуловатым типом в сером дорожном костюме.

– Ах, дорогая мисс Платт! – возликовала она. – Позвольте представить вам мистера Кривнича. Этот замечательный молодой человек приехал к нам из самой столицы, чтобы написать очерк о нашем чудесном городке. И о последних невероятных событиях. Столько свадеб! Прекрасная новость, не правда ли? – трещала она без умолку.

«Молодой человек» не первой свежести повернулся к ним, ощупал их взглядом и широко, фальшиво улыбнулся. В глазах его горел жадный огонёк человека, охочего до сплетен и копания в чужом грязном белье. Сильвия и Юджин переглянулись. А интуиция мистера Кривнича встала в стойку. Он немедленно рассыпался в комплиментах и рассказал, что слышан о госпоже деканессе и о её уникальном институте и очень хотел бы посетить его. Но Сильвия отговорила тем, что это закрытый объект и посторонних туда не пускают. Хотя ворота там закрывались лишь на ночь.

Сильвия ещё немного поддержала светскую беседу с миссис Уитклиф и как бы невзначай попыталась отломать веточку черёмухи, перегнувшуюся через ограду.

– Вы собираете образцы для анализа? – сверкнул глазами пройдоха-репортёр.

– Ну что вы! Мы изучаем погоду, ботаника – не наш профиль. Это для мистера Грейстона, – и она засунула веточку ему в петлицу. – Он просто обожает весенние цветы! – очаровательно улыбнулась она.

Инспектор кашлянул, но больше ничем не выдал себя.

– В самом деле?! – воскликнула экзальтированная вдова. – Тогда я пришлю вам замечательный весенний букет из своего сада!

Наконец они распрощались, и Сильвия, отправив аспирантов в институт, последовала за инспектором. Они завернули за угол, и он отшвырнул ветку черёмухи в кусты.

– Пропавшие демоны! Нам конец! Мне конец! – она схватилась за голову. – Он прибыл по наши души! Теперь он расстреплет об этом на всю столицу, и меня публично линчуют! Институт расформируют, а моих бедных студентов и Кэтти не возьмут ни в одно учебное заведение!

Мистер Грейстон затормозил и скептически воззрился на её приступ паники. Затем поймал её за плечи, мягко сжал их и, глядя в глаза, произнёс:

– Мисс Платт, раз уж я ввязался во всё это, то не позволю какому-то захудалому репортёришке разрушить наши планы. Вы же умная женщина. Соберитесь! Вместе мы со всем справимся! – он слегка встряхнул её.

В этот момент их обоих посетило дежавю, и он осторожно убрал руки. Ладони сжались в кулаки. Сильвия моргнула. Глубоко вдохнула-выдохнула. Затем поправила причёску

и оправила юбку.

– Вы правы. Не время впадать в панику, нужно действовать! Но как? Этот проныра теперь будет шнырять по городу в поисках сенсации.

– Соберёте свои образцы ночью.

* * *

Кривнич всё-таки смог проникнуть в институт, подмазавшись с лестью к ректорскому секретарю. Но получил лишь экскурсию по территории и обморожение, улизнув и тайком проникнув в павильон, который оказался музеем погоды. Он так и почил бы там, заблудившись среди тропических ливней, сугробов и зарослей, но слава богам, его нашёл секретарь!

Потом Кривнич мог только отпаиваться горячим кофе в приёмной ректора. Никаких пикантных подробностей выяснить не удалось. «Что ж, продолжу расследование в городе», – мрачно подумал он.

* * *

Луна сегодня щедро расплескала свой свет, но никто не мог этого оценить. Мисс коварная ведьма постаралась, и небо заволокли густые облака. А Юджин, в очередной раз проклиная всё на свете, болтался в воздухе, свисая с велосипеда. С женского велосипеда!

– Почему это должен делать я?! Взяли бы своих студентов! – натужно пропыхтел он, пытаясь аккуратно срезать ветку жасмина и не сверзиться вниз. Он, конечно, успеет создать воздушную подушку при падении, но потом замучается писать объяснительные за нецелевое и неправомерное использование магии и тому подобное. Да ещё и объяснять проникновение в чужой сад.

– Этих?! Их я могу только заслать в тыл к врагам для нечаянной диверсии.

– Тогда занимайтесь этим сами!

– А кто будет управлять велосипедом?!

Ведьминская магия... Её-то так не отслеживают.

Они успели собрать достаточно образцов, прежде чем облака начали рассеиваться.

– Ваш сад будем чикать? – щёлкнул он секатором.

Сильвия хмыкнула и внезапно приземлилась на крышу своего дома.

– Кто-то идёт! – объяснилась она.

Они тихо сползли с велосипеда и распластались по крыше. К ограде приблизился репортёр. Обошёл дом по кругу, попытался заглянуть в окна и принялся что-то строчить в записной книжке. Бумага слегка светилась в темноте.

– Что он там постоянно пишет?! – возмутилась Сильвия. – Может, прикопаем его прямо здесь в саду? Или пустим на корм рыбам? Нет репортёра – нет проблем, – кровожадно улыбнулась она.

Юджин посмотрел на неё с укором.

– У него на вас ничего нет. Лишь его домыслы.

– Ещё хуже, тогда он додумает что-нибудь сам.

Когда они шептались, их головы практически соприкасались. А её губы порой обжигали его ухо. И Юджин вдруг подумал, что он лежит с женщиной на крыше при свете луны, но занимается чем-то не тем.

Репортёр подёргал ограду, и его ударило охранным разрядом. Он зашипел, ещё какое-то время потоптался вокруг и убрался восвояси.

Возвращаться на остров пришлось пешком. Было слишком светло, и быть застуканным на заднем багажнике женского велосипеда инспектор Грейстон себе позволить не мог.

* * *

Сильвии не спалось: хотелось движения и решительных действий и в то же время нужно было спокойно всё обдумать и выработать дальнейший план.

Рассвет едва забрезжил на горизонте, когда она вышла на небольшую пристань. Волны облизывали крупную гальку, ставшую прозрачной от избытка магии, и сейчас она рассеивала золотистый утренний свет. Волшебное зрелище. И на всём этом великолепии упражнялся мистер Грейстон. Тонкая рубашка облепила рельефное тело. Плавные, но в то же время отточенные движения рук и ног. Она ни-

когда раньше не видела такого боевого искусства. Сильвия пожалела студенток, проспавших такое впечатляющее зрелище, тихонько развернулась и ушла. У неё не было времени и душевных сил разбираться, какое впечатление всё это произвело на неё.

* * *

Сильвия устроила совещание с аспирантами. Результаты не радовали. Зелье от кашля мисс Мэйпл присылала бабушка, и повторная посылка прибудет не скоро. Из анализа проб воды и земли удалось узнать немного. В некоторых образцах присутствовали травы, характерные для зелий от сезонного удушья. В некоторых обнаружился другой набор веществ, и предстояло выяснить, в состав какого зелья они все входят. Оставался крохотный шанс, что дело всё-таки не в их потерянном дожде.

Затем они приступили к анализу собранных ночью образцов. Мисс Мэйпл и Кэтрин отправили в библиотеку искать информацию о зелье, которое могло состоять из обнаруженных ингредиентов.

От работы Сильвию отвлёк телефонный звонок. Позвонил мистер Кривнич и попросил о встрече. Приглашать этого скользкого типа на остров не хотелось, поэтому она назначила встречу в уличном кафе на набережной материка. Надо отдать ему должное, он не стал ходить вокруг да около,

а сразу попытался вывести её на чистую воду. Но Сильвия поняла, что он блефует. Ему не от кого было узнать правду, а догадаться о таком просто невозможно.

– Мисс Платт, буду с вами откровенен и жду от вас того же в ответ. Несмотря на короткий срок, я провёл достаточно плодотворное расследование, и вот что мне удалось узнать, – он демонстративно потянул паузу, заглянув в свои записи. Как Сильвии хотелось вырвать их и спалить в магическом огне! – С вашим последним экспериментом что-то пошло не так, и теперь город сотрясается в любовной лихорадке. Так ведь? Это же очевидно – такое совпадение просто не может быть случайным. Я только не пойму, при чём здесь погода? Жаль, что данные о ваших экспериментах засекречены, – он сделал паузу и выжидательно взглянул на неё. – Но и до этой информации я доберусь!

Сильвия молча смотрела на него, сложив руки на груди. Пусть выкладывает всё, что успел нарыть и надумать.

– Вы молчите? Что ж, я выяснил достаточно, чтобы написать разгромную статью, и вы прекрасно это понимаете. У меня есть показания свидетелей, записи из мэрии, показания ваших коллег... – он дёрнул бровью. – Но я предлагаю вам обменяться информацией. У меня есть чем вас заинтересовать. Хотите знать, почему наш мистер Грейстон так не любит учёных?

Сильвия холодно промолчала, но не ушла. И он поведал ей, что инспектор когда-то потерял всю свою семью. Его от-

чим был учёным и однажды, когда Грейстон отсутствовал дома, в их домашней лаборатории произошёл взрыв. Погибли отчим, мать Грейстона и его маленькая пятилетняя сестрёнка. Он тогда заканчивал маг-академию и должен был стать блестящим боевым магом. Но после трагедии сделал своей миссией обеспечение магической безопасности. В первую очередь в научно-исследовательской сфере.

Сильвия ещё немного помолчала, переваривая услышанное. Она помнила, как Грейстон пропал тогда накануне выпускных экзаменов.

— Что ж, мистер Кривнич, вот вам вся правда из первых рук. Во время эксперимента накопитель магэнергии вышел из строя и пришлось заменить его на новый, сделав под него перерасчёт. Поэтому произошла такая заминка с экспериментом, вот и всё. Ничего необычного и к событиям в городе это не имеет никакого отношения.

На этом она холодно попрощалась с ним и ушла, изо всех сил стараясь сохранять спокойный вид.

* * *

Не всем нам дан особый вид искусства —
Понять свои же истинные чувства.

После обеда явился инспектор и вежливо попросил предоставить ему годовые отчёты о её работе. Она усадила его работать в своём кабинете, чтобы не таскать папки в дру-

гую часть здания. И тут из города доставили пышный букет с пометкой «для мистера Грейстона» и термос с цветочным чаем для мисс Платт. Сильвия не удержалась от улыбки. Миссис Уитклиф всё-таки сдержала свою угрозу. Выражение лица инспектора было бесценно, но Сильвия сжалась над ним, налила ему чая из термоса и, прихватив букет, удалилась в лабораторию.

Юджин принялся к чаю, сделал глоток, но, ощутив явный цветочный привкус, отставил чашку в сторону.

Поздним вечером Сильвия оторвалась от работы и потёрла глаза. Она уже отпустила аспирантов и Кэтти. Информацию о зелье пока не нашли. Химический и магический анализ не показал ничего нового. На столе благоухал букет миссис Уитклиф. Надо бы его тоже разобрать на пробы. Она налила себе последнюю порцию чая из термоса, потянулась и посмотрела в окно. Жёлтый глаз луны сегодня как-то по-особому взывал к ведьминской крови. Ей вспомнилась вчерашняя ночь и последние дни. Несносный инспектор стойко и молча сносил все экзекуции, которым она его подвергала. Успокаивал и поддерживал её. Пожалуй, за эти дни он открылся перед ней с другой стороны. Ей вдруг захотелось его поблагодарить. И повинувшись порыву, она быстрым шагом направилась в свой кабинет, надеясь, что он ещё не ушёл.

Дверь была приоткрыта, и она тихонько заглянула внутрь. Он работал при свете одной лишь настольной лампы и смотрелся в её кабинете так органично. Всегда безупречно уло-

женные волосы сейчас чуть взъерошены, галстук ослаблен. Рукава рубашки закатаны и обнажают красивые мужские предплечья.

Юджин заметил тонкий силуэт в дверях и тут же встал из-за стола.

– Простите, я заработался, – он прочистил вдруг охрипшее горло. – Вам нужен кабинет?

– Нет, я хотела увидеть вас.

Она смотрела на него, как всегда, прямо и с вызовом, но сейчас в её взгляде было что-то ещё. Что-то неясное, загадочное, как все женские души мира.

Она не спеша обогнула стол и подошла к нему. Близко. Слишком близко. Но он не отстранился. Не говоря ни слова, безотрывно глядя ему в глаза, она подняла свою тонкую ладонь и потянула его за галстук. Их губы сближались очень медленно. Казалось, в тишине ночи оглушающе громко грохотали их сердца и сбившееся дыхание.

«Почему в этом поцелуе столько неизбывной тоски?» – подумала Сильвия. Его пальцы сжались на её талии, он провёл носом по её виску и мучительно вдохнул. Затем его губы продолжили жадно путешествовать по её лицу. Проложили дорожку поцелуев по скулам до её губ. И остановились. Она вопросительно посмотрела на него.

– Мисс Платт... Сильвия, – выдохнул Юджин. Он попытался собрать остатки разума и воспитания.

А она дотянулась губами до его шеи, поцеловала, обожгла

дыханием, слегка прикусила. И он, застонав, зарылся рукой в её волосы. С него слетела светская личина, и сейчас перед ней был опасный охотник. Она инстинктивно замерла, но и не думала убегать.

Он снова провёл носом от её скулы к виску и вдохнул колюще-щекочущий ведьминский запах. Её личный опьяняющий аромат. На других ведьм он никогда так не реагировал. И вообще, ни на кого и никогда он так не реагировал.

Обжигающие прикосновения, поцелуи. Они как будто вели молчаливый диалог.

Сильвия сама не поняла, когда они успели переместиться в комнату с кроватью. На них уже практически не осталось одежды. Мистер Грейстон оказался горячим и чувственным любовником. Они как ополоумевшие занимались любовью всю ночь. Кто бы знал, что под его внешней холодностью скрывается такая страстная натура.

* * *

Рано утром Сильвия тихо выскользнула из кровати. Голова гудела. А она сама испытывала странную смесь чувств. Что на неё вчера нашло?! Она соблазнила инспектора! И как ей теперь смотреть ему в глаза и работать с ним?! А если он подумает, что это всё ради результатов проверки?!

Она открыла окно в кабинете, и в голове понемногу начало проясняться. Так, с ней вчера опять явно что-то было

не так. Но в городе она вчера не была... Зато нечто из города побывало здесь! Она посмотрела на чашку с чаем на столе. Она была почти полной... А вот термос – нет... И ещё букет... Она наскоро уложила волосы и вышла в коридор. В голове Сильвии начали складываться фрагменты головоломки. В этом уравнении оставалась одна неизвестная. Она удачно встретила свою аспирантку и прижала её к стенке. Мисс Мэйпл не стала долго отпираться и со слезами призналась, что в её флаконе было зелье истинных чувств с добавлением зелья страсти. Она давно влюблена в мистера Брикли и знает, что тоже нравится ему, но он так увлечён наукой, что никак не может приступить к решительным действиям.

– Истинных? – переспросила Сильвия растерянно. Она надеялась, что там было обычное зелье страсти или хотя бы даже приворотное зелье, но истинных чувств... Это совсем за гранью добра и зла. И почему её под воздействием этого зелья потянуло к человеку, которого она всю жизнь ненавидела?! Ей стало трудно дышать. Она осела на стул и сидела так некоторое время. Мисс Мэйпл тихо всхлипывала рядом. Иногда у Сильвии возникала грешная мысль обзавестись тростью для, так сказать, прикладного воспитания.

Она взяла себя в руки. Отправила аспирантку готовить нейтрализатор для её зелья, так и быть, согласившись сохранить это в тайне, и велела передать мистеру Брикли, чтобы он готовил всё остальное для запуска нейтрализующего дождя.

А ей предстояло другое нелёгкое дело.

Слава лесным духам, Кэтти ещё не было на рабочем месте. Сильвия открыла дверь в свой кабинет. Грейстон был здесь. Уже причёсанный. Застёгивал рубашку.

– Доброе утро, – он прочистил горло.

– Доброе утро! А мы выяснили состав второго зелья и уже готовим нейтрализатор, – выпалила она, пока он не завёл разговор о случившемся. Она не знала куда деть глаза.

– И что же это было?

– Зелье... Любовного свойства. Оказалось, мисс Мэйпл влюблена в мистера Брикли.

– Да, я заметил. Но не подумал, что она дойдёт до таких методов.

– Да. Собственно поэтому мы с вами вчера и... – она зажурилась и выпалила: – Мистер Грейстон, умоляю вас, забудем это досадное недоразумение! Мы вчера были не в себе. Но теперь мы знаем, как всё исправить, и ваша помощь больше не нужна. Я готова выполнить свою часть сделки.

Он помрачнел и некоторое время испытующе смотрел на неё.

– Что ж... Если ты действительно так считаешь... – он всё ещё пытался поймать её взгляд. При обращении на «ты» она вздрогнула, но по-прежнему отводила глаза, как провинившаяся школьница. – Тогда я хотел бы получить от вас зелье забвения. Если это возможно, – сухо добавил он.

Наконец она посмотрела на него.

– Мистер Грейстон, – непривычно для самой себя осторожно и тактично начала она, – я могу сделать для вас это зелье, но это не выход из положения. Простите меня, мне известно, что именно вы хотите забыть. И я очень сочувствую вашей утрате.

Эмоции снова завязались внутри холодным узлом, не давая вдохнуть, и он отвернулся к окну.

– Сейчас ваша душа похожа на выжженный лес, – продолжила Сильвия, – но когда-нибудь на его месте вырастет новый, а зелье забвения выжжет не память, а ваши чувства и превратит душу в сухую пустыню, в которой уже не вырастет ничего нового и прекрасного. Вы забудете не только плохие чувства, но и хорошие. Не вспомните, какую радость вам дарили забота матери, улыбки вашей сестры, сияние её глаз, тепло её ладошек... Женитесь, мистер Грейстон, – она запнулась, но продолжила, – найдите себе тихую, добрую супругу-домоседку, с хорошим здоровьем, с которой в её предсказуемой безопасной жизни и под вашей опекой уж точно ничего не случится. Заведите детей, и они вновь растопят ваше сердце. Вы дьявольски ответственный человек, Юджин, вы сможете о них позаботиться.

Он повернулся и странно посмотрел на неё. Так они стояли какое-то время, глядя друг другу в глаза, пока в приёмной не хлопнула дверь и Кэтти пропела:

– Доброе утро!
Оба вздрогнули.

– Я прошу вас ещё хорошо подумать над этим, мистер Грейстон, – тихо произнесла она.

– Благодарю вас, мисс Платт, – сказал он преувеличено официально, – пожалуй, я последую вашему совету. Всего доброго. – Он снял со спинки кресла свой пиджак и удалился. Сильвия же осталась стоять на месте, глядя в пустоту.

Но когда в кабинет заглянула Кэтти, Сильвия уже взяла себя в руки и собралась на выход. Нужно было принять душ, переодеться и вплотную заняться подготовкой нейтрализующего дождя, чтобы запустить его на этих выходных, когда почти все студенты и преподаватели разъедутся.

* * *

Целый день её одолевали разные мысли и сосредоточиться на работе никак не удавалось. А когда ей приходилось выходить из лаборатории, она, как юная гимназистка, боялась столкнуться с инспектором в коридоре. И в то же время порой искала его глазами в толпе студентов. Ночью ей никак не удавалось заснуть, и она решила что это оттого, что она улеглась ночевать в своей комнате отдыха. Тогда она переместилась в дом Кэтти, но и там сон к ней не шёл. Так проворочавшись почти всю ночь, в предрассветный час она решила ещё раз поговорить с мужчиной, не дающим ей покоя во всех сферах жизни. Что она ему скажет, она не представляла, но ей необходимо было увидеть его. Посмотреть в его

глаза и понять, что он о ней думает.

Его дом в академгородке стоял неподалёку, но инспектора там не обнаружилось. Она это хорошо чувствовала – дом был пуст. Тогда она отправилась в его городской дом, но и там было пусто... На обратном пути на остров она заметила, что его яхты нет у причала. В груди вдруг стало пусто и холодно, как будто внутри неё прошёл ледяной ливень и разом смыл что-то живое и тёплое из души. Она и не заметила, когда оно там поселилось. Значит, он решил последовать её совету... Возможно, скоро она увидит в газете заметку о бракосочетании мистера Грейстона и какой-нибудь тихой благовоспитанной леди. Она обняла себя за плечи, сглотнула горечь во рту и побрела к месту, которое стало её оплотом и домом, но в котором теперь как будто стало чего-то не хватать.

Кэтти весь день наблюдала за своей начальницей, которая как тень прежних дней сидела в лаборатории или тихо передвигалась по институту. Куда-то исчезли её энтузиазм, жизнелюбие и неуёмная энергия. Наконец не выдержав, она затолкала подругу в её же кабинет и устроила безжалостный допрос. Выведав все подробности, она выдала лишь одно:

– Дорогая подруга, не думала, что когда-нибудь тебе это скажу. Ну ты и идиотка!

Сильвия рассмеялась на грани истерики.

– Вот спасибо! Но кажется, я с тобой согласна...

* * *

Наконец настали выходные дни, и институт практически опустел. Сильвия с аспирантами в том же злополучном павильоне делали последние приготовления к запуску осадков с нейтрализатором. На душе у Сильвии было как-то неспокойно, но она уже привыкла в последние дни отбиваться то от меланхолии, то от неясной тревоги.

Они загрузили все заготовки в приёмник портала и собрались перейти в малый зал для запуска, но в этот момент в павильон ворвались какие-то люди в чёрных масках. Не говоря ни слова, они выстрелили по аспирантам из магшоков, и те повалились без сознания. Сильвия едва успела увернуться от напавшего на неё громилы и заметалась между столами. Выход был перекрыт, бежать было некуда, но у неё была другая цель — она должна была во что бы то ни стало запустить портал. Она почти добежала до него, но получила чем-то тяжёлым по голове и уже в падении успела нажать на рычаг. Портал «завыл», и всё оружие бандитов вместе с отборной руганью полетело в него. Кто-то быстро вырубил рычаг. Но Сильвия успела отметить, что заготовки улетели по назначению.

Кто-то грубо схватил её как мешок с тряпьем. Её связали и бросили на пол к аспирантам. Она почувствовала, что по виску стекает что-то тёплое и липкое.

— Нет! — рявкнул грубый прокуренный голос. — Раскидай их по залу. Уизмор велел, чтобы всё выглядело, как будто

они сами тут подорвались. Тащи бомбу вон к той штуке, она выглядит самой опасной.

«Нужно было обеспечить охрану института получше», – подумала Сильвия. Она сквозь боль скосила глаза на своих аспирантов. Бедные дети, они не заслужили такой участи. Она сквозь тошноту попробовала призвать ведьминскую силу. Но без чёткого контроля капризная сила не слушалась. Бандиты уже активировали бомбу, и тут раздался громкий голос:

– Всем стоять! Королевская служба безопасности! Вы окружены! – Сильвия поморщилась. Голова просто раскалывалась, в глазах всё расплывалось. Она едва разглядела вновь прибывших людей. Кто-то кинулся к бомбе, чтобы её обезвредить. Между остальными завязалась потасовка. Но её взгляд был прикован только к одному человеку. Он ловко и изящно, как тогда на пляже, раскидывал бандитов в разные стороны.

«Как же это красиво! – подумала Сильвия. – Мог бы и Кривнича уделать...» – и провалилась в темноту.

* * *

Сильвия пришла в себя в лазарете вечером следующего дня. У её кровати сидела Кэтти. Она поведала, что из-за происшествия весь город и институт стоят на ушах. Везде шныряют сотрудники Королевской службы безопасности, всех

допрашивают, но сами не говорят, что именно произошло и от чего случился взрыв.

– Взрыв? – Сильвия поморщилась, и Кэтти подала ей стакан воды.

– Бедняжка моя, ты ничего не помнишь?

– Нет, взрыв я не помню, но мне показалось, что там был мистер Грейстон.

– Тебе не показалось, – заговорщицки прошептала Кэтти. – Он здесь! В соседней палате!

– Что?! Что с ним?! – спохватилась Сильвия и соскочила бы с кровати, но тело ещё плохо слушалось.

– Успокойся, дорогая! Его слегка контузило, но он уже в порядке. Это он вытащил тебя из горящего павильона! И он уже раз пятьдесят заходил узнать, как ты. Так что вот тебе твои целебные зелья и зеркало, приводи себя в порядок. А я пока пойду узнаю последние новости.

Она ушла, и Сильвия посмотрелась в зеркало. Её уже подлечили, но ещё остался синяк на скуле и безобразный шрам на виске. Это она быстро поправит. Следов не останется, а пока она прикрыла часть лица волосами.

В дверь постучали, и в проёме появился мистер Грейстон в пижаме и больничном халате. Она заметила, как сжались его челюсти от её, должно быть, жалкого вида, но он постарался улыбнуться.

– Думаю, я должен объясниться.

– Да уж, будьте любезны.

Он протиснулся в палату и достал из-за спины букет! Вот теперь Сильвия по-настоящему удивилась. Но приглядевшись, усмехнулась. В основном это были крупные гладкие листья, а мясистые стебли венчали ещё нераспустившиеся бутоны.

– Изящное решение, – улыбнулась она.

Как ни странно, на подоконнике обнаружилась ваза. Слегка прихрамывая, он поставил цветы в вазу и присел на стул рядом с кроватью. Несколько мгновений они жадно рассматривали друг друга, отмечая все ссадины и повреждения.

– Итак? – подтолкнула она его.

Оказалось, некоторое время назад в Королевскую службу безопасности поступил сигнал о готовящейся диверсии в Институте экспериментальной погоды и покушении на убийство госпожи Платт. Организатором выступал сенатор Уизмор – ярый противник женской эмансипации в общем и женщины во главе страны в частности. К тому же, в силу происхождения, он сам состоял в списках на престол. А главной путеводной звездой набирающего обороты женского движения он видел мисс Платт.

Но всему этому не было доказательств. И чтобы разведать обстановку и не спугнуть диверсантов, безопасники завербовали одного знакомого магинспектора. К тому же, он недавно приобрёл яхту, и несколько сотрудников КСБ прибыли вместе с ним под видом матросов.

Диверсию планировалось устроить ещё на первом экспе-

рименте, но, видимо, появление магинспектора из столицы их спугнуло. Разведка на месте не принесла результатов. Поэтому решено было отплыть на какое-то время, чтобы их спровоцировать.

Он коснулся её ладони, лежащей поверх покрывала, и мягко сжал её.

– Простите меня, Сильвия! Я должен был предупредить вас, но я был связан магической присягой. И когда диверсанты ворвались в павильон, безопасники ждали, пока прозвучит имя заказчика... Они успели активировать бомбу, и её пришлось бросить в магнейтрализатор. Это снизило силу взрыва, и все остались живы. Мне очень жаль, – прошептал он и едва коснулся пальцами её волос, прикрывающих синяки.

Она смутилась, и он убрал руку.

– Значит, теперь все ваши дела закончены и вы по-настоящему нас покинете?

Он встал и отошёл к окну. Побарабанил пальцами по подоконнику.

– Вы так хотите, чтобы я уехал? – он слегка повернул к ней голову.

– А знаете, мистер Грейстон...

– Да?

– Знаете, в нашем институте совершенно никчёмная служба безопасности... – он удивлённо развернулся к ней. И она снова смутилась, как малолетняя дурочка. Но набра-

лась решимости и выпалила: — И думаю, что я могла бы предложить вам от лица руководства организовать и возглавить службу безопасности Института экспериментальной погоды...

Юджин совершенно по-мальчишески разулыбался.

— Что ж, вашему институту совершенно точно нужна новая служба безопасности, а вам, Сильвия, — он подошёл к ней, снова взял её ладонь и погладил тыльную сторону большим пальцем, — мой личный присмотр.

Так они и сидели, улыбаясь друг другу, пока он не достал из-под полы халата чёрную папку.

— У меня для тебя ещё один подарок.

— Что это? — она открыла папку. Там обнаружились листы с карандашными портретами жителей городка, план города, копии свидетельств о браках и разводах, документов по продаже или приобретению собственности, дарственных и прочая. И знакомая записная книжка. Сильвия подняла на него глаза.

— Но как?!

— Обменял на эксклюзивную историю о диверсии, — хитро улыбнулся он. — Разумеется, без раскрытия важных имён.

Он промолчал о том, сколько ещё пришлось приплатить ушедшему репортёру. Но это останется только между ними. Главное, что её глаза теперь сияли, а к бледным губам возвращался сочный ягодный цвет. Ему нестерпимо захотелось их поцеловать, и он не отказал себе в этом удовольствии.

Сильвия отстранилась и прошептала:

– Ты всё-таки уделал его.

– Что?

– Ничего, – она улыбнулась, взяла его лицо в ладони и поцеловала.

Как он и обещал, они разобрались с проблемами. Вместе. А впереди её ждало новое поле для исследований – жизнь в браке, полная любви, узнавания друг друга, притирок, бурных ссор и не менее бурных примирений.

Ева Санкевич. МОЯ ДУША

*И всё, чем смерть жива
И жизнь сложна, приобретает новый,
Прозрачный, очевидный, как стекло,
Внезапный смысл.
#*

А. Тарковский. Дерево Жанны

Разношёрстная толпа плотной массой двигалась к турникетам. Сосредоточенная и слишком уж серая на контрасте с весёлыми бликами апрельского солнышка, скачущими по крыше и стёклам Балтийского вокзала. Кажется, одна я в ядерном жёлтом плаще была заодно с весной, счастливая и слегка ошалевшая. Видимо, именно это и помешало мне заметить на ступенях корочку ночного льда.

Я не успела ни взвизгнуть, ни помянуть непечатным словом дворника, как уже летела спиной на бетонную лестницу. Солнечный свет неожиданно яростно полоснул по глазам, аж затылок заныл. Пятая точка тоже завопила о грубом обращении. Впрочем, прелести долгого валяния в грязи под ногами пассажиров мне прочувствовать не дали. Чьи-то руки в серых замшевых перчатках подхватили меня под мышки и увлекли вперёд к выходу в город.

– Спасибо вам большое!

Я обернулась к своему спасителю и слегка опешила. Ну и кадр мне достался! Эдакий Вилли Вонка на четвёртом десятке в честерфилде сливового цвета. Котелка на вихрах не хватает. Впрочем, поверх крупной гарнитуры и не наделся бы.

Судя по довольной улыбке, мужчина понимал, какое впечатление производит на неподготовленного зрителя.

– Всегда рад помочь, душа моя. Не запачкались?

Я оглядела плащ, который на удивление не пострадал.

– Весна кружит голову, – пошутила я.

– Балет в городской среде, – поддержал он. – Вам в метро?

– Нет... У меня утренний моцион.

– Неужели тоже в сторону Стачек? Тогда мне повезло.

Я недоверчиво моргнула.

– Меня зовут Елизар. А вас?

– О-о! А вы соответствуете имени, – я не удержалась и окинула собеседника выразительным взглядом, но повода не представиться не сочинила. – Валерия.

– Даже больше соответствую, чем вы думаете. Я ещё и художник.

Я невольно вспомнила знакомого художника, одно время настойчиво предлагавшего меня нарисовать. У него в трёх разных городах живут дети от разных женщин. А может уже и не в трёх... В общем, срисовать я себя не дала.

Елизар словно прочёл мои мысли.

– Во избежание внезапного нападения, заявляю: я не портретист. Аватарку не напишу. Максимальный уровень эксплуатации меня – вдохновляющий пейзаж с надписью в центре «здесь может быть ваше изображение».

– А что, много желающих вас поэксплуатировать? – прыснула я.

– Можно на «ты», – небрежно разрешил мой спутник. – Художника каждый норовит заарканить! И припрятать в кладовку на будущее. Знаешь, кто такие сеноставочки? Вот сейчас я тебе и расскажу...

Пока мы шли до площади Стачек, Елизар не замолкал и развлекал меня по полной. Я была так поглощена представлением, что заподозрила неладное, только когда в третий раз проверила смартфон и всё ещё не обнаружила подключения к сети.

У входа в здание, в котором я работаю, меня настигла коллега. Моё громкое приветствие она проигнорировала и посмотрела сквозь меня. Хамства за ней отродясь не водилось. Мы не соперничали, не ссорились.

– Что происходит?! – я растерянно взглянула на своего провожатого.

Тот дёрнул подбородком вбок и неожиданно отстранённо сообщил.

– Мне очень жаль, но ты мертва.

Меня от макушки до пят пронизало холодом. Я через силу растянула губы в улыбке.

– Чушь какая! Вот же я! Не просвечиваю, с тобой разговариваю.

– Только твой дух. Ты ударилась головой, когда упала на вокзале. И умерла. Так бывает.

– Ты тоже мёртвый? – пробормотала я хрипло, вновь тщетно хватаясь за мобильник, как за последнюю соломинку.

– Нет. Я проводник. Так уж вышло, что я вижу и мир живых, и пограничье. Моя работа – провожать не отошедшие сразу души умерших в мир иной.

– Поганая работа какая-то...

– Я не выбирал, – он печально улыбнулся.

Я отчаянно помотала головой и бросилась обратно к вокзалу. Места происшествия я достигла в три прыжка, что не обнадёживало, в физическом мире люди так быстро не скачут.

Тела не было, зато была кровь. На мой взгляд, неприлично много крови. Ступени на месте моего падения частично огородили лентами, у которых точили ляды двое ЖД-работников. У входа торчала машина полиции.

Перед моим внутренним взором возникла картинка с зелёным холмиком и аккуратным каменным крестом, на котором пугающе красивыми золочёными буквами значилось «Стасова Валерия Витальевна, 1998—2025».

– Вот ведь вселенские ёжики!!!

В голове нарастал звон, и я словно отключилась на время

от реальности, а включилась снова на сиденье полупустого автобуса. Много лет не ездила на автобусах...

Рядом оказался давешний мистер Вонка, откликающийся на имя Елизар.

– И как оно?

– Ты следишь за мной, что ли?!

– Скорее, наоборот. Не кипятись, душа моя. Этот феномен называется «канат паромщика». Призрак притягивается к ближайшему проводнику, если только осознанно не старается держаться подальше.

На нас оглянулась какая-то женщина. Ну да. Это меня она не слышит, а его очень даже. Елизар обаятельно улыбнулся пассажирке, заправил за ухо длинную волнистую прядь и показал на наушник. Теперь понятно, почему он гарнитуру из уха не вынимает.

– Давай-ка прогуляемся? Как раз к остановке подъезжаем. Я фыркнула.

– Боишься, что за психа примут?

– Да. А ещё санкций и большого макаронного монстра.

Автобус выплюнул нас у малолюдного сквера.

– Какого лешего ты мне сразу не сказал?! – набросилась я на проводника, когда автобус отчалил. – Специально зубы заговаривал и уводил подальше?

– Отчасти.

Елизар ничуть не выглядел виноватым.

– С теми, кто видел своё мёртвое тело, бывает очень слож-

но общаться. Шарахаются потом по городу с воплями да спать мешают честным людям.

– Честным? Явно не о тебе речь! – съязвила я. – А что, в кино правду показывают про полтергейста? Духи могут предметы двигать, послания на запотевшем зеркале писать, знакомых пугают?

– Художественный вымысел, – отмахнулся спутник. – Призрак может являться только проводникам. А для писательства вам недостаёт телесности.

– Но ты же меня как-то подхватил там, у вокзала?

– Не физически. Я просто перехватил твоё внимание и утащил за собой, как воздушного змея на верёвочке.

– Я не воздушный змей!

– Как скажешь, душа моя.

Я обиженно запыхтела.

– А можно мне сменить проводника? Вас вообще таких много, огласите весь список!

– Я лично знаю одного. Но по Питеру, подозреваю, несколько десятков наберётся. Членских билетов у нас, как ты понимаешь, нет.

– Откуда тогда предположение?

– Чисто математически. В сутки в городе умирает больше сотни человек. Я сталкиваюсь с неприкаянными душами раз в десять-пятнадцать дней. Большинство душ отходят сразу. Но вряд ли 1999 из 2000 с готовностью воспаряют на небеса. Значит, остальными занимаются другие проводники.

– Математик из тебя так себе, – поделилась я своими наблюдениями. – Так что мне теперь делать? Как организовать посмертное существование?

– Смириться с неизбежностью смерти. Это свершившийся факт. Прощаться и отправиться дальше, к новым приключениям.

– Ну, ёлкин гриб! Так просто не может быть!

Мужчина невесело усмехнулся.

– Хоть бы один сказал: «Спасибо, Елизар. Именно так я и сделаю». Ну да ладно. Нет так нет. Тогда просто привыкай к новым условиям существования. Наслаждайся внеочередным выходным и прогулкой по любимому городу.

Я огляделась. О! А район-то знакомый, я здесь с подругами часто встречаюсь.

– Слушай, а ты не замечал, что некоторые двери как бы светятся? Или это у меня посмертные галлюцинации?

– Это двери, через которые ты ходила, – пожал плечами Елизар.

– А светятся-то почему? – я невольно засмотрелась на дверь кафе-кондитерской, сияющую янтарным светом – тёплым и сладким, как их обалденный грушевый пирог.

– Это вроде отметок на виртуальной карте. Твоё сознание их отметило как приятные места, куда стоит заглянуть. Хочешь, сходи, я подожду, – непринуждённо предложил проводник.

Я сделала шаг к кондитерской, но тут в голове что-то

щёлкнуло: смерть, дверь и манящий свет в конце тоннеля. Пазл сложился. Я обернулась.

– Дорогой волшебный помощник, а скажи-ка мне, как из пограничья уходят души, которые сразу не вознеслись в потоке света?

Елизар озадаченно приподнял брови и отвечать не спешил.

– Дай угадаю. Они маются, начинают бродить или, как ты тактично заметил, метаться с воплями по знакомым местам, кидаться к близким. Так, кажется, описываются первые три дня после кончины? И если я сейчас войду в эту дверь, путь назад закроется? – мой голос набирал обороты. – Это и есть твоя работа? Потихоньку выпнуть заплутавшую душу в мир мёртвых через ближайшую дверь да забыть поскорее? Ну нет, хорёк лживый! Меня ты не забудешь!

Я так разбушевалась, что Елизар отступил на шаг, а над большим рекламным щитом с афишей известной певицы хлопнула и погасла лампочка.

– Отрицание, гнев, – с неожиданной жёсткостью сказал проводник. – Дальше будет торг. За три дня душа как раз успеет пройти все пять стадий принятия неизбежного. Ты не исключение! Вы все такие. Но я помню каждого! Шестьсот девять душ!

Вихрь эмоций стих, и я ощутила лёгкий укол совести.

– Но ведь наверняка есть и те, кто не ушёл на третий день...

– На девятый день является адский пёс.

Меня передёрнуло от нехорошего предчувствия.

– И что... он делает?

– Приносит тапочки Хозяину, как и положено дрессированному псу.

– Я не тапочки... – голос опять начал меня подводить.

– Ему всё равно.

– А спрятаться можно? Отвлечь, подкупить, обмануть?

– А вот и торг, – хмыкнул Елизар. – Бьёшь рекорды. Думаю, так и до вечера управимся.

– Хренушки, – я постаралась сказать это максимально противным голосом. – Не бывает, что совсем ничего нельзя предпринять.

На лицо проводника вернулось беспечное выражение.

– Что ж, вперёд! Я люблю перформанс. Полюбуюсь из вот того окна, – он указал на окошко кондитерской и скрылся внутри прежде, чем я успела возмутиться.

Следующие двадцать минут я через стекло наблюдала, как он потягивает кофе, излучая расслабленное благодушие. Расстегнул этот свой дурацкий камзол, вытянул длинные ноги в нелепых остроносых сапогах, а я смотрела и фырчала от негодования и бессилия. А потом увидела нечто пугающее. От соседнего дома в двух десятках метров от меня отделилась крупная четвероногая тень. Она затрусила в сторону дороги, излучая густые чёрно-оранжевые всполохи пламени. Прохожие не обращали на тварь внимания. А вот авто-

мобиль, через который «собачка» пробежала, взвизгнул тормозами и едва не влетел в столб. Я тоже взвизгнула и прямо через окно заскочила в кафе.

– Какого лешего этой твари здесь нужно?! Ещё не прошло девять дней!

Елизар сделал вид, что отвечает на звонок.

– Что случилось, душа моя?

– Там адский пёс шурует по улице. Чуть аварию не устроил.

– Аварию он устроить не может. А пришёл, видимо, за кем-то другим. Дышим ровно.

– Не было там другого! Эта тварь проскочила прямо сквозь машину, и водитель потерял управление! Может за рулём был твой коллега или ясновидящий какой?

– А может вампир или зубная фея, – в тон мне продолжил проводник, но из кафе вышел.

Впрочем, машина к этому моменту усвистала, как и потусторонний пёс. Я чуть успокоилась, мысленно сосчитала до десяти и просочилась за спутником обратно на улицу.

– Елиза-ар?

Проводник посмотрел на меня с наигранной обречённостью.

– А вампиры правда существуют?

Он хохотнул.

– Как говорит голосовой помощник в умных часах моей племянки: «А это я расскажу, когда ты вырастешь». Чем

займёмся, душа моя?

– А обычно ты чем с призраками занимаешься?

– Пытаюсь выкинуть в ближайшую дверь, вроде выяснили уже. Не надумала? – он указал большим пальцем в сторону кафе.

Я зарычала.

– Ну, тогда будем гулять.

– А тебе работать не нужно? – поинтересовалась я, принаравливаясь к его шагам.

– Я на фрилансе. Сегодня буду набираться вдохновения.

Мы наматывали круги и петли по городу, останавливались у лотков уличных продавцов, заходили в кафе, книжные магазины, сувенирные лавки. У некоторых мне подолгу приходилось ждать своего спутника, поскольку двери светились пресловутым медовым светом, а чтобы прыгнуть сквозь стену, требовалось какое-то особое настроение. В один из таких моментов я заметила вдалеке ещё одного пса, но никаких происшествий с его участием на таком расстоянии не углядела.

Ближе к вечеру, когда моя голова припухла от слов типа «безлайн», «коллаб» и «архивольты», мы сместились к спальным районам и у торгового центра опять встретили загробную тварь. На этот раз Елизару выпал шанс увидеть её своими глазами.

– Вот, гляди! Это уже третий за сегодня! Неужто на два района столько душ девятидневной свежести?!

– Маловероятно. Полагаю, это один и тот же пёс.
– Разные, – уверенно возразила я.
– Да? Ну, пойдём, посмотрим, куда он.
– Спятил?! – мой голос сорвался в третью октаву.
– Можешь здесь подождать, – злорадно осклабился проводник. – Мне собачка не грозит. Но тебе, кстати, пока тоже нечего бояться.

Я ещё раз выругалась, но последовала за Елизаром. Мы бегом поднялись на четвёртый этаж многоуровневой парковки как раз вовремя, чтобы заметить, как пёс схватил прозрачного мужчину, подбросил вверх и проглотил за один присест. Тело мужчины лежало тут же на бетонном полу. Это наводило на мысль, что девять дней явно ещё не прошли.

– Эта тварь его что, сожрала?! – прошептала я.
– Как попкорн, – сдавленно произнёс Елизар.
– Я думала, он должен просто утащить.
– Должен. Я впервые такое вижу. И это сюр какой-то!
Адский пёс повернул морду в нашу сторону.
– Беги!

Но я уж и сама, не дожидаясь команды, метнулась к пандусу.

Чудище, однако, двинулось не в мою сторону, а к моему проводнику. Елизар такого поворота не ожидал и будто прирос к полу. Тварь приближалась. Я не успела обдумать, какого лешего я делаю, как уже с разбега врезалась в бок адского пса. Чудовище скрежетнуло, перекатилось по полу и вы-

летело сквозь ограждение наружу. Я сама едва успела затормозить на краю парковки. Мне, в отличие от живого и материального Елизара, ограждения служили весьма условными препятствиями.

Проводник выглянул наружу и резюмировал:

– Исчез. Уходим отсюда.

Мы покинули паркинг ещё поспешнее, чем зашли. На улице окончательно стемнело и снова подморозило, показались звёзды. Елизар был мрачен и молчалив.

– А ты не думаешь, что тот мужик был ещё жив, когда?.. – осторожно начала я.

– Думаю. И это только одна из моих версий. А версии вообще одна другой краше. Как будто я до этого жил скучно!

– Сейчас главное, что «комиссар Рекс» за нами не гонится. И теперь ты знаешь, что псов несколько и от них стоит держаться подальше.

– Хэштег «этожопыт»! – хмыкнул мой спутник.

Мы снова замолчали. Каждый, надо думать, о своём.

– Лера.

Ну надо же, по имени назвал. Я удивлённо уставилась на Елизара.

– Спасибо. Ты спасла мне жизнь. Скорее всего...

– Я ещё и вышивать могу, и на машинке...

– Не сомневаюсь! – усмехнулся Елизар и решительно добавил после паузы: – Я понял, что с псом не так. Ошейника нет.

– Точно. На первом был, – вспомнила я. – И что это значит?

– К сожалению, я не кинолог мира мёртвых. И любое моё предположение будет одинаково далеко от истины.

Я открыла было рот, чтобы поинтересоваться, что же нам тогда делать, но проводник продолжил.

– Зато я знаю, у кого спросить. Завтра сходим в гости.

– Почему не сегодня?

– Сегодня я хочу есть и спать. Я, в отличие от тебя, ещё жив. Поэтому иду в гостиницу.

– У тебя что, дома нет?

– Не ношу работу домой.

– Паразит!

Елизар снял одноместный номер, поужинал в соседнем ресторанчике, старательно игнорируя меня. А я, конечно, старательно допекала его. Когда я сходила на кухню и, вернувшись, злорадно бубнила ему, какая у них там антисанитария (приукрасила, конечно), моя жертва чуть не подавилась. Но, в целом, проводник демонстрировал чудеса терпения и самоконтроля. А перед походом в душ ещё и подначил меня, мол, туда тоже со мной пойдёшь?

– Неужели есть на что посмотреть? – невозмутимо уточнила я ему в спину.

Впрочем, когда он полураздетый и с влажными волосами ложился в постель, я вынуждена была признать, что посмотреть есть на что. За собой Елизар явно следил. В качалку

не ходил, но тело держал в тонусе. Может свою роль играли вот такие многочасовые прогулки с душами, а может картины в тяжёлых рамах таскал...

Свет погас.

– А ты с детства призраков видишь?

– Нет, конечно. Дай поспать.

Елизар явно не горел желанием развивать тему, но кого это волнует.

– А как получилось, что стал видеть?

Проводник накрыл голову подушкой.

– Со мной тебе удачи не видать, но так и моё дело зло и месть... – фальшиво начала напевать я.

Елизар фыркнул и сел, спустив ноги с кровати.

– Я убил человека. И это необратимо изменило мою психику.

Я потрясённо замолчала. Он не был похож на убийцу. Во всяком случае, я не представляла его в этой роли.

– Случайно?

– Нет. Не случайно. Ты не отстанешь? – без особой надежды поинтересовался мой новый приятель-убийца.

Я покачала головой, хотя засомневалась, что горю желанием услышать эту историю.

– Я в юности хотел создать нечто настолько уникальное и масштабное, чтобы обо мне заговорили с экранов, чтобы моё имя было вписано в учебники. Я стал изучать психологию и создал цикл работ. Назвал их, будешь смеяться: «лю-

бовь», «веселье», «презрение», «печаль», «ужас» и «отчаяние». Работы, без ложной скромности, были неплохи. Один знакомый даже выставил их в галерее, рядом с картинами и инсталляциями других молодых дарований. Критики отнеслись... Да, в общем-то, никак не отнеслись, даже не заметили. Пока в последнее утро выставки не нашли под «отчаянием» тело в луже крови. Один парнишка впечатлительный проникся смыслом картины, написал в свой блог подробную простыню о моём таланте и даре убеждения, пролез ночью в галерею и свёл счёты с жизнью. Мы с куратором выставки его и обнаружили. До сих пор помню натуру в подробностях...

Я присела прямо на ковролин у его ног и затаила дыхание, что оказалось нетрудно – дыхания-то у меня больше не было.

– Он ко мне первым и явился, – продолжал Елизар. – Даже удивительно, что я после этого не отъехал в психиатрическую лечебницу по примеру Его Величества Мунка.

– Но ты же...

– Не виноват. Знаю. Но я хотел внушить людям определённые чувства. И внушил. Эксперимент прошёл успешно. Теперь рисую реки, фонари и лосей в пальто.

– Почему лосей?

– Лось в пальто гарантированно не вызовет суицидальных мыслей. А теперь мне нужно поспать.

– А мне чем заняться? – буркнула я.

– Погуляй ещё. В Эрмитаж ночной сходи, родных навести,

ты можешь в любой конец города добраться в три прыжка и пройти сквозь стену.

Видимо, выражение моего лица после этих слов стало очень красноречивым, потому что Елизар нахмурился и тихо спросил.

– У тебя есть семья? Родня? Парень или муж?

– Родители. И сестра.

Я встала.

– Но мне даже думать страшно, в каком они сейчас состоянии. Это кошмарнее тысячи собственных смертей. Я больше всего на свете боюсь причинить им боль и разочарование.

– Я много лет никому не предлагал этого, – медленно начал мужчина, глядя себе под ноги. – Потому что обычно такие попытки не приводят ни к чему хорошему. Но если ты захочешь передать семье что-то важное, я придумаю, как это сделать.

Мои несуществующие внутренности скрутило спазмом.

– Лучше и впрямь проветрюсь. Спокойной ночи.

До утра я в прямом смысле летала над городом. Меня словно затянул в себя полупьяный северо-западный ветер, который то взмывал в облака, то нырял в колодцы дворов, то ударялся о зелёные воды рек и каналов, поднимая свежие брызги. Не было ни холода, ни страха, только необузданный восторг.

Около десяти утра я собралась в призрачную, но антропоморфную форму и обнаружила себя в кафе, где Елизар как

раз заканчивал завтрак. Проводник в этом своём причудливом пальто вновь выглядел свежим и бодрым и что-то увлечённо зарисовывал карандашом в блокноте.

– Отличный вид! – он бросил на меня короткий лукавый взгляд.

Я оглядела себя. О, как! Я, оказывается, могу менять образ. Сегодня на мне красовалось полосатое пальто с брошками-мухоморами на воротнике. И волосы заплетены в «корзиночку». Знать, перед новым приятелем выпендриваюсь.

Проводник рассчитался, и мы отправились на обещанную консультацию «кинолога». В кабинете эксперта царил апокалипсический бардак, выдающий в хозяине творческого человека.

– Лёва, будь здоров!

– О! Ты, Лосяш?

Лысоватый мужик в толстовке с надписью «Не Хемингуэй меня!», который пожимал Елизару руку, был абсолютно беспросветно слеп.

– Я, Лёвушка. Пришёл навестить твои картотечные мозги.

– А Лев Лосяша не скушает, – давясь смехом, уточнила я.

– Ты, смотрю, не один пришёл.

Веселье как рукой сняло.

– Он меня видит?!

– Он тебя не видит и не слышит. Зато отменно чувствует, – просветил Елизар, а потом ответил уже своему приятелю. – Да, я с подружкой.

– Особенная, видать, подружка. За восемь лет ты впервые ко мне в такой компании.

– Какая грубая провокация! – усмехнулся проводник, приземляясь на барное кресло прямо поверх каких-то тетрадей и шарфа. – Что бы я ни ответил, она мне потом мозги чайной ложечкой выест.

– А она мне уже нравится.

– Мне тоже.

Слова возмущения застряли у меня в горле, но Елизар как ни в чём не бывало продолжил.

– Ты лучше скажи мне как эксперт, адские псы могут навредить живым? И как может пёс разгуливать в пограничье без ошейника?

– Странное дело, – Лев сел в своё кресло-трон на колёсиках. – За последние полгода ты второй, кто со мной на эту тему беседует.

Проводник подобрался.

– Приходил ко мне осенью мужичок один по знакомству. То ли из ваших ультразрячих, то ли некромант. Был глубоко в теме. Расспрашивал, почему загробный пёс может задержаться в нашем мире. А причин может быть только две: не нашёл добычу или гуляет не на привязи. У меня когда студиозусы для одной из книг древние источники шерстили, наткнулись на мнение, что загробные псы с аппетитом жрут души, а останавливает их только ошейник. Пока пёс в ошейнике, он выполняет команду «догони и принеси». Но если

ошейника нет, то нет и обязательств перед Хозяином.

– А если он съел, а не приволок душу на тот свет, там не заметят недостачи? – поинтересовалась я.

– Если один пёс ест души, то они на тот свет не отправляются, и на охоту за каждой на девятый день приходит новый пёс, – задумчиво проговорил Елизар.

– Да, я тоже к таким выводам пришёл, – кивнул псевдокинолог. – Они будут всё прибывать да бродить по улицам. И чем это нам грозит – неизвестно. Есть ли какая-то критическая масса, ограничено ли число посланников, будут ли они между собой собачиться? Неизвестно. И по первому твоему вопросу всё довольно туманно. Вроде в некоторых преданиях говорилось, что из пасти у псов капает ядовитая слюна, которая душу прожигает, растворяет. Но для живых она не опасна. Псы ведь в мир живых не вхожи, только в пограничье, как вы, проводники.

Мы с Елизаром переглянулись.

– А ты, кстати, знаешь, что за последний месяц несколько ваших умерли? Вот вчера одного нашли. На парковке в торговом центре сердце остановилось.

Я увидела, как у моего приятеля напряглась челюсть.

– Не знал. Это ты среди богемы крутишься, всегда в курсе сплетен.

– Ты меня сейчас оскорбить хотел? – расхохотался Лёва.

– Слушай, Лёвчик, может ты чисто теоретически знаешь,

если на пса опять ошейник надеть, он обратно на тот свет уйдёт?

– Да уйдёт, наверное. И у остальных сработает условный рефлекс, когда их собрат с полным пузом душ к Создателью вернётся... Теоретически. Я так понимаю, у тебя интерес практический? Повстречал такого псинку?

– Повстречал, – мрачно признал проводник.

– А где ошейник, знаешь?

– Нет.

– Я тебе найду контакты того некроманта. Не зря он мне три дня подряд мозги плавил.

– Добро. А как он свой интерес объяснил? Ты же, наверняка, бартером работал. Информация за информацию.

– Говорил, записи какого-то предка своего расшифровал. А там зелья на основе слюны загробного пса. Всё как всегда: могущество, бессмертие, вечная молодость.

– Интересно, он убил кого-то, чтобы подманить пса?

– Вроде про манок какой-то обмолвился. Но мог и жертву принести, какой только дичи люди не творят.

– Как можно было незнакомому психопату такую информацию раскрывать, – зашипела я, не в силах сдерживать возмущение.

– К Лёве такие каждую неделю ходят. И, в основном, это просто пустые разговоры, бесконечно далёкие от реальности.

– А какой тогда смысл...

– Идеи. Из таких бесед можно получить массу интересных сюжетов для повестей и романов. Это существенно, когда количество доступных ресурсов ограничено.

– Что, ругается барышня?

– Сеанс ворчания.

– Это она ещё не знает, что ты со мной тоже по бартеру работаешь.

Лев посмеиваясь достал смартфон и с помощью голосового набора связался с секретарём. Через пять минут мы уже были счастливыми обладателями контактных данных некроманта. Перед расставанием мужчины ещё некоторое время обсуждали техзадание на обложку к новой книге Лёвы, а я слонялась по кабинету, разглядывала книги и картины.

На улице я спросила:

– Не думала, что некроманты существуют. И что они делают?

– Проводят ритуалы на могилах, варят зелья, колдуют. Работают за деньги. Они тоже видят пограничье, но получают способности искусственно. Могут поймать свежую душу, задержать и выпытать секреты, заставить батрачить на себя. Но в основном это, конечно, шарлатаны. Атрибутика впечатляющая, а на деле – погремушки.

– «Некромант из Колпино» звучит очень пугающе! – хмыкнула я.

Елизар расхохотался.

– Не менее эффектно, чем «психагог с улицы Электро-

пультотцев».

– Или маг с дороги на Турухтанные Острова.

– Фея из Купчино?

Почти весь путь до пункта назначения мы предавались то-
понимическому безумию. Я хрюкала и икала от смеха. Ели-
зара возненавидели немногочисленные пассажиры автобуса.

Домик у адресата оказался под стать профессии – старый,
мрачный. Забор местами покосился, ворота заклинило в от-
крытом состоянии.

– Мне лучше сходить без тебя, – вдруг сказал проводник.

– Почему? – запротестовала было я, но тут же опомнилась
и сама себе ответила. – Некроманты могут пленять неприка-
янные души. Да, ты прав. Но ты там... осторожнее.

Мужчина лучезарно улыбнулся.

– Как скажешь, душа моя.

Мне пришлось болтаться в окрестностях больше часа.
Елизар вернулся частично удовлетворённым.

– Похоже, наш клиент. Ошейника я, конечно, не нашёл.
Он и лабораторию свою мне не показал. Думаю, она в под-
вале. Но зелье он там готовит. И оно на основе яда пса и ве-
сенней талой воды, собранной в новолуние. То есть собачку
он подоил.

– Как?! А главное, зачем?

– Он умирает. Немного времени осталось. Последние па-
ру лет он выискивал рецепты от смерти, и вот нашёл.

– Так это зелье его исцелит?

– Нет, тут не про бабочек и радугу. Он собирается переселиться в здоровое тело. Видимо, потому и отпустил питомца погулять. Чтобы в нужный момент выдернул для него из жертвы душу. А зелье прирастит его призрак в освобождённое тело.

– Идрить твою! Он тебе сам сказал?

– Я, конечно, располагаю к себе людей, но не настолько, – хохотнул проводник. – Несколько оговорок, пара правильных вопросов, а потом я ещё заглянул в гримуар... И сложил заветное слово из четырёх букв.

– Но «счастье» не получил... – закончила я за него. – Как он вообще с тобой побеседовать согласился?

– Я представился Лёвкиным ассистентом. Сказал, что нужно уточнить для книги кое-что. Да плюс для иллюстраций на антуражные вещи посмотреть. Даже удостоверение членкора РАХ показал.

Умно. Я посмотрела на своего нового приятеля с большим уважением.

– А когда он это собирается провернуть? И как подманит жертву и тварь? И кто жертва?

– А вот этого он мне не сообщил. Но по датам у них обычно ритуалы либо в новолуние, либо в полнолуние. Завтра розовое полнолуние.

– Как удачно, – проворчала я. – И что будем делать?

– Мне понадобится твоя помощь.

– Ну, ясен пень.

Теперь он бросил на меня странный взгляд.

– Думаю, ему в качестве жертвы нужен молодой проводник. Чтобы, так сказать, продолжить профессиональную деятельность в подходящем теле. Я поеду в город и узнаю телефоны подходящих под критерии коллег. Кого получится, предупрежу. И ещё разузнаю, что смогу, про подобные ритуалы. Тебе же нужно найти ошейник, но не попасться некроманту. Возможно, дожждаться, когда он заснёт или пойдёт в магазин. А потом отследить, когда он выйдет на охоту. Незаметно. Как только выяснишь, на кого он нацелился, найди меня и сообщи.

Мы ещё немного повертели ситуацию и так и эдак и расстались, имея в головах примерный план на ближайшие сутки. Для меня это были сутки открытий и нового опыта. Я обнаружила, что время в пограничье течёт отлично от времени в мире живых, может замедляться и ускоряться при определённых настрое и концентрации. И не только когда мне нужно быстро добраться до цели.

Сперва я не могла придумать, как заглянуть внутрь жилища некроманта. Я не знала, обладает ли хозяин дома способностью видеть души или же чувствует их, как Лёва. Подкравшись со стороны сарая, я попыталась пройти сквозь стену, но попытка провалилась – я всё ещё не поборола собственные убеждения о свойствах материи. Зато я ощутила движение внутри дома, словно меня достигали волны от пловца в бассейне. Меня качало на этих волнах, и по их высоте и си-

ле я безошибочно определяла, куда перемещается человек. Я не заметила, как слилась со стеной, сама стала стеной, всеми стенами и потолком дома, способными смотреть и слушать.

Нужное имя сперва появилось на бумаге, в какой-то записной книжке. Потом прозвучало в телефонном разговоре. Я не до конца поняла, как распознала эти слова в шквале информации, но была уверена в их назначении и достоверности.

Когда я вышла из стены, город уже жил по времени субботнего дня. Я провела в стене сутки, даже не заметив этого.

В три лёгких шага я перенеслась к Елизару.

– Жертва Максим Курбанов.

– Знакомое имя, – кивнул проводник. – Сейчас поеду к нему. План такой: позволяем некроманту настигнуть жертву, ждём, пока он позовёт адского пса, потом я обезвреживаю некроманта, а ты надеваешь на пса ошейник.

– Ошейника нет, – призналась я. – Осмотрела все комнаты, но не нашла.

Проводник погрузтел.

– Ладно, он либо таскает ошейник с собой, либо надёжно припрятал. Будет домашнее задание на завтра. А сейчас главное парня спасти – сорвать ритуал.

– Я на всякий случай прослежу за некромантом до дома этого Максима.

Елизар неохотно согласился, и я отбыла обратно на свой

пост. Мой поднадзорный вызвал машину и снялся с места сразу после полуночи.

Я вспомнила, как позапрошлой ночью была ветром, и попыталась воссоздать те ощущения. Соображать в рассеянной форме было проблематично, но я сохранила способность наблюдать и следовать за целью. Таксист высадил пассажира во дворе высотки. Некромант немного покрутился у парадной, и я с удивлением обнаружила, что он достал из сумки обыкновенный ловец снов, какими люди украшают прихожие и террасы, но с продетым в него призрачным ошейником. Некромант зашёл в парадную, бормоча что-то неразборчивое над амулетом, поднялся на четвёртый этаж. Я клубилась за окном.

Некромант надел ловец на дверную ручку и вновь произнёс несколько слов на незнакомом языке. В этот момент дверь резко распахнулась, из квартиры выскочил рыжий парнишка и втянул незваного гостя внутрь. Тут же ему на подмогу с верхнего этажа стрелой слетел Елизар, заломил некроманту руку, обыскал и вытащил из кармана пузырьёк с желтоватой жидкостью и шприц.

– Опоздали, – прохрипел им в лицо визитёр.

Проводники переглянулись. Макс напялил некроманту на шею сорванный с двери амулет и выскочил из квартиры. Елизар бросился следом и захлопнул дверь. Оба насилу успели унести ноги.

Некромант одновременно пытался стянуть с головы зло-

получного ловца и открыть дверь. Но успел только скинуть амулет, когда загробный пёс настиг и прошёл сквозь его тело, вышибая дух. После чего проделал тот же фокус, что накануне с призраком на парковке. Не теряя времени, я сконцентрировалась внутри квартиры, схватила с пола ошейник, прыгнула твари на загривок и накинула призрачный ремешок ей на шею. Пёс принялся остервенело вертеться на месте, пытаясь стряхнуть меня. Во все стороны полетели ядовитые брызги. Мне, наконец, удалось защёлкнуть замок. Тварь встала как вкопанная, взвыла и покрылась сетью светящихся трещин. Я едва успела отскочить, как она взорвалась снопом жёлтых искр и исчезла.

Некоторое время спустя ключ в двери повернулся и Елизар заглянул в дверной проём и огляделся. Моё присутствие оказалось для него неожиданностью.

– Порядок? – настороженно спросил он. – Флоулесс виктори?

– Ну, не совсем безупречная, – я разглядывала дырки на своей левой кисти: одну побольше и две поменьше. – Но тварь повержена... И не только она.

Елизар подошёл и протянул руку, чтобы прикоснуться к ожогам, но мы всё ещё были из разных материй.

– Тебе не больно?

– Мне не по себе, – призналась я.

Очень хотелось, чтобы он меня обнял и сказал, что всё будет хорошо. Но мы оба знали, что врать он не станет.

Макс зашёл следом за коллегой и с отвращением покосился на тело некроманта.

– Я позвоню в полицию и скорую.

Мы синхронно кивнули.

– А я навещу своих родителей.

Елизар посмотрел на меня сочувственно, но комментировать не стал.

Я оставила мужчин разбираться с формальностями, сосредоточилась на желании увидеть маму и сделала три шага. Но оказалась совсем не дома, а в белом казённом коридоре. Чтобы понять, как меня сюда занесло и почему, мне потребовалось не меньше получаса. Но когда до меня дошло, я чуть не спятила. В три скачка я снова очутилась возле проводника и заорала.

– Я жива, Елизар! Я жива!

Проводник ошеломлённо уставился на меня.

– Я в больнице, в Елизаветинской, в нейрохирургии. Моё тело. Там мама в холле на диване спит. А я под мониторами лежу.

– Быть не может, – прошептал Елизар.

– Может! Я видела ритм на мониторе!.. Эй, ты чего?

Мой приятель побледнел.

– Лера, выходит я чуть не убил тебя! Я пытался отправить тебя дальше, не поинтересовавшись, где ты и действительно ли мертва. Я никогда не видел, чтобы душа могла так разгуливать отдельно от тела, и просто не удосужился про-

верить.

– Так, Лосяш! Отставить самобичевание! Тем более, я всё равно не знаю, как вернуться в тело. Но главное, тело ещё живо.

– У нас есть это, – Елизар достал из кармана колбу некроманта. – Если псих был хороший зельевар, этот состав заставляет душу прорасти в тело.

– Полнолуние уже прошло.

– Попробовать стоит. Луна ещё не зашла, в запасе час... И ты в своё тело возвращаешься, а не пытаешься занять чужое. Всё может получиться.

– Интересно, а можно жить с дырявой душой? – я уныло посмотрела на свою левую руку, первая волна эйфории прошла, и накатило ощущение, что не так всё радужно.

Но проводник не слушал моё нытьё, он вызывал такси. По дороге он набрал какого-то знакомого, который работает на скорой, тот созвонился со своим знакомым и так далее. Теория шести рукопожатий в действии. В итоге каким-то волшебным образом Елизара согласились впустить в больницу в половине пятого утра через приёмный покой. Ещё удивительнее оказалось то, что на пути к моей койке его никто не остановил.

Я присела на матрас возле своего тела. Елизар набрал зелье в шприц, но вдруг застыл и посмотрел на меня с таким отчаяньем.

– Я могу сделать ещё хуже. Мы даже не уверены, что тут...

– Да куда уж хуже?! Три дня прошли, двери больше не светятся, скоро за мной явится адский пёс. Он не станет ждать следующего новолуния. Счёт идёт на минуты, – я перевела дух и заговорила спокойнее. – Елизар, я спящая красавица. И только ты можешь спасти меня.

Я положила свою руку поверх его. Он поглядел на это перекрестье рук так, будто что-то почувствовал.

– Ну, а если я всё-таки умру, тебе же проще. Не буду есть твой мозг десертной ложкой.

– Чайной, – поправил он. – И нет, не проще. Совсем не проще.

Елизар выпрямился и решительно воткнул шприц в моё сердце.

Мир вокруг меня разбился на миллион ослепительных ку-сочков и наполнился болью. А потом свет померк.

Я восстанавливалась мучительно долго, выплывая из травматического состояния, как со дна Марианской впадины. Но постепенно, неделя за неделей когнитивные, сенсорные и двигательные функции восстанавливались. Потом стали возвращаться фрагменты воспоминаний. Картинки того, что не могло происходить в реальности. И всё же мне настолько хотелось, чтобы эти воспоминания оказались правдой, что я начала искать в сети художника по имени Елизар. Сначала поиски не приносили плодов. В больнице его никто не видел, а я не знала ни полного имени, ни адреса. Первый

проблеск надежды появился, когда я вспомнила про лосей в пальто, но по этому запросу вылезали только картинки, сгенерированные нейросетью. Потом я вспомнила, что он рисовал обложку для книги известного писателя-мистика. Но информации об иллюстраторах в сети немного, да и новая книга, видимо, ещё не вышла. До самого Лёвы меня не допустил секретарь, сказал, у того творческий загул. Тогда я вспомнила про удостоверение РАХ. В списке членов-корреспондентов не оказалось ни одного Елизара. Псевдоним...

И вот я вспомнила трагическую историю, которую он рассказывал ночью в гостинице, и начала прочёсывать прессу за тот период. Тут-то мне, наконец, и повезло.

Вторая неделя сентября выдалась по-летнему тёплой. В честь торжественного выхода в свет я выудила со дна комода футболку с «Криком» Мунка и купила сливовые брюки.

Галерею я представляла понаряднее, но попала в длинное светлое помещение с чередой перегородок, на которых висели картины без рам. Посетителей в будний день оказалось немного. Я запоздало подумала, что и самого художника здесь может не быть. Но он был. Разговаривал с какой-то женщиной, улыбался. В бордовой рубашке с ассиметричным воротником, гарнитурой в ухе, точно такой, каким я его запомнила.

В груди стало томительно и сладко, а потом я вдруг испу-

галась. Что я здесь забыла? Зачем я нужна ему, да ещё с черепно-мозговой травмой, последствия которой могут никогда не исчезнуть? Может он потому и не стал дожидаться, когда я очнусь, не связался после выписки из больницы? Я оказалась просто работой? Я грозила стать проблемой.

Елизар скользнул по мне взглядом, и сердце окончательно ухнуло в пятки. Не узнал!

Тут он вдруг замер, замолчал на полуслове и уставился на меня в упор. А потом сорвался с места и подлетел ко мне, но в двух шагах от цели затормозил и опустил руку, словно раздумал или побоялся дотронуться до меня. Совсем как тогда, у тела некроманта.

– Уже не надеялся, что ты... вспомнишь. И захочешь увидеть...

Я сунула руку в карман и достала чайную ложку.

– Вот, покушать пришла.

Он удивлённо хмыкнул. От звука смешка невидимая стена между нами вдруг рухнула. Елизар сгрёб меня в охапку и прижал к себе.

– Я тебе десертную подарю! Лишь бы не голодала, душа моя.

– Скорее зомби, – я хихикнула, нарушая волшебство момента, и чуть отстранилась, заметив в углу необычную фигуру. – Это к тебе или ко мне?

Художник посмотрел на неприкаянную душу, потом медленно перевёл взгляд на меня.

– Лера, по-моему, я тебя люблю.

– Это хорошо, – пробормотала я, прижимаясь теснее и утыкаясь носом в его грудь. – Это правильно.

Волосы на виске шевелились от его дыхания, а по телу разливалось уютное тепло и спокойствие. Я дома.

Альма Берг. Я ИСЦЕЛЮ ТВОЁ СЕРДЦЕ

Акамир Никольский, инспектор Третьего отдела Службы магического контроля, вышел из экипажа на пороге собственного дома и задумчиво взъерошил волосы. Из головы не шло последнее дело. Незарегистрированные выбросы ментальной магии, короткие и слабые, но систематически повторяющиеся в течение последних двух недель.

В королевстве Аран, подавляющее большинство жителей которого составляли не маги, а обычные люди, уже несколько веков действовал закон о магическом контроле. Государство строго регламентировало допустимые пределы и разрешённые области использования магической силы. Объяснялось это заботой о людях, которые не имели магического дара. Все дети в возрасте пяти лет проходили сканирование на наличие магических способностей и при обнаружении оных ставились на магический учёт. Каждый год в Аране регистрировалось около сотни потенциальных природников, целителей, артефакторов, менталистов и сенсоров. Способности сенсоров как раз и заключались в умении обнаруживать и анализировать магические выбросы.

Давно отлаженная система, но изредка и она давала сбои. Касались они преимущественно менталистов, так как в ред-

ких случаях способности могли проявиться и в более взрослом возрасте. В таком случае маг, обнаруживший в себе ментальные способности, должен был в течение месяца встать на учёт в ближайшем отделении Службы магического контроля. Несоблюдение этого закона было чревато для мага, обладающего даром влиять на мысли, эмоции и чувства других людей, ограничением на использование магии, а в особо тяжких случаях и полным запретом. Не все маги были согласны с таким положением дел. Третий отдел магического контроля как раз и занимался расследованием преступлений, в которых были замешаны не прошедшие регистрацию, либо нарушившие предписание об ограничении на использование дара магии.

Появление незарегистрированного менталиста в столице, прямо под носом у Акамира, мага-сенсора, способного обнаруживать, анализировать и классифицировать даже очень слабую ментальную активность, выглядело как минимум подозрительно. Ещё подозрительней было то, что ментальные выбросы происходили каждый раз в одном и том же месте – в целительской лавке на окраине столицы, в районе, в котором проживали по большей части простые люди, не обладающие магическими способностями. Аккуратный опрос жителей, подтверждённый наблюдением за объектом, показал, что в лавку частенько заходят незнакомцы. Что могло объясняться вполне законной причиной – в пятистах шагах от лавки находился рынок, славившийся товарами местных умель-

цев, и гости столицы любили бывать в этом районе.

«Целительница?» – размышлял Акамир, заходя в дом и прокручивая в уме досье на владелицу лавки. Плеяна Владова. Двадцать два года. Сероглазая шатенка с длинными вьющимися волосами. Средний рост, классические, без особенностей, черты лица. Выпускница целительского факультета Аргонской магической академии. Из близких родственников только тётка, которая, к слову, менталист. Но с очень скромным даром, дающим ей способность чувствовать эмоции и умение влиять на настроение.

Родители, маги-природники, занимались поиском и изучением природных артефактов – кристаллов и минералов с особыми магическими свойствами. Погибли в очередной экспедиции, организованной и финансируемой государством, когда Плеяне было шестнадцать. Это обстоятельство дало ей возможность получить квоту на обучение в магической академии, которую она и отрабатывает в настоящий момент в целительской лавке.

«Жертва? Соучастница? – думал инспектор, снимая пальто, под которым скрывался строгий чёрный китель из магически усиленной ткани с серебристой вышивкой по воротнику и обшлагам. – Или нет ещё никакого дела? А в ближайшие две недели, отмеренные законом, на учёт добровольно встанет неизвестный пока маг-менталист?»

Акамир подошёл к столику у окна в гостиной, на котором стоял графин с укрепляющей настойкой, и вспомнил, что

с утра дал обещание Захару выпить её вечером, по приезде со службы. В последнее время седой домоправитель Акамира, Захар, беспокоясь о хозяине, часто стал примерять на себя роль домашнего целителя, забывая, что он, вообще-то, маг-артефактор, в обязанности которого входит зарядка и обслуживание бытовых артефактов в доме, а вовсе не забота о труде и отдыхе хозяина.

Делая последний глоток, Акамир почувствовал очередной ментальный всплеск. Не став пренебрегать возможностью получить новые факты, вместо того чтобы тратить время на догадки и предположения, инспектор решительно надел пальто и вышел из дома.

Плеяна обвела заключительным взглядом целительскую мастерскую. Сегодня был относительно спокойный день, и она наконец-то смогла до конца разобраться с наследством, оставленным предыдущим лекарем. Судя по всему, он был талантливым травником, глубоко влюблённым в своё дело, но совершенно небрежным по отношению ко всему остальному. Плеяна ахнула от удивления, когда четыре месяца назад впервые вошла в эту обитель целебных тайн: массивный стол для смешивания зелий был завален старинными книгами с рецептами. На книгах громоздились справочники по совместимости ингредиентов, колбы, реторты и мерные сосуды с отметками. В шкафу для журналов учёта ингредиентов и готовых зелий, погребённые под этими самыми

журналами, обнаружили магические весы, ступки и пестики разных размеров, а также несколько кристаллов – накопителей энергии. Выбивавшимся из этого царства хаоса островком порядка выглядел только шкаф с редкими травами и заготовками – все мешочки и баночки были бережно закрыты, аккуратно подписаны и расставлены в соответствии с классификацией. Воспитанная после смерти родителей тётушкой-аккуратисткой, у которой даже пыль лежала в алфавитном порядке, Плеяна принялась за дело. Раз в неделю она задерживалась в лавке на час дольше обычного и приводила в порядок мастерскую, которая на ближайшие два года должна была стать пристанью здоровья для людей, проживающих в этом районе столицы. И сегодня настал наконец тот день, когда она была полностью удовлетворена результатами своих усилий. Всё в мастерской было выстроено настолько гармонично и безупречно, что казалось, достаточно малейшего магического воздействия и зелья сами станут в очередь и начнут вариться.

Уставшая целительница решила остаться ночевать в лавке. Выходя из мастерской, она услышала звонок колокольчика у входной двери, возвещающего о визите запоздавшего клиента.

– Закрыто, – стоя спиной к посетителю, сказала она, снимая рабочий фартук.

– Я на минуту, – негромко, но твёрдо произнёс клиент приятным для слуха, хорошо поставленным баритоном, вхо-

дя в лавку, – мне нужно средство от головной боли.

Кристалл в виде кулона, природный артефакт, доставшийся в наследство от родителей, который Лея носила на серебряной цепочке, резко потеплел. Это говорило о том, что посетитель обманывает. Лея настороженно повернулась к мужчине.

– Вы не похожи на того, кого мучает мигрень, – медленно произнесла она, лихорадочно соображая, что же на самом деле нужно странному посетителю.

– На кого же я похож? – ровно спросил он, подходя ближе и останавливаясь в полуметре от Леи, рядом с диваном для клиентов.

Лея невольно отступила на полшага назад, не желая находиться так близко к незнакомцу, как внезапно тот побледнел и оперся рукой о спинку дивана.

– Воды, – попросил он, расстёгивая верхнюю пуговицу пальто свободной рукой. Ничего не понимающая Лея подала стакан с водой мужчине, который уже практически полулежал на диване. Сделав лишь пару глотков, он прикрыл глаза, пытаясь справиться со слабостью, но потерял сознание, разлив на пальто и китель оставшуюся воду. Всего секунду Лея провела в немом удивлении, узнав внезапного посетителя. Потратив остатки сил на сканирование пациента магическим зрением с головы до ног, она с облегчением поняла, что мужчина просто уснул, а зеленоватое свечение в области живота говорило о том, что не позднее чем за двадцать ми-

нут до визита в лавку он выпил сонное зелье. С трудом сняв с него мокрое пальто, Лея попыталась расстегнуть и китель, но магически усиленная ткань не поддавалась, и уставшая целительница решила оставить всё как есть. «Надеюсь, что в своём сне он загорает на пляже в провинции Сурон», – сердито подумала выбившаяся из сил девушка, размышляя о том, что делать дальше. Будить его сейчас бесполезно, если только не влить в рот насильно нейтрализатор, да и судя по количеству попавшего в организм зелья, проспит он не больше пяти-шести часов и очнётся задолго до наступления утра. Наверное, стоит использовать это время для собственного отдыха и тоже поспать. А о приличиях можно подумать утром, когда ночного пациента уже и след простынет.

В состоянии крайнего физического истощения и пустого магического резерва, Лея рухнула на стоявшую у дивана узкую кушетку. Поворочалась, с досадой посмотрела на безмятежно спящего рядом мужчину и провалилась в сон.

– Невероятно! Кто бы мог подумать! – тяжело сквозь сон пробился смутно знакомый женский голос.

– Тётя, я вас прошу не торопиться с выводами, – возразил ему мужской.

– Выводами? Вывод только один. И он предельно однозначен!

Лее снилась весна. Март, каким он бывает в её родной провинции Дана – месяц капли и чудес. Но громкие голоса

заставили её вынырнуть из глубокого сна. Она обвела мутным взглядом потолок, затем опустила взгляд ниже, заметив мадам Валевскую и её племянника. Вскользь промелькнула мысль о неуместности их присутствия, но быстро исчезла, зацепившись за такой же, как у неё, сонный взгляд зелёных глаз. Злой сонный взгляд зелёных глаз инспектора Третьего отдела Аранской Службы магического контроля.

«Когда вляпался, главное – не стать героем новостей», – подумала Лея, наконец-то вспомнив вчерашний вечер.

– Ничего не хотите мне объяснить? – поинтересовался инспектор, проводив взглядом ранних посетителей, в праведном возмущении хлопнувших дверью.

– Может, лучше вы объясните мне, как внук члена Высшего совета оказался ночью в целительской лавке на окраине столицы? – успевшая подняться с кушетки и делающая бесполезные попытки привести себя в порядок целительница вопросительно приподняла брови.

– Разве я успел представиться до того, как вы дали мне какую-то дрянь вместо воды в этом стакане? – задумчиво протянул он, упаковывая стакан в специальный пакет из особого материала, защищающего от утечки магии и рассеивания остаточных следов зелья.

– Что?! – задохнулась Лея от нелепости обвинения. – Вам мало того, что вы пришли сюда в неподходящее время в неподходящем состоянии? Что вы создали ситуацию, благодаря которой может серьёзно пострадать моя репутация?

Вы ещё пытаетесь обвинить меня в нарушении закона о магическом принуждении?!

– Разберёмся, – невозмутимо сказал инспектор и, официально попрощавшись сдержанным наклоном головы, удалился, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Два дня спустя Акамир быстрым шагом вышел из кабинета своего деда, начальника Третьего отдела Службы магического контроля и члена Высшего совета. Досадно, конечно, но в эту ловушку он загнал себя сам. Внук члена Высшего совета не может позволить себе попадать в двусмысленные истории, в которых фигурируют незамужние молодые целительницы. Дед прав, женитьба – единственный выход, который поможет всем сохранить лицо. Даже легкомысленным родителям Акамира хватало ума вляпываться в пикантные ситуации подальше от столичных сплетников. Развлекаться они предпочитали на морском побережье в провинции Сурон. Акамир невольно поморщился, вспомнив родителей. Насколько он уважал и любил деда, настолько же был равнодушен к матери и отцу. Впрочем, они платили ему той же монетой. Двадцать шесть лет назад, выполнив долг перед родом и произведя на свет наследника, они без всяких угрызений совести вернулись в свою беззаботную жизнь, вычеркнув из неё сына. Ребёнком Акамир очень страдал от родительской нелюбви, ему казалось, что если он будет учиться усерднее, развивать магический дар старательнее, наста-

нет день, когда он увидит в глазах родителей восхищение и любовь, отсутствие которых он ощущал каждой клеточкой своей детской души. Но этот день так и не наступил. Загнав вглубь горькие воспоминания, Акамир, не привыкший откладывать сложные решения на потом, вышел из приёмной. Рано или поздно жениться всё равно бы пришлось. У него тоже есть долг перед родом.

Плеяна, задумчиво накручивая на палец выбившуюся прядь волос, обвела взглядом витрину с зельями. В лавке пусто уже третий день. Слухи расползлись, обрастая пикантными подробностями. Забегающий пару раз в неделю Богдан, восьмилетний мальчишка из дома напротив, бесхитростно и в красках донёс до Плеяны общественное мнение. Никто не придёт, разве что случайные захожане из приезжих. А местные приличные дамы в лавку «блудливой лекарицы» не пойдут, тем более своим мужьям не позволят. Неизвестно, каких методов лечения от неё ожидать. Вот и получилось, что единственным клиентом за три дня оказался Богдан. Рада, мать Богдана, овдовела чуть меньше месяца назад, на шестом месяце беременности. Очень горевала о погибшем муже. Богдан прибегал в лавку один-два раза в неделю за сонными каплями для матери.

Погрузившись в свои невесёлые мысли, Лея не замечала вошедшего инспектора до тех пор, пока он не подошёл к ней почти вплотную. Вскользь отметив для себя, что её нервирует такое близкое расстояние между ними, и с трудом удерж-

жавшись от того, чтобы отступить, она посмотрела ему прямо в глаза.

– Снова голова болит? – спросила она, машинально дотрагиваясь пальцами до кулона в ложбинке груди.

– Скорее совесть гложет, – проводил инспектор взглядом движение её руки.

– О! Какие неожиданные клиенты. Совесть и её угрызения! – не сдержалась Лея.

– Ну, как я посмотрю, других не наблюдается, – парировал он, на секунду выйдя из себя.

– Bravo! – Лея медленно похлопала в ладоши. – Вы выбрали самый удачный способ извиниться.

Она хотела сказать ему всё, что накопилось внутри за эти долгие три дня, хотела бросить горькие обвинения в лицо, но лишь невесело усмехнулась уголком губ и отвернулась к окну.

– Выходите за меня замуж, – гипнотизируя её прямую спину, твёрдо произнёс инспектор. – Такие извинения вам подойдут?

Лея в немом изумлении развернулась к нему, разом потеряв всю свою браваду.

– Давайте отбросим взаимные претензии и будем рассуждать здраво, – продолжил он, не дав ей опомниться, – моя репутация и репутация моей семьи пострадали не меньше вашей.

– Но вы же не лю... да я вам даже не нравлюсь! Не говоря

о том, что мы с вами просто из разных миров!

– И благодаря этому я могу позволить себе выбирать жену по собственному усмотрению. К тому же, пропасть между нами не настолько велика. Вы – образованная, воспитанная, магически одарённая привлекательная девушка. Прекрасная кандидатура для женитьбы, на мой взгляд. Или вас ещё что-то смущает?

– Меня смущает всё! Не так и, простите, не с вами я представляла свою будущую семейную жизнь!

– Можете не волноваться. Ни к чему принуждать вас в этом браке я не стану. Разведемся через пару лет. Тихо и без скандалов, – ровно ответил он. И никто, даже при самом пристальном внимании, не смог бы заметить, насколько он уязвлён.

– Год и семь месяцев, – словно бросаясь с головой в омут, решительно произнесла Лея. – Ровно столько мне нужно для того, чтобы отработать долг государству за моё обучение в магической академии. Но мне нужны гарантии, что по истечении этого срока я смогу уехать домой.

– Будут гарантии, раз нужны, – произнёс инспектор и, задержав на ней нечитаемый взгляд, вышел из лавки.

Лея скомкала очередной лист бумаги с недописанным письмом. Вчера она официально стала Плеяной Никольской, женой наследника сильного магического рода. Регистраторы в городской ратуше быстро и без лишних вопросов оформи-

ли все документы. Разумеется, благодаря деду жениха, который был единственным гостем на церемонии.

Письмо было адресовано тётё. После гибели родителей, тётя, благодаря своему эмпатическому дару, помогла Лее пережить первые, самые страшные месяцы беспросветного горя. И потом, когда Лея уже училась в магической академии, трудно привыкая к новым порядкам, очень поддерживала племянницу регулярными письмами, которые прибывали магической почтой раз в неделю. До недавних пор Лея старалась держать тётю в курсе всех событий, которые происходили в её жизни. Но как объяснить своё поспешное замужество? Промучившись около часа, Лея сдалась и отправила письмо, в котором сообщила лишь о своём переезде, указав магические координаты с новым адресом. А расскажет она всё при личной встрече, когда через полтора года вернётся домой, в родную провинцию Дана. Пока же ей нужно самой немного привыкнуть и к новому дому, и к замужеству.

Несмотря на то что инспектору по долгу службы было положено служебное жилье, он предпочитал жить в небольшом двухэтажном особняке, в который и привёз Лею сразу после церемонии, сдержанно попрощавшись с дедом. Начинался дом с просторного холла, откуда вела лестница на второй этаж, украшенная магическими светильниками, которые меняли яркость в зависимости от времени суток. Из холла

можно было попасть в гостиную с мягким диваном и креслами у камина. Вторая дверь вела в рабочий кабинет с антикварной мебелью и с зачарованными в стенах артефактами. Артефакты были стилизованы под гобелены и защищали кабинет от прослушивания. Ещё за одной дверью находилась комната отдыха для Захара, на протяжении многих лет неизменно служившего роду Никольских. Акамир редко ел дома, но небольшая кухня в доме тоже имелась. И кухарка, которая приходила в те редкие дни, когда у инспектора бывали гости.

На втором этаже находилась спальня инспектора и две комнаты для гостей. Пляне досталась та, что располагалась по соседству с хозяйской. С огромной кроватью и туалетной комнатой, которая обнаружилась за дверью из матового стекла справа от входа. Всё в доме говорило о материальном достатке владельца, но в то же время чувствовался некий аскетизм, выражающийся в полном отсутствии бесполезных роскошных безделушек.

Показав Пляне дом и разрешив чувствовать себя в нём хозяйкой, инспектор неловко попрощался, сославшись на дела по службе. Первый вечер своего замужества Пляна провела в одиночестве, поужинав тем, что нашла на кухне в шкафу с пищевыми кристаллами, обеспечивающими свежесть продуктов и уже приготовленных блюд. Со слов Захара она поняла, что инспектор попросил кухарку приготовить ужин специально для неё. Такое проявление заботы необы-

чайно тронуло Плеяну, привыкшую полагаться только на себя.

Следующим утром, проснувшись на рассвете и разложив немногочисленные вещи, она спустилась в гостиную. Отправив письмо, она подошла к огромному панорамному окну и отдёрнула портьеры. Пространство сразу наполнилось светом, открывая прелестный вид на внутренний дворик. Осень уже перевалила за экватор, и оставались считанные недели до того момента, как на землю упадут первые снежинки. Невидящим взглядом всматриваясь в даль, Лея вспоминала весну. Последнюю весну, когда она вместе с мамой и папой гуляла в небольшом лесу рядом с домом. Родители, оба с даром к природной магии, хорошо чувствовали окружающий мир и любили бывать в лесу ранней весной, когда природа просыпалась от зимней спячки и новые магические потоки появлялись, росли и переплетались в окружающем пространстве.

Такой её и увидел инспектор, выходя из кабинета – окутанной мягким светом, струящимся из окна. Солнечный луч пригрелся на её щеке, лаская нежную кожу, и инспектор замер, почти не дыша, боясь спугнуть магию момента неловким звуком или жестом. Но, смахнув одинокую слезу, Плеяна уже вынырнула из своих воспоминаний, сначала почувствовав, а потом и увидев, отойдя от окна, что её одиночество нарушено.

– Доброе утро, – первой произнесла она, не выдержав

неловкого молчания.

Инспектор молчал. И Плеяна не произнесла больше ни слова. Её взгляд скользнул по его лицу, задержавшись на линии скул и уголках плотно сжатых губ, остановившись на чисто выбритом волевом подбородке. Внезапно она словно впервые увидела, насколько привлекателен её муж. Привлекателен строгой, немного суровой мужской красотой. Секунды растянулись в вечность, пока она в первый раз по-настоящему смотрела на него, отмечая каждую мелочь в его внешности. Прямой уверенный взгляд глубоких зелёных глаз из-под тёмных ресниц. Выразительные скулы, очерченные с безупречной точностью. Иссиня-чёрные волосы, собранные в короткий хвост. Неизменный чёрный китель, придававший его облику особую мужественность. В каждом его движении чувствовалась внутренняя сила, а во взгляде читалась уверенность в себе. Предательский румянец разлился по её щекам, и, безуспешно пытаясь скрыть смущение, она машинально дотронулась до кулона, который своей прохладой дарил ей островок уверенности во внезапно пошатнувшейся реальности. Словно прочитав её мысли, инспектор чётким шагом энергично преодолел разделявшее их расстояние. Плеяна замерла, боясь пошевелиться. Инспектор поднял руку и дотронулся до выбившейся из свободной косы пряди волос, пропустив её сквозь пальцы. Тихая дрожь прошла по телу, а сердце пропустило удар, когда её глаза встретились с его потемневшим взглядом, который медлен-

но скользил по лицу, остановившись на предательски подрагивающих губах.

Но внезапно всё закончилось. Резко выдохнув сквозь сжатые губы, инспектор отступил на шаг назад, прервав зрительный контакт.

– В нашу первую встречу вы называли меня по имени. Откуда вы его узнали? – спросил инспектор, вновь посмотрев на неё. Другим, отстранённо-холодным взглядом.

Плеяна не сразу поняла его вопрос, выплывая из новых, волнующих ощущений, но он продолжал смотреть на неё, терпеливо ожидая ответа.

– Мы учились с вами в одной академии. Правда, на разных факультетах.

– Не припомню вас в кругу своих приятелей в то время.

– Ещё бы, – уголком губ усмехнулась она. – Звезда выпускного курса. Да половина всех первокурсниц мечтала попасть в этот круг. А вторая половина – прибить тех, кто попал.

– А ты? – внезапно оставив формальности, спросил он.

– Что я? – не поняла Лея.

– Мечтала попасть или прибить?

– Я училась жить в новой реальности, – вздохнула она, – в пустой, холодной. В реальности, в которой нет больше тепла и родительской любви.

– В моей реальности вообще не было главы о родительской любви, – задумчиво проговорил инспектор и, внезапно

сменив тему разговора, продолжил: – Завтра у нас на ужин гость. Постарайся не задерживаться в лавке. И ещё – зови меня по имени. Пусть и формально, но я твой муж.

Следующим вечером Лея с волнением ожидала ужина, прихорашиваясь в своей комнате. Почему-то очень хотелось понравиться мужу. И таинственному гостю. Вернее, уже не таинственному. Захар сжалился и шепнул, что с визитом к ним прибудет Василид Никольский, влиятельный дед Акамира. Что ещё сильнее усложняло задачу. Поэтому она выбрала единственное своё платье, которое хотя бы приблизительно подходило для встречи такого важного гостя. Выпускное платье целительницы. Нежного пастельно-зелёного цвета, с корсажем, украшенным тончайшим кружевом. Платье обладало лёгким магическим эффектом: при движении вокруг девушки создавалось едва заметное зелёное свечение, а в моменты сильных эмоций платье начинало мягко светиться изнутри, словно наполняясь жизненной энергией целительницы. Волосы Лея решила оставить распущенными, позволив мягким роскошным волнам струиться по спине до самой талии, перехваченной широким поясом из серебристой ткани. Бросив последний взгляд в зеркало, она вспомнила, как вчера вечером инспектор сделал ей сдержанный комплимент, оценив её милое, но совершенно обычное платье. Любопытно, какое впечатление на него произведёт её сегодняшний наряд?

Улыбнувшись своим мыслям, Лея вышла из комнаты. Мужчины, стоящие внизу у подножия лестницы, подняли глаза на шум скрипнувшей двери, и Лея сразу же провалилась в омут зелёных глаз мужа, который не отрывал от неё взгляда, пока она спускалась. Не выдержав напряжения, она оступилась на последней ступеньке, и тут же сильные руки Акамира подхватили её, не дав упасть. Горячие пальцы жгли талию, платье нежно светилось изнутри, и только покашливание гостя привело в чувство хозяев дома.

Ужин, на удивление, закончился на вполне тёплой ноте. Василид Никольский, на свадебной церемонии едва удостоивший новоиспечённую невестку взглядом и сухо попрощавшийся сразу после регистрации, заметно оттаял. Да что говорить, он откровенно веселился, подмечая, как Акамир поглядывает на жену, а она смущается от его случайных прикосновений.

– Кажется, у моего внука появилось более интересное занятие, чем работа, – не удержался он и подмигнул Захару, который провожал его до экипажа, – если я что-то ещё понимаю в этой жизни.

– ...и представь себе, этот тупица оставил столько магических впечатлений, что можно было просто повесить табличку «Здесь был я» и не напрягаться! – Голос Макса, друга и заместителя, с трудом продирался сквозь волнующие воспоминания. – Акамир, ты меня вообще слышишь? Для кого я

тут распинаюсь последние десять минут?

Акамир усилием воли заставил себя включиться в разговор. Рабочий день тянулся сегодня томительно долго. Воспоминания о жене не давали сосредоточиться. Словно магический морок стояла у него перед глазами её изящная фигура, а в голове звенел залиvistый смех. Он не хотел анализировать тот факт, что за такое короткое время она смогла занять очень важное место в его жизни. Не хотел думать, что Лея по какой-то неизвестной ему причине может помогать вовремя не вставшему на учёт менталисту. Вместо этого он вспоминал вчерашний вечер, когда с магической почтой получил записку от жены с просьбой вернуться домой пораньше.

Дом встретил его незнакомым уютом. Плеяна готовила ужин. Для него.

И улыбалась. Ему.

Этим вечером он впервые за много лет позволил себе снять защитную маску нечувствия, которая, казалось, уже срослась с ним намертво за годы одиночества. Плеяна кормила его ужином, рассказывала о прошедшем дне, а он медленно таял от щемящего чувства нежности к той, которая волей случая стала ему женой. А ночью, в собственной спальне, вспоминая, как она заправляла за ухо выбившуюся прядь или касалась единственного украшения, которое носила, не снимая, он мучился от неутолённого желания, мечтая заменить её руки своими губами.

Вопрос о менталисте, весь вечер вертевшийся у него на языке, он так и не задал.

– Что у нас с делом о неучтённом менталисте? Есть новая информация? – заставил он себя задать этот вопрос. Мучительно не хотелось подозревать жену ни в незаконных связях, ни в тех чувствах, которые могли толкнуть её на нарушение закона.

– Пока наблюдаем. Предварительный сбор информации ничего не дал. Проверили по списку всех магов, у которых ограничение или запрет на использование дара.

– И? Родственники, друзья среди местных?

– Нет, – пожал плечами Макс, – да и в целом, менталистов в этом районе не выявлялось уже больше десяти лет.

– Сегодня заканчивается срок, установленный законом для регистрации. – Акамир отчаянно не хотел верить в то, что Плеяна как-то замешана в этом деле.

– Да. Ждём до полуночи. А потом – в обычном порядке. С привлечением отряда абсолютного сканирования. Кстати, что говорит твоя целительница по этому поводу?

– Моя жена, – с нажимом произнёс Акамир, – по этому поводу молчит.

– О, как! Жена. Напомни мне...

– Подумай, прежде чем продолжить, – предупредил Акамир.

– ...не может быть, – восхищённо протянул Макс.

– Макс, заткнись.

– Да понял я, понял, – развёл Макс руки в примирительном жесте, но всё же не удержался. – Одна маленькая хо-рошенькая целительница смогла откопать сердце в большом непробиваемом инспекторе.

Воздух моментально наэлектризовался, и небольшой энергетический вихрь подхватил разговорчивого помощника, подняв его над полом вместе со стулом. Такую эпическую картину и застал секретарь, вошедший для того, чтобы сообщить, что зафиксирован новый всплеск ментальной магии.

– Напомни мне, где сейчас находится твоя жена? – грохнувшийся на пол вместе со стулом Макс не захотел щадить нежные чувства начальника. – Всё говорит о том, что сердце неучтённого менталиста ей гораздо дороже сердца свихнувшегося инспектора.

В гостиной царил полумрак. Портьеры были наглухо задёргнуты, магические светильники приглушены. Зайдя в гостиную из ярко освещённого холла, вернувшаяся с работы Лея не сразу заметила мужа, сидящего в кресле в глубине комнаты. Подойдя поближе, она увидела у него в руках полупустой стакан, а на столе початую бутылку.

– Что-то случилось? – приподнятое настроение стремительно улетучивалось от представшей перед ней картины.

– Что тебе известно про закон о магическом контроле? – проигнорировав вопрос, резко спросил Акамир, глядя на неё снизу вверх своими невозможными глазами.

– Почему ты спрашиваешь? – Лея не понимала, что происходит.

– Ответь на вопрос.

– Да что случилось?!

Ещё вчера вечером жизнь была наполнена робким, томительным ожиданием чуда. Она впервые вела себя легко и свободно в его присутствии. Она открыто делилась с ним тёплыми воспоминаниями о семейном счастье своих родителей и видела в его глазах обещание такого же счастья. Своим целительским даром она ощущала направленные к ней потоки жизненной энергии мужа, говорящие о том, что она желанна ему. Неискушённая в этой стороне семейной жизни, она чувствовала в своём теле отклик на эти вибрации, и они гармонично резонировали с её собственной энергией.

– Я всё ещё жду ответа. Это же так просто. Или нет? – одним глотком допив содержимое стакана, он со стуком поставил его на стол и поднялся с кресла, оказавшись к ней настолько близко, что она почувствовала исходящий от него слабый запах алкоголя.

– Думаю, нам лучше отложить этот разговор до завтра, – мягко, стараясь не показать, насколько ей не по себе, сказала Лея. Она не понимала, какой ответ он хочет от неё услышать. Осторожно начав отходить от него, она через пару шагов упёрлась спиной в стену.

Отступать дальше было некуда, и Акамир, очевидно разгадавший её манёвр, в один шаг преодолел разделявшее их

расстояние. Протянув руку, он взял её за подбородок, смягчая резкость жеста поглаживанием щеки подушечкой большого пальца.

– Завтра? Завтра всё закончится. Отряд абсолютного сканирования хорошо знает свою работу, – Акамир чувствовал, как испуганной птичкой бьётся в груди её сердце. Но острая боль в собственном сердце рвала его пополам, перекрывая её страх. Давно забытая и похороненная в детстве боль. Сжигающая надежды и выматывающая тоской о несбывшемся.

– Пожалуйста, – дрожащими губами еле слышно попросила Лея, пытаясь сдержать подступающие слёзы.

– Почему? – почти прошептал он ей на ухо.

– Я не понимаю...

– Почему ты выбрала не меня? – затуманенный алкоголем мозг отказывался объективно реагировать на происходящее. Не отдавая себе отчёта в собственных действиях, Акамир медленно наклонился к ней, почти касаясь лицом пульсирующей жилки у основания шеи, затем слизнул языком одиноко скатившуюся по щеке слезу и, окончательно потеряв контроль, с силой прижался к её губам в жёстком поцелуе, словно пытаясь наказать за предательство.

Огнём обожгла лицо пощёчина, приводя его в чувство. При этом тело полностью застыло, теряя способность двигаться.

– Временная блокировка энергетических каналов, – глядя ему в глаза, зло произнесла Лея, вытирая непрошенные слё-

зы. – Способность двигаться вернётся через несколько минут, – и быстрым шагом вышла из комнаты, стараясь не думать о том, почему так полыхают участки кожи, которых касались губы мужа.

Утром Акамир с тяжёлой головой, но с лицом человека, который запер все чувства глубоко внутри, чтобы никто и никогда не смог больше пробраться и снова причинить боль, выходил из дома, столкнувшись у порога с Захаром.

– Акамир, задержись немного, мне нужно кое-что тебе сказать, – пожилой домоправитель, знавший инспектора с детства, иногда позволял себе без церемоний обращаться к хозяину, – в тот вечер, когда ты уснул в лавке целительницы...

– Сонное зелье – твоих рук дело, – невозмутимо закончил Акамир.

– ...ты знал, – то ли обречённо, то ли с облегчением выдохнул Захар.

– Это было не сложно. Результаты экспертизы показали, что в стакане из лавки была обычная вода.

– Я просто хотел, чтобы ты нормально выпался. Я не думал... – начал Захар и замолчал, понимая, как не к месту звучат сейчас его оправдания.

Ничего не сказав, Акамир ушёл. Он поспешил туда, где обжигающие и раздражающие душу в кровь чувства отступали. Где, опираясь на железные факты, балом правила раци-

ональная логика.

Отдел встретил его обычной утренней суетой. Кивнув секретарю, Акамир зашёл в кабинет, где, нервно похлопывая ладонью по столу, его уже поджидал Макс.

– Долго спишь, начальник, – весело, словно вчера ничего не случилось, сказал Макс, но напряжённость во взгляде и нервные движения выдали его с головой.

Акамир, мрачно посмотрев на друга, молча снял пальто и сел за стол, раскрывая папку с документами.

– Ладно-ладно, признаю. Был не прав. Но кто же знал, что твоя целительница ни при чём, а опасный незарегистрированный менталист – это какой-то мальчишка, сам не понимающий, что с ним происходит.

– Какой мальчишка? – спросил Акамир, оторвавшись от папки с документами и остро посмотрев на Макса.

– Так ты не в курсе? Его уже допрашивают. Там какая-то душещипательная история. Отец погиб месяц назад. Мать чуть не свихнулась от горя. Зелье для неё он из лавки брал. Дорогое. А на жену твою воздействовал, чтоб она думала, что обычные сонные капли ему продаёт.

– Причина? – осторожно продолжил расспрашивать Акамир, в душе которого, не дожидаясь ответа Макса, весенним первоцветом расцветала робкая надежда.

– Боялся, что узнают, насколько мать не в себе. Подслушал разговор матери с бабкой – та пыталась привести дочь в чувство. Пугала, что её отправят на принудительное лече-

ние, а мальчишку отдадут в рабочий дом для сирот.

– Почему никто не проследил, чтобы он вовремя встал на учёт?

– А кому следить? Мать практически в беспамятстве от горя. Бабка живёт в провинции Дана. Приезжала на похороны, потом уехала домой, привести дела в порядок: дом в аренду сдать, лишнее имущество продать, с помощницей по хозяйству рассчитаться. Сегодня рано утром вернулась, а внука в отдел увозят. Сидит теперь, ждёт у двери допросной, чем дело кончится.

Три часа спустя, дождавшись окончания допроса и разобравшись с самыми неотложными делами, Акамир вышел из отдела. Путь его лежал в целительскую лавку. И хотя ему не терпелось объясниться с женой, он решил пойти пешком. Ему необходимо было привести мысли в порядок перед сложным разговором. Но в лавке Плеяны не оказалось. Лаконичная табличка «Закрито» на запертой входной двери, задёрнутые окна. Вероятно, сегодня Плеяна в лавке не появлялась. Скорее всего она дома. Просто взяла себе внезапный выходной. Имеет право – после всего, что он ей устроил прошедшей ночью.

Слабые всплески жизненной энергии Лея почувствовала ещё на подходе к целительской лавке. И почти сразу же увидела то появляющееся, то исчезающее золотистое мерцание ауры жизни в доме напротив. Это был дом Рады. У неё на-

чались роды! И что-то точно идёт не так. Лея развернулась к дому, где требовались её целительские умения. Дверь в дом была нараспашку – а в комнате на полу без сознания лежала молодая вдова.

– Рада, давай, милая, приходи в себя. Ни мне, ни твоей дочери без тебя не справиться! – Лея присела на колени и выровняла энергетический поток, направленный на Радугу, попутно сканируя ребёнка, который никак не мог появиться на свет. Очень слабая нить жизненной энергии тоненьким ручейком текла от матери к дочери, но этого было недостаточно для счастливого завершения родов. Внезапно начавшихся родов. По-хорошему, Рада должна была родить не раньше, чем через два месяца.

– Давай же! – Без изменений. Лишь тоненькая энергетическая нить ещё больше истончилась, став почти прозрачной.

Целительница в отчаянии послала концентрированный магический импульс, направленный в грудь роженицы, и та с резким выдохом открыла глаза.

– Богдан, – еле слышно произнесла Рада, смотря на Лею мутным взглядом, – они его увели.

– Потом, Рада, это потом, – облегчённо выдохнула Лея, боясь пропустить нарастание очередной схватки. – Сейчас тебе нужно слушать меня и выполнять все мои команды. Ну же! Сейчас! Вот так моя хорошая. Ещё немного...

Через несколько минут крошечная, но абсолютно здоровая малышка появилась на свет, и Лея прошептала древнее

благословение, чувствуя, как её дар целительства сливается с первым дыханием новой жизни. Обвинения мужа, закончившиеся омерзительной сценой, бессонная ночь, перетёкшая в унылое утро, когда она медленно брела на работу – всё стало неважным, пока она, закрыв глаза, вслушивалась в первый крик малышки. В этот момент она ясно поняла сущность своего дара – нет большей радости, чем дарить миру чудо рождения.

Дом встретил инспектора холодной пустотой. Акамир, переживший за этот долгий день спектр диаметрально противоположных чувств – от предвкушения счастливого примирения до страха быть снова, как в детстве, отвергнутым, мерил шагами гостиную. Память услужливо подкидывала ему картины из недавнего прошлого, давая отличный повод для самобичевания. Накрутив себя до такого состояния, что не мог больше находиться в одиночестве, он направился к двери с твёрдым намерением искать Плеяну и найти. Быстрым шагом выходя из гостиной, он буквально налетел на жену, которая в этот момент вошла в дом и уже поставила ногу на лестницу, вероятно намереваясь подняться к себе. Столкнувшись с мужем, она едва удержалась от того, чтобы не упасть, но Акамир ловко подхватил её и в исступлении прижал к себе.

– Прости меня, пожалуйста, прости, – не разжимая объятий, напряженно произнёс он.

– Как-то часто нападает на меня эта лестница, – приглушённо, прижатая лицом к его груди, ответила она, – у меня есть подозрение, что Захар намеренно снабдил её какими-то хитрыми артефактами.

– Напомни мне, чтоб я повысил ему жалование, – облегчённо выдохнул Акамир, ещё крепче прижимая её к себе и зарываясь лицом в растрепавшиеся волосы.

– Ну, раз так, я тебя прощаю, – рассмеялась Лея.

– А я тебя люблю, – отстранившись и серьёзно посмотрев ей в глаза, ответил он.

Акамир покрывал медленными поцелуями её шею, глаза, губы, в перерывах бесконечно прося прощения. Он шептал ей глупые нежности, хмелея от неё без вина. Почувствовав, как она постепенно расслабляется в его объятьях, он наконец позволил себе всё, о чём мечтал долгими одинокими ночами. Дождавшись момента, когда она робко сама ответила на его поцелуй, он бережно взял её на руки и понёс вверх по лестнице, проваливаясь в совершенно незнакомое ему море нежности и любви.

Три месяца спустя любимая тётя Плеяны, Марьяна Власова, пила травяной чай на террасе уютного дома на опушке леса. Зажмурившись, она подставляла лицо первым весенним солнечным лучам, размышляя о безостановочном течении жизни. Эта истина особенно остро ощущалась сейчас, под

звонкий стук капли. Боль и утраты. Смерть и горе. Жизнь продолжается вопреки всему. Распускаются листья на деревьях, птицы строят гнезда, люди влюбляются, создают семьи, рожают детей. Вселенная, бескрайняя и бесконечная, обладает удивительной способностью к возрождению, даже после самых тяжёлых потерь и потрясений.

Вдалеке послышались весёлые голоса. Сказать, что тётушка была удивлена, увидев вчера вечером племянницу на пороге собственного дома в паре с незнакомым мужчиной – ничего не сказать. Впрочем, тревожное изумление быстро прошло. Благодаря дару к эмпатии, она видела яркую эмоциональную связь между молодыми людьми. Аура тёплых золотых и серебристых оттенков окутывала их, переплетаясь в изящные узоры. Это были эмоции любви. Давно она не наблюдала подобных узоров в этом доме. С тех самых пор, как Лея осиротела.

Голоса приближались – слегка подрагивающий женский и счастливый мужской. Тётушка улыбнулась: «Похоже, хранить секреты Лея умеет не только от меня», – и тихо вошла в дом.

Он станет отцом. Он! Станет! Отцом!

Сердце Акамира замерло, а потом забилось часто-часто. Засмеявшись от безграничной радости и чувствуя, что готов обнять весь мир, он подхватил жену и закружил её в восторженном танце, словно драгоценную статуэтку.

– У меня будет сын! – прокричал он в безоблачное небо, когда смог, наконец, остановиться.

– Дочь. Это девочка, – раскрасневшаяся Лея пригладила растрепавшиеся волосы.

– Дочь! – не скрывая восторга, покладисто согласился инспектор. Его взгляд наполнился особым светом – светом мужчины, принявшего новый поток ответственности. Мужчины, готового на всё ради своих любимых. В этот момент он понял, что его жизнь изменилась навсегда, и осознание этого принесло с собой такое бескрайнее счастье, какое только может испытать человек.

Екатерина Кравцова.

ВЕНОК ЦЕРЕРЫ

1

– Она! Она украла, глаза бесстыжие! Ни стыда, ни совести нету! – тётка орала так, что едва глаза не лопались.

И ведь как чувствовал поручик Стрешнев, что ничего хорошего его на этом вызове не ждёт. Вокруг буйствовал май, весна вошла в полную силу и радовала промытым ясным небом, свежей зеленью листвы и бодрым чириканьем птиц.

Но Егор бодростью похвастаться не мог вовсе. Прошедшей ночью, накануне Живина дня, в родительском доме случился традиционный бал, и он до сих пор чувствовал себя одуревшим от шума, суеты и кокетства дам. Оттого служебного рвения в себе, как ни искал, не находил.

Но начальство велело, и он покорно отправился в Коломну, где в семействе князей Извариных случилась покража. Княжеский особнячок, деревянный, с облупившейся краской и обшарпанным крыльцом, производил гнетущее впечатление.

Внутри было ещё хуже – тесно, пыльно и как-то... незна-

дёжно. А вопли главы семейства, княгини Евлампии Романовны, добавляли в происходящее пошлую водевильную ноту. Дама трясла подбородком, на груди вытертого бархатного платья колыхался обвислый бант, и смотреть на неё Егору не хотелось.

Опроса свидетелей, однако, никто не отменял.

– Извольте рассказать, что украдено, – попросил поручик, незаметно шагнув назад от хозяйки. – Опишите пропажу возможно подробнее.

– Она, она украла, – княгиня кивнула на девуцу, что в тоске маялась поблизости. – Племянница моя, дала же Макошь-матушка родню! Одна дома оставалась. Вчера я заглядывала в шкатулку – веноч Цереры на месте был, где и полагается. А нынче поутру со стряпухой на рынок ходила, в доме никого не было, только вот она одна. Спала, будто бы. А я как чувствовала, едва вернулись, сунулась в шкатулку – ан в ней пусто!

Княгиня тыкала в обвиняемую толстым пальцем и поглядывала на Егора со значением – достаточно ли проникся бесстыдством воровайки. Но он не дал сбить себя с толку.

– Сперва поговорим о предмете, сударыня. Верно ли я понял, что речь идёт об украшении?

– Точно так, – охнула княгиня, – да не о простом. Последняя реликвия нашего рода, ценнейший артефакт. Да что уж теперь, пропала наша брошь навеки!

– Ну отчего же навеки? – удивился поручик. – Найдём,

не сомневайтесь.

На девуцу он косился с осторожностью, чтобы не спугнуть. И чувствовал, что доверять ей никак не стоит.

Хотя девушка была определённо хороша. Медные волосы такие густые, что выбивались из аккуратного узла на затылке, глазищи тёмно-серые, грозовые, губы нежно очерчены – сплошное очарование. Ещё бы не выглядела такой ершистой, вообще была бы красотка. Смотрела она так неласково, точно её за руку поймали на краже. Но тётке ни словом не возразила – не потому ли, что было нечего сказать?

2

Полицейскому Катерина не верила. Такой засадит за решётку и глазом не моргнёт. И жаль, что не верилось в его сочувствие, потому что красавчиком он был отменным: плечи развёрнуты, как на параде, лицо волевое, прищур глаз внимательный и цепкий. А краснеет как! Чисто девица вчера из пансиона.

Только вряд ли он мог проникнуться тёткиным горем: вон перстень на руке родовой – значит, из самых знатных, да ещё и маг наверняка. Что ему до последних артефактов, судорожно хранимых в память о былой славе? Посмеяться разве. С другой стороны, если служба обязывает – может, и правда найдёт?

Весна в Петербурге выдалась на редкость сухая, солнеч-

ная – жить бы да радоваться. Но как радоваться, если тебя обвиняют в краже, и не кто-нибудь – ближняя родня. Катерина не отбивалась потому, что толку сейчас возражать не было, да и орать она так не умела. Но переживала за своё будущее: она со дня на день ждала вызова из Московской академии целителей.

Кто знает, не помешает ли поступлению дурацкое тёткино обвинение? Оставалось только утешать себя сознанием, что невиновна. А там как боги решат.

Поручик полицейский меж тем вцепился в свидетельниц нешуточно, хоть и со всей вежливостью.

– Что за украшение, в который раз спрашиваю вас, сударыня.

Катя поняла, что от тётки он толку не добьётся, и сама вступила в разговор.

– Круглая золотая брошь, примерно в полтора вершка величиной, – девушка старалась говорить сухо и по делу, но украденной вещицы жалела едва не до слёз. – Представляет собою венок из цветов и колосьев – символов римской богини Цереры, откуда и произошло название броши. По семейной легенде, один из моих... наших предков привёз её из Италии около столетия назад, получив там в дар за услугу от сильного мага. Тётушка хранила её в запертой шкатулке в собственной спа...

– Да что там – в запертой! – перебила Катерину тётушка. – Где ключ висел, за шкапом, на гвоздике, то все в доме знали.

И зачем хорошую вещь ломать-то было, коли можно ключом отпереть?!

Поручик отчего-то снова покраснелся и нахмурился.

– Вы, Катерина Дмитриевна, знали, где хранится ключ от шкатулки? – официальным тоном осведомился он.

Катя тут же кивнула. Как не знать! В детстве они с кузеном Лариошей много раз залезали в шкатулку, посмотреть на венок и помечтать о том, как вырастут и вернут честь фамилии.

На её кивок поручик нахмурился ещё сильнее, подумал немного и велел:

– Что ж, пойдёмте осмотрим шкатулку.

Тётушка неохотно пригласила следователя в спальню, а за ними и Катерина просочилась, чтобы не упустить чего-нибудь важного. А то наговорит на неё «благодетельница» такого, что и не отмоешься.

Замок шкатулки был выломан варварски – Катя даже ахнула тихонько. У неё самой на такое и сил бы не хватило. Если бы решилась на кражу – взяла бы ключ да отперла, вот и всё.

Да ещё пахло от неё не как обычно, тёткиными приторными духами. Над поломанной шкатулкой витали ароматы сигарного дыма и мужского парфюма. Дорогого, хвойно-древесного, не иначе от Ралле. Не женские запахи, но ведь никто из мужчин в комнату не входил. Или всё же входил, а Катя как-то пропустила это, проспала?

Покуда Катерина принималась да размышляла, поручик осмотрел шкатулку самым внимательным образом, записал что-то в малом блокнотике и строго (отчего-то опять покрасневши) велел:

– Из города прошу никого не уезжать. И сына вашего, сударыня, предупредите, что его тоже вызовут для допроса. А теперь мне пора. Честь имею.

3

В участке Егор оказался только к вечеру. Уселся за стол и задумался: дело с венком Цереры не желало раскрываться запросто, по горячим следам. Княжна Катерина не отпиралась от обвинения и вполне могла проснуться для того, чтобы украсть брошь, а затем сделать вид, что спала без просыпу.

Однако взлом шкатулки и насквозь мужские ароматы во круг указывали, что всё может оказаться не таким простым. Поручику встречались уже такие дела, похожие на аккурат-но смотанные клубки. Как будто всё в них было ясно, гладко и чётко. Но стоило отыскать торчащую из клубка нитку, как он разматывался, обнаруживая внутри самые неожиданные разгадки.

Торчащей нитки в деле с артефактом покуда видно не было... но её точно стоило поискать. Ради просветления в го-

лове Егор решил выпить чаю и заодно принять пилюлю от разыгравшейся мигрени. Едва успел допить чай и дожевать баранку, как в дверь постскреблись.

– Входите! – на пороге обнаружился дежурный, унтер Копейкин.

Мужик дельный, толковый, но на редкость неопрятный. Вот и сейчас он был встрёпан, словно только поднялся с постели, а на вороте мундира на нитке болталась почти оторванная пуговица. Подобные мелочи бесили Стрешнева до белых глаз. Ну какой труд взять нитку с иглой и пришить оторванное?

На вопросительный взгляд унтер вытянулся в струнку и доложил:

– Там барышня до вас, господин поручик. Катерина Дмитриевна Изварина. Говорит, арестоваться желает.

– Арестоваться? – Егор хмыкнул и разрешил: – Ну, проводи. А сам пришей пуговицу у ворота. И впредь чтобы следил за формой, не то взыскание наложу.

– Так точно, господин поручик! – бодро отозвался Копейкин на оба распоряжения и скрылся за дверью.

– Я желаю, чтобы вы... арестуйте меня, пожалуйста! – выпалила княжна подготовленное, только переступив порог. – Тётушка... она не верит, что я непричастна... гнала меня из дому... я и ушла. Пусть лучше так. Вы докажете, что моей вины в краже нет, и тогда уж ей придётся поверить.

В голове у поручика зазвенело. Требовалось как-то отвлечь узницу совести. О том, чтобы отправлять её в камеру, конечно, речи не было. Следовало действовать аккуратнее.

– Прошу садиться, Катерина Дмитриевна, – сделав над собой усилие, вежливо проговорил Егор. – Вот здесь, на диване, будет удобно. Позвольте предложить вам чаю? И к нему ещё... баранки остались.

Княжна слабо улыбнулась.

– Сказать по правде, я с утра не ела. Голодна ужасно, так что за чай благодарю от души. И баранки будут кстати.

Княжна угощалась с такой еле сдерживаемой жадностью, что Егор старался на неё не смотреть. И внутри шевелилось что-то такое... совершенно немыслимое в отношении подопреваемой. Хотелось защитить девушку и непременно доказать, что она чиста перед законом.

– Расскажите ещё про венок Цереры, Катерина Дмитриевна, – попросил поручик, когда и чайник, и тарелка с баранками опустели. – Может, вспомните какие-то подробности. Нужна ли для этого артефакта магическая сила или пользоваться им может всякий?

Княжна решительно помотала головой, отчего локоны по обе стороны нежного лица смешно запрыгали.

– Нет, не всякий. Конечно, не всякий.

Провести положенный ритуал с венком Цереры человек без магического дара в самом деле не смог бы. Да и с даром тоже, если только он не был назначенным наследником артефакта. Так объяснял Катерине отец, пока ещё... пока они жили нормальной жизнью.

И он назначил единственную дочь наследницей. Ещё до того, как проиграл всё остальное состояние семьи. Но задуматься об этом княжна себе не позволила – вспоминать было больно, и обыкновенно за воспоминаниями приходили долгие, безнадёжные слёзы. А рыдать в присутственном месте, в обществе полицейского она считала недостойным.

Правда, поручик вёл себя безукоризненно. Предложил чаю, устроил поудобнее и только после этого принялся за расспросы. Вообще, Егор Стрешнев был довольно мил, хоть и аристократ. Подумав об этом, Катерина решила помочь следствию всем, чем только сможет.

– Ритуал с брошью может провести только наследник, назначенный старшим в роду. Если всё сделано в точности, наши предки продолжают быть и становиться по мере ухода за грань манами – душами, помогающими нашему роду. А если ритуала не проводить или допустить в нём ошибки – предки сделаются лярвами и будут нести роду Извариных зло. Если же ритуал вздумает проводить человек посторонний – отец так рассказывал – посланцы тьмы заберут и сожрут душу мага. И никакого посмертия он не получит.

– Кхм, – изумился Стрешнев, в который раз краснея, – мне всегда казалось, что лярвы – это другое.

– Нет же, это то самое! – с жаром уверила Катерина. – А у вас в роду есть... что-то подобное? Родовой артефакт или...

Поручик улыбнулся и кивнул.

– Представьте, имеется. Серебряная подкова, вывезенная основателем рода из польских земель. По легенде, она приносит Стрешневым благополучие и удачу в делах. Но давайте вернёмся к венку Цереры. Как думаете, кто мог бы пожелать его для себя... или для своей семьи?

Княжна нахмурилась, обдумывая, кто мог бы решиться на такое. Выходило, что никто. Вот разве что Лариоша... в последний свой визит к матушке он жаловался на денежные затруднения и уговаривал её на что-то, – Катя не слышала, на что. Или кто-то из его беспутных приятелей.

– Не знаю, – девушка всё-таки пожала плечами. – Разве что Ларион, мой кузен, сын тётушки Евлампии Романовны. Или кто-то из его знакомцев...

– Вот как? Полагаете, он смог бы? – на лице поручика отразилась некоторая брезгливость. – Из спальни собственной матери?

– Ах, вы не знаете Лариона, – отмахнулась Катерина. – Он у нас балованный, тётушка с детства на него надыхаться не могла. Что попросит – она непременно добудет ему любой ценой.

– Так он мог бы попросить, – Стрешнев потёр лоб. – Хорошо, завтра вызову вашего Лариона для допроса... А что же вы, Катерина Дмитриевна? Вас не баловали?

Катя подняла на поручика глаза и обнаружила, что он вдруг рассердился на что-то.

– Меня тоже баловали, – поспешно подтвердила она. – Но не так, чтобы без ума. Отец мне и учителей нанимал, чтобы даром целительским смогла управлять... но это давно, мне лет шесть или семь тогда было.

– А потом? Что было потом? – поручик смотрел внимательно, так, что Катя смутилась совершенно и позабыла обо всякой осторожности.

– Потом он, отец мой, играть начал и за несколько лет всё, что у нас было, проиграл, – сдавленно проговорила она. – Долгов наделал. Ну и застрелился от позора. Матушка, как узнала, в горячке свалилась, да уж и не встала больше. Меня тётка на воспитание взяла, и я... я теперь...

Договорить Катерине не удалось – проклятые слёзы прорвались сквозь горло, и девушка разрыдалась самым позорным образом. Она опасалась, что поручик совсем разгневется, но он только вздохнул, достал откуда-то огромный белоснежный платок и вручил Катерине.

– Вытрите глаза, княжна, – велел он сочувственно. – И не плачьте, прошу вас. Клянусь, я сделаю всё, чтобы доказать вашу невиновность в этом деле. А сейчас... вот вам подушка и плед, отдыхайте. Я запроу вас до утра, простите,

таков порядок.

Катерина ещё хлюпала носом и вытирала глаза, когда за поручиком захлопнулась дверь. Что и говорить, свой «арест» княжна воображала совершенно иначе. Но... может быть, всё ещё сложится к лучшему?

5

Егор домой уже не поехал, остался ночевать в караулке. И, ворочаясь на жёстком казённом матрасе, раздумывал о несчастливой судьбе княжны Катерины. Что за человек был её отец, раз позволил себе спустить целое состояние попусту? И отчего тётку княжны душил такая злоба к девушке? Вертел все обстоятельства так и этак, но только разозлился ещё больше.

У него-то в семье ничего подобного произойти не могло. Отец, боевой маг высокого ранга, жил больше разумом, нежели чувствами, однако семью свою любил и делал всё для её благополучия. Полученные от деда средства Стрешнев-старший не только не растратил, но даже и приумножил. Не подкова же тому причиной, в самом деле?

Поручик тихо засмеялся и вскоре уснул.

Поутру Егор застал княжну вполне проснувшейся. Больше того, она выглядела так, словно и не ложилась спать. О вчерашних же откровениях напоминали только её слегка припухшие глаза.

– Я отправлю вас домой с сопровождающим, – поручик старался выражаться возможно более казённым стилем, чтобы не рухнуть снова в сочувствие и прочие тёплые чувства к девушке. – Он проследит, чтобы вас не выставили снова из дома. И объяснит вашей тётке, что ночь вы провели в участке по следственной надобности.

Катерина независимо фыркнула.

– Вы очень добры, господин поручик. Я вот тут подумала... может быть, мне побывать у своих знакомых, послушать, нет ли каких новостей о нашей броши? Если пошли сплетни, я непременно что-нибудь узнаю.

Прежде Егор ни за что не стал бы отправлять за сведениями по делу одну из подозреваемых. Но тут с чего-то решил: большого вреда не будет, если княжна поговорит с подругами. Вдруг ненароком набредёт на полезную информацию?

– Хорошо, – согласился Стрешнев. – Если узнаете что-то полезное, найдите возможность сообщить мне. А я пока займусь вашим кузеном.

Илларион Изварин явился на допрос ближе к обеду. Весенняя прелесть за окном успела к тому времени несколько поблекнуть, и по улицам Петербурга гулял сырой, неуютный ветер. Оттого, должно быть, свидетель по делу о венке Цереры кутался в пальто, словно продрог до костей.

– Я вот... – неуверенно начал Илларион. – Явился, стало быть... Что от меня нужно?

– От вас требуются показания по делу о пропаже из до-

ма вашей матери, княгини Евлампии Романовны Извариной, родового артефакта, известного как венок Цереры. Что можете сообщить?

Казённая манера беседы прилипла к Егору намертво. Но так выходило даже лучше – поручик чувствовал, что ждать от кузена хорошего не приходится. А раз так, лучше держаться возможно более отстранённо.

– Ну, была брошка... рассказывали нам с Катериной в детстве, что она обеспечит нашему роду доброе отношение пращуров, ушедших за грань, – пожал плечами Ларион. – Да только не видать от предков ничего хорошего. Вы сами видели, как матушка с кузиной живут.

– Каковы ваши предположения – кто мог бы совершить кражу? Родственники или, быть может, знакомые, бывающие в доме?

– Не могу знать, – отчего-то кузен испугался, прямо пятнами весь пошёл. – Я-то в родном гнезде не так часто бываю, живу отдельно, квартирую с товарищами... так что не видел я ничего.

– Возможно, у вашей кузины, княжны Катерины Дмитриевны, была корысть? Могла она украсть брошь? Как думаете?

– Да ну, – отмахнулся Илларион. – Ей через год уж двадцать один исполнится, совершеннолетие, артефакт отцом ей назначен. Какая корысть? Всё равно бы она его получила.

– И больше вам ничего не известно? – Егор голову готов

был прозакладывать за то, что Ларион что-то знает. – Возможно, ваши товарищи проявляли интерес к семейной ценности? Кстати, мне нужен их список: имена, фамилии, адреса.

Тут кузен вовсе струсил, весь затрясся и принялся уверять Егора, что из его друзей на кражу никто не способен. Список он всё-таки составил, но настолько трясущейся рукой, что разобрать каракули можно было с большим трудом.

К несчастью, сильно прижимать его возможности не было. Оставалось только проверить на артефакте правды. Увы, присяга на артефакте не показала ничего нового: кристалл мигал, но красным так и не засветился, а стало быть, напрямую кузен к покраже причастен не был. Пришлось отпустить всё ещё насторожённого свидетеля восвояси, напомнив ему предварительно, чтобы не вздумал уезжать из города.

Всё, что мог Егор, – отправить филёров проследить за дружками Иллариона. Глядишь, они сумеют нащупать какие-никакие следы.

Отправляясь по гостям, Катерина чувствовала себя тайной агентессой, в чьих руках вот-вот могли оказаться важные для следствия сведения. Завидев, как она спускается из спальни в лучшем платье для визитов, тётка мгновенно

озлилась.

– Куда это ты собралась, бестолочь? Нашла время по гостям шастать! Дома сиди, проשמандовка!

– Я к Аннушке за книгами по целительству. Ей отец за границей заказал, она даст мне почитать, – невинная отговорка только добавила княгине раздражения.

– Нечего тебе с Анной водиться, – сложив губы гузкой, проворчала Евлампия Романовна. – Не ровня она тебе. Всяк сверчок знай свой шесток.

В купеческой семье Аннушки Катю принимали всегда с удовольствием, но тётка отчего-то считала Аню неподходящим знакомством для девицы из княжеского, хоть и впавшего в ничтожество, семейства. Можно подумать, Изварины – род, приближенный к императору!

– Что за честь, коли нечего есть! Аннушкина семья – хорошие люди, и молва о них идёт добрая, – резко парировала Катерина, надев пальто и хватая сумочку. – А вы бы, тётя, лучше поразмыслили, кто это к вам в спальню, точно к себе домой, наведался.

Тётка ещё злобно кудахтала что-то вслед, но Катерина уже выбежала на улицу и огляделась в поисках извозчика. Ехать до Аннушкиного дома было неблизко, так что пришлось войти в расходы. Но игра стоила свеч – вдруг ей удастся разузнать важное, и Егор Петрович похвалит её и улыбнётся.

Домой княжна возвращалась уже в сумерках, расстроенная, в дурном настроении. Нигде о пропаже венка Цереры слыхом не слыхивали: ни у Аннушки, ни у Козельцовых, ни у Архаровых, ни у Вершининых.

Когда Катерина заговаривала о свежих новостях, её потчевали байками о новорождённом щенке с пятью лапами (глупость какая, и кто только сочиняет подобные басни?), о новом платье великой княжны Марьи, о дуэли двух гвардейцев из-за заезжей итальянской актриски и о том, кто скоро объявит о помолвке.

О пропавшем венке Цереры никто не обмолвился ни словом.

Идти к Стрешневу было не с чем, и княжна, не слушая ругани недовольной её поздним возвращением тётки, ушла к себе в комнату, читать взятые у Аннушки книги.

7

Поручик в это время тоже размышлял о том, что расследование стоит на месте. Княжна так и не прислала весточку, а значит, и ей не удалось ничего разузнать. Донесений от филёров тоже не было. Стоило позвать извозчика и отправляться домой, но Егор всё сидел в кабинете, смотрел в окно и ждал непонятно какой милости небес.

И, на удивление, дождался.

– Ваше благородие, – дежурным снова оказался Копей-

кин (на сей раз подозрительно опрятный). – Там вызов срочный... от Мещерских филёр прибежал. Ихний молодой хозяин ритуал какой-то затеял, там его тёмные духи одолевают, помощь надобна, не то как бы не сгинул.

Ещё с войны приученный действовать быстро, когда дело шло о жизни и смерти, Егор потребовал подать экипаж и быстро собрал по ящикам артефактов. Некроманта в участке не водилось, обещали прислать, да так и не собрались. Так что справляться с силами тьмы предстояло самому. Надежда была и на родовую силу, но идти на такое дело без артефактов Егор не собирался.

Особняк Мещерских на Большой Морской был тёмен, ни одно окно не светилося. Неужели никого нет? Или слуги попрятались, понадеялись укрыться от вызванной хозяином тьмы? Поручик взбежал по ступеням и решительно позвонил в большой медный звонок.

Звенело громко, но шагов к дверям слышно не было. Егор подумал немного и толкнул дверь. И она на удивление послушно приотворилась.

– Эй, есть кто? – позвал он, ступив в холл. – Полицейское управление, поручик Стрешнев.

Хоть бы какой-то источник света оставили, что ж такое! И ни звука... или нет. Где-то в отдалении, в стороне, куда вёл коридор, послышалось тихое неразборчивое бормотание, а за ним... визг? Нажав на камень в родовом перстне и нащупав в кармане «Ловца химер», Егор осторожно дви-

нулся на звук.

В столовой на большом круглом столе на фарфоровом блюде лежал артефакт – присмотревшись, Егор незаметно кивнул сам себе. Вот что значит – на ловца и зверь бежит. Круглая брошь, венок из колосьев и цветов, из центра которого в потолок бил мощный луч синего цвета.

А в луче с режущим слух визгом плясали, кочевряжились, кружились... в общем, да, не соврала Катерина Изварина, – лярвы, как есть. С другой стороны стола за их отвратительным танцем следил окаменевший от ужаса Алекс Мещерский.

При появлении Егора он попытался что-то сказать, но губы не слушались, только кривились, дёргались, не пропуская ни звука.

– В сторону! – скомандовал поручик и рванул из кармана магическую ловчую сеть, на ходу читая заклятье активации.

Сеть не подвела – не прошло и пары минут, как проникшие в мир живых создания тьмы оказались спелёнуты накрепко, а затем и уничтожены. Тут сработал перстень Егора, заряженный огненной родовой магией. Стоило переключить спектр, направить его на тварей, и они сгорели в тёмном пламени без следа.

Покончив с главным, Стрешнев убрал артефакты, прихватил со стола брошь и жёстко велел Мещерскому:

– Следуйте за мной, Алексей Юрьевич. Вы задержаны по обвинению в краже родового артефакта князей Извари-

ных.

Глянув в суровое лицо поручика, Мещерский последовал за ним без единого слова.

8

Но по миновании смертельной опасности княжич снова обрёл вид победительный и надменный. Он сидел в кабинете напротив Егора, посматривал свысока и явно приготовился отражать любые обвинения.

Более того, решил сразу перейти в наступление.

– Вот смотрю я на вас, Стрешнев, – едко обронил он, – и диву даюсь. Боярич славного рода, силой не обижен. Что ж вы тут... в отбросах ковыряетесь? Не боитесь честь родовую уронить?

Егор внутренне усмехнулся. На всякого хитреца у полицейских имелись свои методы. Применить их против Мещерского было вполне дозвоительно.

– Я бы задал вам тот же вопрос, Мещерский, – отзеркалил он интонацию собеседника. – Княжич, и не так чтобы совсем без силы... не боитесь воровством свой род запятнать?

Тот даже отпираться не стал.

– Ах, что вы, ищейки, понимаете! Это просто шутка была... безделица. Нет урона чести в том, чтобы нищebroдoв облапошить, – пускай знают своё место. А то уж больно гордые. Я княжне Катерине внимание оказал, хотел с ней ин-

трижку составить, – отказала, мерзавка. Вот и поделом ей. Я сговорился с Лариошкой, он со служанкой их шуры-муры имел, дал ей сонный порошок, она княжне и подсыпала. Та заснула, как младенец, а мы посетили родовое гнездо и... позаимствовали артефакт.

Егор почувствовал, как загораются пожаром щёки. Не от смущения – от ярости. Заметил это и княжич.

– А что это вы так лицом покраснелись? – приподнял он брови. – Злитесь никак?

– Злюсь, – согласился Егор. – И сейчас вы поймёте, насколько сильно.

Взял из ящика перчатку, перегнулся через стол и хлестнул Мещерского по лицу.

– Вы подлец, ваше сиятельство. Я вызываю вас на поединок. Завтра поутру, выбор оружия – за вами.

Княжич отшатнулся, побелел, но всё же выдавил с усмешечкой:

– Не имеете права! Ежели я под следствием, так со мной поединки проводить нельзя.

– Неужели? – Егор приподнял брови, чувствуя, как гнев перерождается в презрение. – Я покуда ни в чём не обвинял вас. Вот сразимся за родовую честь, и уж после получите своё обвинение, не сомневайтесь. А до тех пор будем действовать согласно протоколу.

– Вот как? – Мещерский всё пытался изобразить благородное презрение, но руки у него дрожали. – И каков же про-

токол?

Егор поднялся и коротко сообщил:

– Сегодня вы отправитесь в камеру. А завтра в присутствии двух свидетелей принесёте присягу на артефакте правды в том, что невиновны в краже у Извариных родового артефакта.

– Вы в своём уме, Стрешнев? – снова начал наглеть княжич. – Сказано же вам, что я взял эту демонову брошку.

Егор усмехнулся.

– Именно это и подтвердит артефакт. И по результатам присяги я предъявлю вам обвинение... после поединка. До утра подумайте над тем, какое оружие выберете. И над тем, как будете смотреть в глаза светскому обществу после вынесения приговора... если только вам ещё когда-нибудь доведётся в нем побывать.

9

Катерину с тёткой и Ларионом вызвали в участок через несколько дней. Унтер на входе незаметно кивнул ей, как знакомой, и княжна вспомнила, что этот здоровяк проводил её к Стрешневу, когда она ночью с отчаяния сама примчалась в участок.

Поручик дожидался в кабинете. Тётка вплыла туда первой и выглядела при этом так, точно явилась к императорскому двору.

– Ну что же, юноша, – прищурилась она, – нас уведомили, что вы нашли венок Цереры. Моя племянница не замешана в краже?

– Совершенно не замешана, – строго сообщил Стрешнев. – Вор найден и полностью изобличён. В краже замешан ваш сын, Илларион Изварин... но это дело семейное, тут полиция вмешиваться не станет. Вас проводят в кабинет к моему начальнику, вы подпишете необходимые бумаги, после чего сможете забрать артефакт.

Княгиня смерила Катерину цепким взглядом, свысока кивнула поручику и отправилась вслед за унтером к начальнику участка. Замечание о Лариоше она словно пропустила мимо ушей.

Катерина смотрела Егору Петровичу прямо в глаза, видела в них тепло и ласку и чувствовала, что краснеет от смущения так сильно, как и сам Егор не сумел бы.

– Я очень благодарна вам, Егор Петрович! – быстро проговорила она, пока не вернулась княгиня. – Без вас не отмыться бы мне от тёткиных обвинений на за что на свете. И брошь вернули так скоро. Только... не будет ли у вас неприятностей по службе? Всё-таки вы дрались с обвиняемым. Да ещё, говорят, ранили его... верно ли?

На Катину беспокойство поручик улыбнулся и твёрдо заверил:

– Не извольте беспокоиться, Катерина Дмитриевна. Прделанное мною выходит за рамки обычного порядка след-

ственных действий, но де-юре я ничего не нарушил. А заодно показал зарвавшемуся господину, что наказания бывают не только государственные, но и человеческие. Ну а в крайнем случае я мог бы пустить в ход родовой авторитет Стрешневых – поверьте, он не так мал. Так что всё завершилось благополучно. И, если позволите, я хотел бы...

Сердце у Катерины замерло – сейчас Егор Петрович должен был произнести что-то такое... пригласить её на прогулку или в кондитерскую. Ошибиться она не могла. Но тут в кабинет, пыхтя, вкатилась тётка, чтоб её демоны забрали.

– Не очень-то вежливо ваше начальство, – сердито фыркнула она. – Ещё и наглость имел этот полковник меня воспитанием Лариошеньки попрекать. Дескать, пожиная, что посеяла. Что он понимает! Небось, у самого и вовсе детей нет.

– У полковника Меркулова четверо сыновей и три дочери, – как бы между прочим заметил Стрешнев. – Все отлично воспитанные молодые люди.

– Это всё равно, – отмахнулась тётка. – Нам пора. Ступай за мной, Катерина.

Катя едва успела улыбнуться поручику на прощание. И даже получить улыбку в ответ.

Спустя неделю Катерине прислали долгожданное приглашение в Московскую целительскую академию – лучшее

учебное заведение медицинского профиля в империи. Экзамены княжна сдала ещё в марте, в петербургском академическом представительстве. Там её заверили, что с её результатами и уровнем её дара она может рассчитывать на серьёзную научную карьеру.

И Катерина не стерпела – отправилась в участок, поделиться с Егором Стрешневым своей радостью. Летела она туда как на крыльях. Представляла, как похвастает Егору Петровичу успехами, ещё раз поблагодарит... Может быть, он попросит её адрес в Москве или даст свой и попросит писать к нему?

Дожди и ветры прекратили выворачивать Петербург наизнанку, снова установилась солнечная, тёплая погода, и княжна надеялась, что хорошего теперь в её жизни станет куда больше, чем плохого.

К тому же тётка отдала ей брошь, из-за которой Катя натерпелась столько ужасов. Скривилась и объявила, что ритуал пока провести нельзя, но раз брошь отписана племяннице, то пусть она, племянница, ею и подавится.

Давиться Катерина не собиралась, решила в Москве положить артефакт на хранение в банк, а ритуал провести после дня рождения, чтобы всё вышло по правилам.

В участке её встретили официально. И доброго знакомого унтера не было видно, на его месте дежурил тощий рыжий вислоусый мужик. Когда Катерина спросила поручика Стрешнева, он почесал в затылке и неопределённо буркнул:

– В отсутствии они.

– Что значит «в отсутствии»? – не отступилась Катя. – Скоро ли будет? Если скоро, я подожду.

– Неведомо когда, – выдал новую информацию дежурный. Княжна аж ногой топнула от его несговорчивости.

– Да вы, может быть, не по... – начала было она заново.

И вдруг услышала за спиной чей-то сухой, начальственный голос:

– Что здесь у тебя, Воробьёв? Сударыня, что вам угодно?

Катерина вздохнула и принялась заново объяснять подошедшему штабс-капитану, что желает переговорить с поручиком Стрешневым по личному делу.

– По личному? – приподнял брови капитан. – Сожалею, это невозможно. Поручик находится в отъезде, его нет в Петербурге. И об его возвращении нам пока ничего неизвестно.

Княжна почувствовала себя круглой дурой. Она неслась, чтобы сообщить Стрешневу свои новости, а его нет в городе, и он даже не оставил для неё никакой весточки.

– Скажите, не оставил ли он для меня никакой записки?.. Адрес, быть может? Я княжна Катерина Изварина.

Штабс-капитан как-то мерзко ухмыльнулся, окинул её липким взглядом и покачал головой:

– Сожалею, княжна. Для вас никаких известий нет.

Катя не помнила, как вышла на улицу, как брела пешком под ласковым весенним солнышком и кляла себя последними словами за дурость. Размечталась, идиотка непуг-

ганая. Мало ли, кто смотрит ласково и за руку держит. Так боярич высокого рода и стал за обедневшей княжной ухаживать, как же!

– Впредь умнее будешь, – зло проговорила Катя сама себе. – Собирайся да поезжай в Москву. Не до любви тебе, учиться надобно.

Наставление княжна дала себе исключительно верное. Но всё равно в ночь перед отъездом недолго поплакала над раскрытым чемоданом. И решила, что начнёт новую жизнь. Прямо с завтрашнего дня.

11

Весь срок командировки в Вологду, куда отправил его полковник как знатока родовых артефактов, Егор скучал по Катеньке. Сразу по возвращении положил себе непременно навестить девушку и пригласить её... куда приглашают девиц из хорошей, хотя и разорившейся семьи?

Ну, это безразлично, на месте разберётся. Ему так хотелось поскорее увидеть сияющие глаза княжны, что чуть не принялся торопить извозчика. Еле сдержался, но всё равно чувствовал себя счастливым мальчишкой, впервые влюбившимся в чудесную барышню.

Однако его планы потерпели полное фиаско. В доме Извариных он нашёл одну Евлампию Романовну, которая визиту поручика вовсе не обрадовалась.

– Зачем пожаловали, любезный? – скривилась она при его появлении на пороге. – Или дело наше не закончено? Мне казалось, полиция к нам вопросов более не имеет.

– Так и есть, сударыня, – Егор искренне старался быть вежливым, хотя тётка раздражала его до невозможности. – Дело с вашим артефактом закрыто. Скажите, дома ли Катерина Дмитриевна? Я хотел бы пригласить её на прогулку. Погода нынче отменная.

Княгиня прищурилась и злобно выплюнула:

– Никак побаловаться с невинной девицей захотелось? Знамо дело, вы боярич высокородный, вам всё можно. Вон Мещерский у нас последнее уворовал и не поморщился. А вы теперь Катерину мою обесчестить решили?

От её напора поручик даже растерялся.

– Отчего же обесчестить? – переспросил он, из последних сил удерживаясь от ответных оскорблений. – У меня честные намерения. Сударыня, прошу вас позвать княжну, и мы с ней обо всём договоримся. Слово полицейского, я не причиню ей ни малейшего урона.

– Нет её, – радостно сообщила тётка. – Сбыла я с рук мерзавку. Уехала Катерина в Москву. Как её, убогую, учиться взяли, в толк не возьму, однако же взяли вот.

Егор будто на стену налетел. Как же так? Что значит уехала? Неужели ни адреса не оставила, ни весточки никакой?

– И что же, – он старался говорить бесстрастно, – она не оставила для меня записки? Или адреса для писем?

– Ничего, – княгиня возразилась ещё больше. – Не думаете ли вы, что девицу из хорошей семьи можно купить тем, что вы брошку нашу отыскали?

– Пожалуй, вы правы, – у Егора вышло холодно улыбнуться, хотя губы с трудом растягивались в улыбку. – Что ж, раз так, – честь имею.

Он механически шагнул с крыльца на мостовую и пошагал куда-то, сам не зная куда.

При мысли о том, что Катенька была добра к нему только из-за помощи в доказательстве её невиновности, во рту у Егора сделалось горько. И на душе как будто тоже.

– Что ж, остаётся со всею страстью отдаться службе, – выцедил Стрешнев сквозь зубы, – раз уж ни для чего другого я оказался непригоден.

12

Три месяца спустя, Санкт-Петербург

– Молодцом, Егор Петрович! – полковник хлопал поручика по плечу и усмехался в усы. – И сам уцелел, и дело сделал как надо. Представление министру на тебя я отправил – в следующий чин, ежели богам поглянется, произведут, а то, может, и орденом не обидят. Но как бы ни было, готовьтесь, Стрешнев, трудиться пчеле подобно: кроме вас, знатока семейных артефактов не только в нашем участке, а и во всем городе нет.

День как вышедшего из госпиталя Егора всё ещё шатало от слабости, и шрам на лице дёргало временами невыносимо. Одна радость: дело и впрямь было сделано, люди спасены, а злокозненный артефакт рода Салтыковых обезврежен.

Пока валялся на больничной койке, он многое передумал. И решил так: едва выдастся перерыв в обещанных начальством делах, съездит в Москву и переговорит с княжной Катериной.

Пусть скажет ему в глаза, что он напрасно надеялся на взаимные чувства. И он больше не потревожит её. Перестанет же когда-нибудь княжна приходить в его сны и улыбаться так светло и нежно, что заходило сердце.

Давая себе эту клятву, Егор не знал, сколько работы навалится на него в ближайшие месяцы. И как нескоро он сумеет выкроить несколько дней для поездки в Первопрестольную.

13

Восемь месяцев спустя, Москва

Весна в Москве наступала дружнее и была куда теплей, чем петербургская. За окном академии вовсю цвели деревья, и солнце ещё не спряталось за крышами домов, а потому светило и грело изо всех сил.

Катеринин доклад о древних русских целителях приняли хорошо. Аплодировали, кричали «браво», а потом принялись ещё и вопросы задавать. Княжна отвечала со знани-

ем дела, ни разу не запнулась и не задумалась. Не зря больше месяца ежевечерне торчала в академической библиотеке, доклад получился толковый. Научная руководительница сказала, что из него выйдет отличная курсовая работа.

В академии Кате нравилось. Наконец она перестала чувствовать себя никчёмным, никому не нужным существом. Под наблюдением опытных целителей дар её постепенно раскрывался, и девушка надеялась принести с его помощью много пользы людям.

Тётка, слава богам, не слишком часто напоминала о себе. Изредка писала язвительные письма, и все новости Катерине приходилось выуживать между строк. Так она узнала, что Лариошу выгнали со службы и ему пришлось наниматься помощником управляющего в какое-то поместье в Новгородской губернии. Сама же Евлампия Романовна неустанно жаловалась на то, что вскормленные ею дети оставили её, одинокую старуху, помирать в одиночестве.

Катя княгиню не жалела. И вообще вспоминала о ней нечасто.

Поток вопросов наконец иссяк, слушатели потянулись к выходу, и Катя с облегчением склонилась над сумкой, собирая со стола бумаги.

– Могу ли я спросить вас, Катерина Дмитриевна? – слышался над ней смутно знакомый мужской голос.

В голосе пряталась улыбка, и Катя удивлённо подняла глаза, посмотреть, что за весельчак оставил свой вопрос напо-

следок. Смотрела и не верила собственным глазам.

У стола стоял Егор Стрешнев, живой, настоящий. Всё такой же красавец, и румянец на щеках алел по-прежнему ярким цветом. Только виски сделались седыми и вдоль щеки тянулась паутина шрама. Но улыбался он в точности, как тогда, в участке, в их последнюю встречу.

– Спрашивайте, – разрешила Катерина, стараясь приглушить бешеный стук сердца.

– Спрашиваю, – ещё шире улыбнулся Егор. – Окажете ли вы мне честь отправиться со мной на прогулку?

– О да, с радостью! – расцвела встречной улыбкой княжна, не задумавшись ни на секунду.

Этой весной предки уж точно должны были подарить им обоим счастье.

#

9 ноября 2025 года, г. Санкт-Петербург

Анастасия Киршина. ПРОКЛЯТЬЕ ДЛЯ ВАМПИРШИ, ИЛИ ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ ЧЕСНОКА

1 глава

Клариссия Пастеи

– Как это, вы ничем помочь не сможете?! У меня же годовщина проклятья будет через неделю! – сорвалась я на крик, не верящее глядя на проклятолога – специалиста по проклятьям.

Мы находились в королевской бесплатной больнице – единственном месте, где есть проклятолог и где принимают по моему полису ОММС – обязательному медицинскому и магическому страхованию.

– А чего вы хотели? – с неким укором спросила меня магия средних лет. Она поправила очки на своём безразличном лице, посмотрела на список в руке и продолжила: – Очередь на снятие проклятий переполнена, да и ваше проклятье – «Чесночное дыхание» – относится к третьестепенным, то есть приносящим человеку небольшое неудобство.

– Но я же вампир! Вы хоть представляете, как трудно вампиру пить кровь с привкусом чеснока?! – моё негодование росло в геометрической прогрессии. Через семь дней наступит ровно год, как меня прокляла невеста его высочества Уильяма, и тогда проклятье невозможно будет снять, я всю жизнь буду вонять этим дважды проклятым чесноком!

Полгода я бегала по различным целителям и сдавала кучу анализов, только чтоб смочь записаться к этому, простите за тавтологию, проклятому проклятологу! Видите ли, нужно было подтвердить, что это проклятье, а не какая-то болезнь! Интересно, какая, по их мнению, болезнь могла бы вызвать у вампира постоянный запах и вкус чеснока во рту? Ещё пять месяцев ушло на то, чтобы добыть последний талончик на приём, и то, он должен был пройти через три недели. И вот, преодолев весь этот долгий путь, моя исхудавшая филейная часть, наконец, присела на этот жутко неудобный стул для пациентов. В маленьком кабинете, отделанном деревянными панелями, одна стена была заставлена застеклёнными стеллажами со специализированной литературой и амулетами для ритуалов распроклятия разной степени сложности. Передо мной за столом, удивительно не вписывающимся сюда своей массивностью и искусной декоративной резьбой, сидела магиня-проклятолог, что со скукой просматривала ту кипу справок, результатов анализов и заключений целителей, что я, подобно коллекционеру, собрала за этот неполный год.

– Из-за этого проклятья я питаться нормально не могу, – продолжила я. – Стала слаба как котёнок и по весу скоро его догоню. Я учусь на боевом факультете и уже не в состоянии сдавать нормативы по физической подготовке! И это не говоря про невыносимость самого запаха.

– Что-то я его не чувствую, – сказала женщина, будто не слыша всё мной ранее сказанное. – Мы с вами в закрытом помещении уже несколько минут, и я так и не учуяла ничего похожего на чеснок. Может, в анализах ошибка и у вас проблемы с усвоением веществ? Тогда вам не ко мне надо обращаться.

– Естественно, вы его не чувствуете, уж я-то постаралась – почти год мятный настой пью литрами, на духи потратила почти всю стипендию, чтоб перебить этот невыносимый аромат. Я уже и не знаю, чего в моём организме больше – мяты или крови?

– Ну, раз вы нашли способ, как справляться с этой проблемой, то просто продолжайте купировать её этими средствами, – пожала плечами магиня и принялась собирать бумажки на столе, не изменяя постного выражения своего лица.

– ...я не пойму, вы смеётесь надо мной или что?! Я и так пью **СТОЛЬКО** мятного настоя, так **ОБИЛЬНО** обливаюсь этими дурацкими духами, что все местные кошки да кошечки позабыли о весне – вместо того, чтоб петь серенады друг другу и плодить котят, они преследуют меня и не дают спокойно заснуть по ночам своим коллективным «мау». Где бы

я ни была, чем бы ни занималась, везде найдётся пара пушистиков, что попытаются залезть на меня и вылизать, будто я какой-то огромный ходячий леденец без палочки! – не знаю, покраснели ли мои бледные щёки от такой бурной тирады или нет, уж больно мало крови я пила в последнее время, но мои откровения явно не впечатлили сидящего передо мной проклятолога.

– Мисс, – начала магиня и быстро стрельнула глазками в мою больничную карту, – Пастерз...

– Пастеш, – тут же поправила её, – последние буквы проносятся как «ш», а не «рз».

– Клариссия, – не стала заморачиваться женщина и обратилась ко мне по имени, – чего вы от меня добиваетесь? Я вам уже сказала, что не в моих силах вам помочь. Обряд снятия проклятья требует много времени и сил на подготовку, в нём принимает участие не один маг, и, уж простите меня за прямоту, есть куча людей, которые нуждаются в помощи проклятологов куда больше вас. Почему бы вам не найти своего проклинателя и не договориться с ним или доложить на него или её полисменам? Подтвердить причастность мага к проклятью легко, и закон заставит его или её тут же снять с вас проклятье.

– О, уж поверьте, я пыталась! Вот только не нашлось во всей столице королевства Брансвии персоны, которая бы пожелала разбираться с Ванессой Синклер, – мне показалось, или проклятолог не удивилась, услышав подобные об-

винения в сторону невесты наследного принца и дочери главы торговой палаты?

– Раз не можете привлечь проклинателя, то обратитесь к частному проклятологу. Обычно они в тот же день снимают с человека проклятье.

– Я бы так сразу и поступила, будь у меня деньги на платного проклятолога! – нет, эта женщина точно надо мной издевалась. И высшего магического образования не надо иметь, чтоб понимать – никто не будет добровольно играть в эту эстафету со справками и анализами, если есть возможность всё решить за день звоном золотых монет.

Посещала я уже одного такого специалиста: совести у него ещё меньше, чем у этой магини. Всё, более я не собиралась тратить своё время в этом месте, и так впустую пожертвовала год свободного от учёбы времени. Не прощаясь, я вскочила со стула, схватила своё пальто с напольной вешалки и вылетела из кабинета, не забыв, как следует захлопнуть дверь.

Пройдя извилистые и немного пошарпанные коридоры королевской больницы и спустившись на первый этаж, я стремительно покинула здание, явно нуждающиеся в ремонте. «Погодите, так его и собираются ремонтировать!» Невольно на моих губах расцвела усмешка, стоило прочесть табличку возле строительных лесов: «Объект реставрируется на пожертвования господина Синклера, главы торговой палаты Брансвии». Теперь понятно, откуда у сотрудника бесплатной больницы такой шикарный письменный стол и по-

чему эта магиня не удивилась, когда я обвинила в своём проклятье невесту принца. Отец Ванессы явно постарался, чтоб о хобби его дочери – проклинать всех неугодных – никто не узнал, а точнее чтоб это не достигло ушей более влиятельных особ.

Только поутихшая злость на вселенскую несправедливость разгорелась с новой силой. Я рассекала столичные кварталы подобно взбешённому быку. Злому цокоту моих каблуков по брусчатке не могли помешать ни грязные лужи, что оставил после себя растаявший снег вперемешку с городской пылью, ни гололёд, что упорно не хотел исчезать под слабыми лучами весеннего солнца. Противное хлопанье под сапогами и угроза поскользнуться не уменьшали моё дурное настроение, наоборот, оно нарастало, подобно количеству собачьих кучек на пути, когда-то оставленных нерадивыми хозяевами под снегом, а сейчас превращающих городской тротуар в минное поле.

Столица Брансвии в основном состояла из многоэтажных домов – где-то было всего три этажа, а где-то и все разрешённые пять. Населяли такие дома как простой люд, так и торговцы с ремесленниками, что работали на первых этажах, а жили на верхних. И особенно были популярны такие дома у иммигрантов, что приезжали в королевство магов за возможностями. Я сама была из таких – простая вампирша, не графская дочка, а милая пастушка из соседнего княжества со стальными кулаками и упрямым характером.

О, помню, как я нервничала. Мне так хотелось поступить в академию, что славилась своим боевым факультетом, из которого выпускались знаменитые боевики, герои многих войн и защитники слабого народа. Ох, знала бы я, что за этим последует. Мало того, что была единственной девушкой на всём курсе, что так по-особенному «любили» преподаватели, так ещё и прохода от самоуверенных парней, что пожелали разнообразить свою вереницу побед из скромных и прилежных магинь одной не особо скромной и очень самоуверенной боевичкой, не было. Прямо как от этой парочки котов, что принялись агрессивно тереться о мои сапоги, стоило мне остановиться у пешеходного перехода. Схватив наглых пушистиков подмышки, я посадила их на ближайшую голую клумбу и резвым шагом убежала на другую сторону улицы.

Пока я рассекала толпу из дам в забавных шляпках и мужчин в строгих костюмах, в стекле магазинных витрин отражался мой бледный образ. Напротив одной из таких витрин я и остановилась. Ювелирный бутик выставил на всеобщее обозрение овальное, в позолоченной раме, зеркало явно не для того, чтобы в нём отражалось моё исхудавшее тельце, ну да ладно. То, что я скорее походила на восставшее умертвие, чем на молодую девушку двадцати лет отроду, не означает, что мне не надо поправить причёску. Сняв перчатки, я убрала упавшую на лицо прядку за ухо. Хотя в Брансвии сейчас были в моде высокие женские причёски, но как уроженка

княжества вампиров, у которых вкус в одежде явно лучше, я не желала носить это подобие птичьего гнезда на голове.

«Да, я из маленькой страны, да, из самого её глухого закоулка, но видит Тёмная Мать, любая баба из моей деревеньки женственней и привлекательней любой столичной модницы, с этими их подушками над попами под названием турнюр и маленькими шляпками, что и полголовы не прикрывают. Ладно бы подушка турнюра находилась ПОД попой, это было бы практично – куда не сядь, везде будет тепло и уютно, что особенно актуально в холодную пору, но НАД? И эти же люди называют вампиров слишком фривольными – из-за нашей любви к облегающей, а от этого и удобной одежде. Нет-нет, даже под страхом смерти я не променяю свои удобные кожаные штаны на клетку из ткани и каркаса, что местные девушки называют платьями. Хотя, именно эти облегающие штаны и завели меня в столь плачевное положение».

Уж больно сильно впечатлила местного принца вампирская мода, особенно на девушке, которую за спиной называли самой соблазнительной первокурсницей академии. Сейчас я понимала, что тогда была настоящей красавицей – белоснежная кожа, чёрные как смоль волосы спадали волнами до объёмных ягодиц, ярко-голубые глаза подчёркивались густыми ресницами. Длинные ноги, полная грудь и широкие бёдра делали мою фигуру похожей на песочные часы, что подчёркивалось привычным корсетом, надетым поверх простой рубашки с пышным рукавом и собственноручной

вышивкой. На занятиях по физической культуре я обычно собирала волосы в хвост или косу, а в остальное время ходила с распущенными. Вот и сейчас я ходила по улицам столицы со свободными волосами, но не для того, чтобы как-то выделиться из толпы, а чтобы прикрыть осунувшееся лицо. Когда-то круглые и румяные щёки впали, яркий взгляд потух, ресницы поредели вместе с бровями, а пухлые красные губы иссохли до бледных полосок. Да и кожа из белоснежной стала могильно-бледной. Неизменным в моей внешности остался только нос, он всё такой же прямолинейный, как его хозяйка, и такой же измученный неизгоняемым запахом чеснока.

«Ох, Тёмный Отец, почему ты не запустим в мою голову чем-то тяжёлым, когда я решила, что во флирте с принцем нет ничего такого! Я же не знала, что он обручён с какой-то там Ванессой Синклер – лучшей ученицей факультета проклятий».

Не знаю, благодаря чему я не заходила с принцем дальше, чем мимолётные заигрывания, может учебная нагрузка забирала много времени, или наказания моей матушки не заводили романы до выпуска, особенно с аристократами, что известны своей низкой социальной ответственностью, срабатывали, но хотя бы сердце моё не пострадало в этом кошмаре. О, Тёмная Мать знает, как трудно мне было в первые недели проклятья: я буквально через силу питалась, пару раз не выдерживала и выпускала только что выпитое наружу; заснуть

могла только после дозы снотворного и бегала по всей столице в поиске решения проблемы, подобно обезглавленной курице.

Когда я узнала, кто меня проклял и почему, прибежала к этой стерве Ванессе, по-хорошему попросила снять проклятье, сказала, что и на километр больше не приближусь к её принцу, на что она и её свора подружек рассмеялись мне в лицо. Потом, соорудив невинное личико, эта коза ряженая заявила: «Ничего не знаю, ничего не делала, да и вообще, всё так и было». Ух, каких усилий мне стоило не вцепиться в горло этой... этой... цензурных слов на неё не хватает! И как, будучи такой красивой и милой снаружи, можно быть такой гадкой и подлой внутри? По-плохому разобраться тоже не получилось – я быстро поняла, что ни преподаватели кафедры проклятий, ни ректор, ни правоохранительные органы королевства не помогут мне привлечь магиню к ответственности. Кто ценней для страны и, в частности, для академии – лучшая ученица, талантливая магиня, будущая принцесса, потенциальная королева и просто дочка влиятельного и богатого чиновника или простолюдинка из захолустья соседнего княжества? Ответ очевиден. Даже Уильям – наследный принц, второй по влиянию человек в Брансвии – после случившегося сделал вид, будто мы не знакомы. Будто ничего и не было, будто я что-то не так поняла, и вообще, он не оказывал мне никаких знаков внимания и к произошедшему не имеет ни какого отношения. Так он выразился, ко-

гда я подошла к нему и попросила приструнить ревнивый нрав своей невесты.

– Дурацкий принц, дурацкие богачи и их капризные дочери, разбалованные аристократишки! – зло бормотала я себе под нос, направляясь в единственное место в столице, где каждый приезжий может чувствовать себя как дома – в паб «Золотой поросёнок».

2 глава

Паб «Золотой поросёнок» принадлежал семье моей соседки по комнате – гномке Арии. Она и мой друг Альтер были единственными, кому не из семьи я поведала о своём проклятье, поэтому только в этом уютном пабе я могла себе позволить вдоволь напиться и пожаловаться на жизнь тяжёлую и несправедливую. Остальным своим знакомым я не рассказывала о своём проклятье, даже преподавателям. Почему? Нет для вампира большего унижения, чем пахнуть чесноком. Даже сказочка есть про Михаила Чесночного – великого воина, что объединил враждующие кланы вампиров в одно княжество, но не сумел насладиться плодами своего труда из-за схожего проклятья, посему умер он рано, одиноким и гонимым собственным народом... Демоны преисподней, эта Ванесса знала, как испортить жизнь вампиру, не используя серьёзных проклятий, из-за которых у неё могли быть серьёзные проблемы! Да даже если бы её и арестовали за содеян-

ное, магиня обошлась бы штрафом и принудительным снятием проклятья, так как и сказала проклятолог, моё «Чесночное дыхание» относятся к третьестепенным проклятьям, то есть практически к шалости. Надеюсь, и мужа своего будущего она будет муштровать подобными же методами, чтоб этот недогерой-любовник пожалел, что когда-то не приструнил свою стервозную невесту.

«Тёмный Отец, Клара, о чём ты думаешь! Не эти двое сейчас должны занимать твой мысли, уж лучше подумай, что делать дальше, раз вариант с проклятологом не сработал!»

А что дальше? Все доступные мне, обычной вампирше, варианты закончились. Пойти к платному проклятологу совсем не вариант – даже если собрать деньги со всех моих родственников и продать моего дядю Абрама – известного ловеласа нашей деревни – в наложники какой-нибудь заграничной императрице (думаю, он и за просто так согласился бы), всё равно б не хватило. Ах, поскорее бы добраться до «Золотого поросёнка», а то такими темпами я не напыюсь, а утоплюсь в ближайшей речке. Причём, корка льда не станет препятствием, как говорит Ари, и у гномьего барана нет столько упрямства, как у меня!

Наконец, я добралась до невзрачного трёхэтажного дома и увидела дверь ставшего уже родным паба. На его простой, но отчего-то веющей теплом деревянной двери блестело маленькое позолоченное изображение пухлой свинки с милой, насколько она может быть таковой у хряка, улыбкой. Прежде

чем войти, от всей своей тёмной души потопталась на половичке у входа – подруга не раз меня ругала, что я посмела занести грязь в её паб. Хотя, по факту, паб пока не её, сейчас им заправлял её отец, достопочтимый, и ни как иначе, гном по имени Тилион, сокращённо – Тиль, для близких.

Время было слишком ранним для паба, солнце только клонилось к закату, и большинство заядлых посетителей сейчас занимались своими мирскими делами, только я одна здесь была настолько неприличной – пить до заката, какой моветон для вампира! Наша преподавательница по этикету упала бы в обморок от такого. Хотя я и без этого часто доводила её до нервного тика своими «эпатажными» штанами.

Мой взгляд заскользил по маленьким столам, по закинутым на них стульям, по стенам, задекорированным топорами гномской ковки. Всё здесь было сделано из древесины тёплого оттенка, что только подчёркивалось мягким свечением от огня в камине, что в конце зала, и маленьких свечек на повозочном колесе, что играло в этом заведении роль люстры.

– Свечки пора бы поменять, – пробормотала я, поглядев на произведение гномского авангарда.

– Тебе так надо, ты и меняй, – крикнула мне Ария, что маленьким, но мощным смерчем пронеслась мимо меня, выскочив из спрятанной в тени дверцы в погреб. Всего в том месте было три дверцы: в погреб, на кухню и кладовку, а рядышком располагался бар. – У меня и так дел полно! Передача затянулась, и я опоздала на целый час, а подменить ме-

ня некому, здесь же всё только на мне держится, – причитала гномка, ужом вертась между столиками, снимая с них стулья. – Помочь не хочешь? – окликнула меня подруга, не отрываясь от своих дел.

– Боже, что за обслуживание?! Только зашла, ни здравствуйте, ни как дела? Я, вообще-то, сюда пришла излить душу и влить вместо неё горячительное, а тут такое обращение с гостем. Ты с таким подходом скоро оставишь своего «Поросёнка» без посетителей, – упёрла я руки в бока и с наигранным укором посмотрела на подругу.

– Вот давай сейчас без этого! – подняла гномка ладонь в останавливающем жесте, попутно протирая другой рукой столик. Многозадачность – её второе имя. – Ноги моей не будет за барной стойкой, пока зал не будет готов к работе. Хочешь выпить свою отвратительную мятную жижу? Так помоги мне! Или хочешь потерять свою персональную скидку? – изогнула Ари свою тёмно-рыжую бровь.

«Вот же шантажистка, знает, на что надавить. Если бы Ванесса прокляла её, а не меня, то вот уж эта особо не дала бы себя в обиду, заставила бы магиню снять проклятье в ту же неделю. Возможно, в переговорах принимал бы активное участие вот тот топорик, что у входа в погреб».

Хоть Ария и выглядела достаточно невинно со своими круглыми глазками цвета ореха, милыми рыжими кудряшками, как у барашка, она, если захочет, горы свернёт. В буквальном смысле, сил и упорства ей было не занимать. Удиви-

тельно, что при своём воинственном характере Ария не пошла учиться на боевой факультет.

– Уговорила, – поддалась я на шантаж лучшей подруги и принялась опускать стулья в противоположном конце зала.

Спустя четверть часа гномка натирала за стойкой многочисленные бокалы и многочисленные пивные кружки чистым полотенчиком, пока я потягивала мятный ликёр. Барная стойка была стандартной высоты – для удобства посетителей. А для удобства самих хозяев вдоль внутренней стороны бара были приколочены специальные полочки, благодаря которым гномы с удобством могли обсуживать посетителей.

– До сих пор не понимаю, как ты пьёшь эту бурду, – поморщила носик Ария, взяв в руки бутылку ликёра. – Приборная, с привкусом ментола, фу, что за мезальянс.

– Привыкай, мне эту, с твоих слов, бурду придётся, похоже, пить до конца своих ночей, – вымолвила я с запинками и осушила вторую по счёту рюмку.

– В смысле? Что сказал тебе проклятолог, ты же сегодня должна была его посетить?

– Во-первых, не его, а её, а во-вторых, ничего хорошего. Видишь ли, – сказала я, чуть растягивая гласные – алкоголь начал своё благодатное действие. – Проклятье моё третьесортное, или третьестепенное, точно не помню, а список на ритуал распрокля... распрокли... распроклю... Короче, на снятие проклятий очередь забита на полгода, и я не в приоритете. Демоны преисподней подери эту больничную бю-

рократию, со всеми их справками и анализами. Я столько времени потратила на это... А могла бы, как Альтер, бегать по подработкам и другим всяким... халтуркам, может и накопила бы если не на снятие, то хотя бы на ослабление проклятья.

– Кто это с такой грустью произносит моё имя? – вынырнула из погребца вышеупомянутая персона.

Альтер был из тёмных эльфов, или, как называли их некоторые, дроу. Обычная для тёмных эльфов графитовая кожа Альтера резко выделяла его из этой тёплой обстановки своей кажущейся потусторонней холодностью. Платиновые волосы, обычно ниспадающие шёлковой копной на лопатки, сейчас были собраны в небрежный пучок на затылке, открывая вид на заострённые уши. Увидев нас, Альт усмехнулся, из-за чего на его щеках под высокими скулами появились ямочки, а в глаза цвета светлого пива – любимого напитка их владельца – заплясали озорные огоньки. Судя по закатанным рукавам, обнажающим удивительно накачанные для некроманта руки, и по бочке на широком плече, эльф в этот раз подрабатывал у господина Тилиона.

– Привет, Альтер, – поприветствовала я друга.

– Вот эта королева проклятых тут стенает и тебя припоминает, – выдала меня вроде бы лучшая подруга.

– О-у, неужели, ты, наконец, осознала свои нежные чувства ко мне? – притворно воскликнул эльф и поставил бочку на специальный постамент позади барной стойки.

– Единственное, что я сегодня осознала, так это обречённость моего положения, – простонала я и плюхнулась лицом на столешницу.

– Э-ээ, а что такого произошло? – растерялся эльф и обернулся к гномке, – Ари, ты знаешь, что так подкосило наш оплот независимости и упрямства?

Ария, спасибо ей большое, рассказала тёмному эльфу причину, по которой я в таком скверном расположении духа. «Хотя нет, мой дух не просто в скверном расположении, он пал, смертью бесславной и мучительной. Как бы сейчас надо мной посмеялся магистр Бронкс, глава нашего боевого факультета, и не поленился бы поглумиться как следует... Тёмные боги, куда податься вампиру, от которого разит чесноком?»

– Клара... – позвал меня Альт, но я его не слышала.

«Из академии меня точно исключат. Я уже не в состоянии сдавать практические зачёты».

– Клара?

«Удивительно, как я вообще смогла перейти на второй курс».

– Клара??

«Такую немощь, как я, точно выгонят до конца семестра».

– Клара!

«Так куда же мне идти? На что жить? Кроме махания кулаками и ногами я мало что умею делать хорошо».

– КЛАРА! Всё, летучая мышка, ты меня вынудила.

«Я даже дырку в носке заштопать не умею...»

ХЛОП!

– Ай-й, – крикнула я и соскочила со стула.

Левая ягодица нещадно болела, в сторонке Альтер потирал правое запястье, а Ария встала к нам спиной и предположила проигнорировать происходящее безобразие, уделив время более важным, по её мнению, вещам – расстановке пивных кружек.

– Альтер, ты что себе позволяешь?! – зло посмотрела я на друга, потирая поражённую филейную часть.

– От тебя тоской несло сильнее, чем от некоторых умертвий у меня на практике. Сидишь как в воду опущенная, на имя не откликаешься, вот я и решил тебя таким способом растормошить. Лучше скажи спасибо, скоро сюда придут мои однокурсники, кто-то из них мог тебя принять за отличный материал для экзаменационной работы.

– Что, сюда нагрянут некроманты? – обернулась к нам гномка с глазами-блюдцами. – Передай им всем, – тут же сощурила она их в угрозе и ткнула зажатой в руке тряпкой в Альтера, – что в моём пабе никакие кишки и прочие внутренности не обсуждать, никаких трупов не таскать и тем более не утаскивать! Мне до сих пор в кошмарах снится, как ты один на пьяную голову чуть не устроил здесь вскрытие... живого человека! А что может устроить толпа пьяных некромантов, я боюсь спрашивать, нет, я боюсь даже представлять, тем более лицезреть.

– Тёмные силы, какого же низкого ты мнения о некромантах, – наигранно схватился за сердце тёмный эльф, свободной рукой хватаясь за край барной стойки. – Тем более обо мне! Это обидно, знаешь ли? Тот человек подавился, и я оказал экстренную медицинскую помощь. Без меня в стенах этого паба действительно мог бы завестись, как минимум, один труп!

– Ребята, хватит! У меня от ваших криков голова болит, а мне и так плохо, – перепалка друзей и увесистый шлепок от Альта сильно взбодрили меня и помогли на время отвлечься от неизбежности вечного проклятья.

«Кстати, откуда у Альтера столько сил? Насколько мне известно, некроманты ведут пассивно-сидячий образ жизни, не сильно отличающийся от того, что ведут их подопечные».

– В крайнем случае, ты всегда можешь отдать толпе пьяных некромантов самого Альта, – сказала я подруге и обернулась, чтоб полюбоваться вытянутым лицом тёмного эльфа.

– Я, значит, тебя от всеобъемлющей тоски спасаю, а ты в ответ предлагаешь сделать из меня жертвенного агнца? – неверяще похлопал он красивыми очами, а потом расхохотался. – Ну, раз вы планируете меня принести в жертву пьяным студентам-некромантам, то хоть откормите как следует! Эх, с утра ничего не ел, – сел он на ближайший барный стул, и я за ним следом. – Чего съестного есть?

– А ты не хочешь сперва закончить свою работу, – мотнула гномка головой в сторону погребка.

– Так я уже, – ответил дрю. – С первой партией покончено, а пока господин Тиль выбирает бочки для второй, у меня есть время на перекус. Чесночные гренки и пинту светлого грозового, пожалуйста.

– Эта рука, – продемонстрировала нам свою маленькую ладошку Ари, – никогда более не нальёт тебе, Альтер из Грозовой долины, ничего крепче чёрного чая! – на последних словах она повысила голос и потрясла перед лицом эльфа указательным пальцем. – Я два часа отскребала пол от пятен крови после тебя, так что придётся тебе подождать моего отца, чтоб получить своё пиво. И то, если он захочет после той антисанитарии, что ты устроил в тот раз. Но гренки я тебе принесу, – смилостивилась моя соседка, – их как раз должны были приготовить, – с этими словами грозная гномка прошла на кухню. Дверь за ней закрылась вслед с небольшим хлопком, что прошёлся эхом по пустынному, но совершенно не пыльному залу.

– Как там, не болит? – кивнул Альтер на мою пятую точку.

– Тебе следует поменьше проводить времени с мёртвыми и побольше с живыми, Альт. Они, знаешь ли, более чувствительные и нежные, чем твои воскресшие умертвия. Серьёзно, ты так на стол к своим коллегам попадёшь неженатым.

– И не поруганным, – картинно вздохнул он и повернулся ко мне с уже более серьёзным лицом. – У тебя есть идеи, что делать дальше?

– Нет. Единственное, на что сейчас хватает моих умствен-

ны способностей – это напиться до беспамятства.

– Ну-уу, до беспамятства не стоит, – протянул Альтер. – Я слышал, у боевиков завтра будет марш-бросок. Не стоит приходить на такое мероприятие с похмельем, в твоём-то состоянии.

– В моём-то состоянии на этот марш-бросок и смысла нет идти. Прогуляю. Всё равно меня скоро исключат – за несоответствие нормативам, на радость магистру Бронксу, – с этими словами я взялась за оставленную без присмотра бутылочку мятного ликёра и налила себе ещё порцию. – И не будет у меня ни образования, ни работы, ни жилья.

– А может, ты всё же пойдёшь к платному проклятологу? – предложил Альтер спустя минуту тишины. – Ты знаешь, я уже второй год коплю на лошадь и успел скопить приличную сумму – твоё здоровье мне важнее коня, возьми эти деньги... Если тебе неудобно их брать, возьми в долг и возвращай мне по чуть-чуть, по мере возможности.

– Альтер! – воскликнула я, тронутая столь щедрым предложением. Тёмный эльф давно лелеял мечту купить коня, и не простого, а серебряного жеребца – помесь обычного с единорогом, что смог бы нормально жить под вечно грозовым небом его родины, и стоил такой метис целое состояние, но... – Я очень благодарна тебе за такое щедрое предложение, но та сумма, которую мне озвучил платный проклятолог, совсем не приличная! – призналась я и поделилась той страшной суммой с эльфом, отчего у него глаза чуть из ор-

бит не вылезли.

– Сколько?! – не сразу поверил мне тёмный эльф и уточнил: – А ты точно что-то не перепутала? Или может – оговори-лась, или он оговорился? Ну, не может это столько стоить! Такой ценник выставлять вообще законно?! – не на шутку завёлся эльф.

Я его как никто другой понимала – у самой была такая же реакция, когда тот хмырь усатый – частный проклятолог – назначил плату в размере годового дохода моей деревни, а мы не из бедных, поставляем высококачественное мясо и кровь в замок самого князя вампирского!

– Как такое вообще возможно? – не унимался эльф. – Ты же сама сказала, что твоё проклятье третьестепенное, а значит, его должно быть не трудно снять! Откуда такая за-облачная цифра?

– Как сказал мне тот хмырь усатый после магического ска-нирования, проклятье моё с блоком – Ванессе вплела в схе-му проклятья какой-то замо́к, из-за которого стандартным способом его может снять только она. Обходные пути есть, но они сложные, энергозатратные и поэтому такие дорогие! – вымучено выдохнула я и выпила ещё стопку прозрачного ликёра. Эльф сочувственно погладил меня по спине своей широкой тёплой ладонью. От его прикосновений мне стало чу-точку лучше, даже расхотелось повторно впечататься лбом в столешницу.

– Знаешь, – тихо начал будущий некромант, – мой отец

часто говорит: «Если есть проблема, то есть и решение этой самой проблемы». Допустим, – положил он локти на столешницу и сцепил пальцы в замок, – с образованием я могу тебе помочь: ты – вампир, есть природная склонность к некромантии, по знаниям я могу тебя подтянуть. И поверь, некромантам, а тем более умертвиям, и дела не будет до твоего «Чесночного дыхания». Кстати, – с улыбкой добавил он, – зря ты обнадёжила нашу будущую владелицу этого славного заведения – половина курса у меня конспекты списывает, а другая прячется за моей спиной на опросниках. Так что, в жертву они меня не примут, а наоборот, будут бороться за сохранность моего тела и чести.

На последних слова я не удержалась от смеха. Альтер всегда мог меня рассмешить, даже в самые тёмные моменты моей жизни. Ещё в нашу первую встречу в поезде, когда он и я из наших глухих деревень добирались до столицы Брансвии поступать в Королевскую академию магии, он покорила меня своим остроумием и тёмным юмором. Да и внешность у него откровенно привлекательная, очень даже в моём вкусе. Эх, если бы не эта история с принцем и проклятьем, я возможно и попыталась бы перевести наши отношения из дружеских в более «горизонтальную» плоскость, хоть матушка и наругала бы меня за соращение красивых юношей до окончания академии.

– Что? – как-то смущённо покосился на меня тёмный эльф. Оказывается, я уже давно перестала смеяться и молча

смотрела на него пристальным взглядом. Так долго, что ему успели принести чесночные гренки да в зале прибавилось народа – судя по их внешнему виду, сюда нагрянули обещанные некроманты.

– Просто люблюсь тобой, – сорвалось с моего языка, прежде чем я осознала, что и кому именно это говорю. – Ты очень красивый, Альтер, ты знаешь об этом? Такой обязательный и привлекательный, даже сдружился с местными кладбищенскими воронами, а у них ух какой скверный характер... Если бы не твоя любовь к разговорам о кишках и всём таком прочем, то ты бы легко смог сместить принца с пьедестала «самого популярного парня академии».

«Тёмная Мать и Отец, что я говорю?! Неужто меня так опьянило от парочки рюмочек? Или не от парочки?»

Обернувшись, я увидела, что бутылка мятного ликёра, которую тут держали исключительно ради меня, так как другие посетители данного заведения не притронулись бы к этой, как говорит Ари, жижe, опустела вполовину от прежнего объёма. Неужели я выпила столько и даже не заметила этого?

– Так, на чём мы остановились? – бодренько прервала я возникшую тишину, пытаясь перевести разговор в прежнее, не такое неловкое, русло. – Так ты говоришь, что на факультете некромантии мне найдётся место? Неплохой вариант, хоть и я никогда не питала страсти к точным наукам, – протараторила я, стараясь смотреть куда угодно, только не в сторону тёмного эльфа. Тёмная Мать, как же язык заплетает-

ся! – А насчёт жилья у тебя есть какие-нибудь мысли? Так сразу я не смогу поступить на некроманта, в общежитии мне не дадут остаться, тем более после историй с орущими ко-тами. Да и домой мне нельзя, сам знаешь, – продолжила я мямлить что попало, как у доски на занятиях по этикету.

– Можешь пожить пока у меня.

– В каком смысле, у тебя? – удивлённо обернулась я к дру-гу лицом, на что он спокойно ответил:

– В смысле пожить в доме моих родителей, в Грозовой долине. Ты же уже гостила у нас на летних каникулах, пом-нишь?

А как не помнить? Я по гроб жизни буду благодарна роди-телям Альтера за то, что они приютили меня после того, как мои родственники более не могли выносить этот проклятый запах чеснока. Сколько бы душистых трав мы не развешивали по дому, как бы я не пыталась пореже открывать рот, всё равно аромат чеснока просачивался на свободу и доби-рался до них. Мне очень повезло, что семья Альтера живёт в соседней деревне и питает какую-то особую любовь к чес-ноку, вплоть до засева целой грядки этим сильно пахнущим корнеплодом.

– А ты уверен, что они согласятся? Я и так вас тогда силь-но стеснила, нам аж одну комнату пришлось делить.

– Да матушка специально так сделала – рассчитывала, что ты, как всякая приличная вампирша, обесчестишь меня, а потом принудительно в мужа возьмёшь. Уж очень ты ей

понравилась, да и дочку она всегда хотела, а уродились у неё одни только сыновья, – спокойно признался этот любитель чеснока и принялся хрустеть своими любимыми гренками, пока я в шоке взирала на него.

– Передай мои извинения своей матушке, что так разочаровала её, – нашлась я, что сказать, когда до меня дошло, что всё сказанное – это очередная шуточка Альтера. – Уж больно слабенькой я стала, а за твою честь, да и тело в целом, по твоим же словам, будет бороться целый курс будущих некромантов – с таким препятствием я, увы, не справлюсь. Да и сил на надругательства у меня тогда не останется, – подняла я руки в отступающем жесте.

Минуту мы молчали, а потом одновременно расхохотались. От сильного смеха лёгкие заболели, а рот растянулся в настолько широко улыбку, что я забеспокоилась, а не порвётся ли он, но в этот момент, в эти секунды безудержного веселья я позабыла обо всём плохом, что произошло и произойдёт в моей жизни.

3 глава

– Ты мог бы хоть намекнуть, – продолжила я, когда первая волна смеха стихла, – что рассчитываешь на растление. Надел бы, не знаю, ночную рубашку с оборками или что-то в этом роде.

– Демоны преисподней, – картинно воскликнул эльф,

хлопнув себя по лбу, – матушка же мне говорила, что вампиры падки на оборки и рюши, – парень осмотрел свою простую белую рубашу с плотным тёмно-синим жилетом и вздохнул. – Нет у меня для тебя оборочек, греночка ты моя чесночная, но есть что-то повесомее, – с этими словами Альтер соскочил со стула и полез за барную стойку в нижние ящики.

– Вот, прошу, – вытащил тёмный эльф из своего рюкзака, что держал в руках, бутылочку с красной жидкостью и продемонстрировал мне на манер сомелье в ресторанах. – Выдержка двадцать четыре года, свежего разлива.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я и потянулась к заветной бутылочке. Альтер был любимым учеником преподавателя некромантии и пользовался предоставляемыми им привилегиями, в том числе и возможностью втихую сцеживать для меня свежую, магически обогащённую, кровь. Та, что вампирам выдавали по квоте, была не самого лучшего качества, да ещё и смешанной в общем котле, фу. Может, кому-то такая кровь и нравилась, но точно не мне, так ещё и с моей «фирменной» приправой.

С каждым мелким, осторожным глотком алкогольный туман и боль в голове постепенно рассеивались, но был этому и минус – кровь смывала остатки мяты во рту, из-за чего меня снова начинал мучить этот дважды проклятый чеснок. Как мне объяснили целители, проклятье что-то сделало с моей слюной, делая её «чесночной», поэтому, что бы я ни пила, ко всему примешивался привкус этого демона

корнеплода. Схожая история и с моим обонянием, я носом уже более двух месяцев ничего, кроме чеснока, не чувствую и не раз попадала по этой причине в неудобные ситуации.

– Как же хорошо, что профессор позволяет тебе дополнительную практику в некромантской, – сказала я на выдохе, стоило моим губам оторваться от горлышка.

– И не только это, – завёл свою любимую шарманку Альтер, смотря с неким умилением и блеском в глазах на то, как я пью. – Профессор Тьюсдей много чего знает и часто рассказывает то, чего нет ни в одном учебнике или пособии. Вот ты знаешь... – и далее пошла череда интересных и анатомически подробных фактов о некротической магии, умертвиях и всему такому прочему. Пиво ему всё-таки налили, поэтому увлекательные речи прерывались на глоточек пенного, а потом вновь продолжались с новой силой.

Паб успел заполниться посетителями, и не только однокурсниками моего друга-некроманта. Опасения Ари, что опьяневшие студенты устроят тут внеурочную лабораторную работу, были напрасными. Они мало чем отличались от остальных завсегдатаев «Золотого поросёнка», разве что песенки пели чуть пошлые и местам мрачные.

– Альтер, вот ты где! – подошла к нам однокурсница тёмного эльфа. Внешность у неё была примечательная – огромные очки с круглой оправой и толстенными стёклышками в сочетании с буйным облаком каштановых тугих кудряшек несколько не умаляли её красоту. Как раз благодаря этой

необычной внешности она смогла осесть в моей памяти, в отличие от большинства однокурсников Альтера.

– Я везде тебя искала – в лаборатории, библиотеке, общегитии и даже на конном рынке, – принялась перечислять места своего поиска девушка и повисла на плечах моего... друга. – Как хорошо, что я встретила наших и они сказали, что ты будешь здесь. О, Клариссия, здравствуй, я тебя не сразу узнала. Как дела?

– Пока не родила, – грубо ответила я.

– О, значит, слухи не врут. Ты действительно в положении? – на этих словах тёмный эльф поперхнулся, а из его носа пошла струйка пенного.

– Чего-чего?! – шокировано воскликнул Альтер, прикладывая близлежащее полотенчико к своему носу.

– Какое такое положение ты имеешь в виду? – не сразу достиг меня смысл слов девушки.

– Ну, ТО САМОЕ положение, – выпучила на меня глаза собеседница, из-за чего её и так немало увеличенные линзами глаза стали ещё больше. Спустя мгновение до меня дошёл смысл.

– Что за вздор?! Откуда у тебя вообще взялись такие мысли? – шокировано и, по правде говоря, слишком громко воскликнула я, да так, что в нашу сторону обернулись несколько адептов.

– Да об этом весь второй курс боевиков судачит! По их словам, ты уже несколько месяцев болезненно выглядишь,

быстро устаёшь, потеряла в весе да постоянно пропускаешь практику ради визитов к целителям. Сама ты ничего и никому не рассказываешь, даже преподавателям, вот парни и построили своё предположение.

– И откуда, позволь спросить, у них могло появиться такое предположение, что я именно в положении, а не просто больна?

– Ну-уу, у тебя же был неприятный эпизод с принцем Уильямом? И проблемы у тебя начались как раз после того, как он... отказался от твоей компании.

«Фантастика. Мало того, что я страдаю от проклятья и нахожусь на грани отчисления, так я ещё, оказывается, беременна от принца! Мы с ним даже не целовались, что это за чудо непорочного зачатия?!»

– А ещё говорят, что чисто женский коллектив – серпентарий, – возвела я глаза к небу. – Эльна, – вспомнила я имя некромантки, – эти же парни судачат, что некромантки делают себе маски для лица из человеческой печени. Я, конечно, знала, что мои сокурсники недалёкие, но я не думала, что они ещё и заядлые сплетники. Спешу тебя заверить, что в Брансвии я нашла целую кучу более интересных общественных мест, чем панталоны местного высочества. И честь моя остаётся при мне, так что, ТО САМОЕ положение мене пока не грозит.

– Ладно, так и передам, – согласилась некромантка и тут же перевела своё внимание на тёмного эльфа. – Альт,

пожалуйста, выручи – дай списать конспекты! Профессор Тьюсдей меня повторно закопает, если я снова не сдам зачёт по географии некролиний.

– Эльна, мне бы твою наглость, я бы уже в золоте купался, – швырнул некромант уже ненужный кусок ткани на стойку и недовольно уставился на девушку. – Только что ты меня ошарашила возмутительными и, что главное, ложными слухами о моей дорогой подруге, а теперь выпрашиваешь у меня конспект? Вот вечно тебе что-то от меня надо. Дай то, дай это, может, мне тебе и свои штаны отдать?! – завёлся Альтер с пол-оборота.

Вот не знаю, что меня возмутило больше – то, как расцвёл румянец на лице девушки от перспективы лишиться моего тёмного эльфа сего предмета гардероба, или то, что Альтер вообще додумался подобное предложить левой магине!

– Ну, если тебе так хочется... можешь дать ещё конспекты по поведенческой психологии умертвий, – стеснительно улыбнулась некромантка и скромно опустила глаза в пол. И сделала это так натурально, что я б ей поверила, если бы только что не лицезрела её истинный характер.

– Невероятно! – воскликнул Альтер. – Вы такими темпами меня вообще голым оставите! – обратился он к группе адептов, что сидели недалеко от нас. – Я конспекты так-то для себя писал. Мне тоже нужно готовиться к сессии, как и вам, неучи! На, – обернулся он к Эльне и принялся копошиться в своём рюкзаке, доставая нужные тетради, – бери

географию, бери психологию. Да хоть штаны мои забирайте, но оставьте мне хоть панталоны и кружку пива! Я с прекрасной дамой время провести хочу. Наедине! – с отчаяньем потряс некромант руками и отвернулся от пристыженных им однокурсников.

– Вот поэтому я не поруганный, вот так они мою честь и берегут. Даже выпить спокойно в приятной компании не дают, всё конспекты у меня клянчат, а я же добрый, – посетовал Альтер и сделал большой глоток из своей пинты. Ему понадобилось выпить ещё две такие, чтоб вернуть прежнюю весёлость духа. Но это не остановило поток жалоб некроманта на «безголовость» сокурсников.

– ...а ещё сегодня на вскрытии профессор Тьюсдей рассказал нам об одном особом растении, что иногда прорастает в «подснежниках», а эти увальни вместо того, чтобы слушать, тыкали в раздвоенную селезёнку усопшего и вопрошали «что это такое?». «Подснежники» – это такие тела, которые находятся в лесах, когда снег начинает таять, сейчас как раз их сезон, – пояснил мне Альтер и сделал глоток из кружки. – Так вот, это редкое растение называется Подснежник Подснежный, или Подснежник Трупный. По словам профессора, этот цветок так пропитывается энергией Жизни и Смерти, что превращается в мощный живой артефакт, и при помощи него можно исполнить любое самое заветное желание.

– Любое, говоришь, – задумчиво проговорила я, – Альт,

как думаешь, а моё проклятье этот цветок сможет снять?

— В теории, да, — с опаской ответил друг, видимо, он сразу понял, какая мысль пришла мне в голову, — но в реальности его может и не быть. Растение редкое, ему нужны особые условия для роста... Прошу тебя, не пытайся его найти. Даже если он где-то и пророс, могут уйти недели на его поиски, — некромант с беспокойством сжал мою ладонь. — Я понимаю твоё желание избавиться от проклятья, знаю, какие мучения ты из-за него испытываешь, но ты можешь погибнуть в тщетных поисках этого подснежника. Не рискуй, пожалуйста.

— Думаю, мне пора идти, — встала я со стула и направилась к выходу.

— Клара...

— Увидимся позже, — махнула рукой на прощание и вышла наружу.

— Клара! — было последнее, что я услышала до того, как закрылась дверь.

Альтер из Грозовой долины

«Тёмные боги, почему она такая упрямая! Вобьёт себе что-нибудь в голову, и всё, пиши пропало, — как и всякого боевика, только смерть или близость к ней сможет переубедить эту девчонку. Или не сможет. Идиот, зачем только рассказал ей об этом Подснежнике Трупном, зная её ситуацию и гонор!»

Устало вздохнув, опрокинул в себя оставшееся в кружке

пиво. Даже вкус любимого напитка из родных краёв не смог смыть горечь, что оставила после себя одна неуёмная вампирша. И твердолобая. И красивая. И аппетитно пахнущая.

– Кто там аппетитно пахнет? – внезапно вывел меня из раздумья голос господина Тиля. Гном стоял за баром, прямо напротив меня, с вопросительно изогнутой кустистой бровью.

Достопочтимый господин Тилион был чуть выше своей дочери и спокойно выглядывал из-за барной стойки. Мужчина имел достаточно невзрачную для гнома внешность – карие глаза и тёмные волосы, что контрастировали со светлой кожей. Только борода выделяла его из толпы. Даже для гнома она была очень густой и пышной, как принято говорить, роскошной. И за этой роскошью господин Тиль ухаживал как заправский модник – укладывал и заплетал самыми разнообразными способами. Вот и сейчас передняя часть бороды была заплетена во множество кос и косичек, что складывались в сложный узор, в то время как сзади борода была распущенна, служа фоном для всей этой красоты. На конце борода завязывалась шнурком в единое целое, для удобства носки.

– Клара, – тяжело вздохнул я. Не было смысла отнекиваться, господин Тиль давно просёк мои безответные чувства к этой девушке.

– Когда же ты ей признаешься? – с лёгким раздражением спросил достопочтимый владелец паба и начал наполнять

мою кружку новой порцией пенного. – Уж сколько месяцев ты у меня подрабатываешь, столько я и слушаю твоё нытьё. Возьми себя в руки, секира тебя разруби! – на этих словах гном со стуком поставил передо мной пинту.

– Если бы Клариссия испытывала ко мне хоть толику того, что я чувствую к ней, то так бы и поступил. Но для неё я просто верный друг... Да и она так и не оправилась от разрыва с принцем.

– Что за чушь ты мелешь, парень! – вкинул руки Тиль и эмоционально потряс ими. – Я собственными ушами слышал, как она час назад соловьём пела о том, какой ты красивый, умный и так далее! Что ты лучше этого павлина-принца! Когда моя пышечка сказала, что у меня роскошная борода, – на этих словах гном провёл рукой по самой большой, центральной косе в своей бороде, – я потёк пуще кусочка сливочного масла на стопке свежих блинчиков. Тогда я понял сразу – всё, моя, это любовь, и через месяц мы обвенчались.

– Искренне рад за вас, но Клара это спьяну сказала, – отмахнулся я от слов мужчины.

– Я как владелец паба вот что скажу тебе – пьяные часто говорят то, что у них на сердце, что они не рискнули бы сказать трезвыми... Короче, соберись, парень, не будь соплём, – мощно похлопал меня по плечу господин Тиль. – Прихорошись там, как вы, эльфы, умеете. В этом я тебе совет дать не смогу. Эх, была бы у тебя борода... Приоденься, что ли?

Хотя нет, лучше раздёнсья, продемонстрируй любимой женщине свои богатства, я знаю, они у тебя есть, – с этими словами достопочтимый гном поднял вверх правую руку и напряг её. Господин Тиль сегодня был облачён в безрукавку, поэтому я с лёгкостью увидел игру мышц и сухожилий, что перекатывались и лоснились под кожей в мягком свете свечей. Проходящая мимо жена Тилиона – вышеупомянутая рыжеволосая пышечка – игриво стрельнула глазками в сторону мужа и скрылась за дверьми в кладовую.

– Во! Видишь? – удовлетворённо сказал гном и опустил руку. – Уже как тридцать лет пользуюсь этим приёмом, а до меня мой отец, а до него его отец, и ещё демоны знают сколько прошлых поколений, и ни разу, НИ РАЗУ не подвёл... А ещё лучше, покатай её.

– Покатать?

– Да, на руках поноси, что ли, покажи избраннице, что банки эти тебе не только для красоты, но и для дела.

– Показать банки. Покатать. Ясно.

– Вот и хорошо, – сказал довольный мужчина и направился в сторону кладовой, видимо, показывать пышечке свои банки в деле.

То ли алкоголь в крови был достаточно высоким, то ли степень отчаянья, но совет гнома показался мне дельным.

Клариссия Пастеш

Наутро следующего дня я, как и сообщила Альтеру, не пошла на марш-бросок. Вместо этого уделила чуть больше времени своему внешнему виду – подрумянилась, мазнула пару раз кисточкой с губной помадой, а то стало совсем боязно глядеть на себя в зеркало – призрак во плоти, не иначе! В который раз тягостно вздохнув на свои посечённые кончики, я направилась в библиотеку академии, что славилась своим богатым собранием книг на множество тем, в том числе и ботаническими атласами. Если собираюсь искать редкий цветок, сначала следует узнать, как он выглядит.

– О, Клариссия, доброе утро. Опять пришла читать книги о проклятьях? – приветливо встретила меня местная библиотечарша. За последний год я часто навещала сюда в поисках способов, как ещё можно снять проклятье без помощи самого проклинателя. Как видно, результатов это не дало, зато меня зауважали работники библиотеки, что редко видели в стенах этой обители знаний боевиков.

– Здравствуйте, нет, в этот раз я хотела бы просмотреть ботанические атласы по редким цветам. Если можно, – добавила я, только сейчас задумавшись, что некоторые книги могут не дать студентке непрофильного курса – всё же некоторые экземпляры могут быть очень редкими, а от этого и очень ценными, что с финансовой, что с интеллектуальной точки зрения.

– Конечно, тебе – можно. За всё время к тебе не было ни-

каких нареканий – книги сдаёшь вовремя и в том же состоянии, что и брала. Радует, что хоть кто-то из боевого факультета посещает библиотеку, – пробормотала последние слова женщина с ноткой осуждения и продолжила с прежней улыбкой: – Раздел ботаники в отдельном зале, в башне номер три. Иди вперёд и направо, в конце увидишь вход на винтовую лестницу, сверху будет табличка с соответствующим номером.

– Спасибо за подсказку, – благодарно улыбнулась я и направилась в указанном направлении.

Где я взяла ресурсы, чтобы подняться на эту кажущуюся бесконечной винтовую лестницу, только Тёмным богам известно. Вот где действительно надо магистру Бронксу устраивать марш-броски, а не эти ваши тренировочные поля с грязевыми ямами и горящими тропинками. Благо, здесь так заботливо поставили стульчик, прямо возле входа в зал, вот здесь и передохнём! За те несколько минут, что я переводила дыхание, в голову лезли всякие неприятные, но вполне обоснованные мысли. Например, как я в таком состоянии отправлюсь в лес?

«Подснежные жмурики явно не валяются на лесной окраине, идти придётся вглубь, а как потом возвращаться? Моя немощность не связана с проклятьем, пусть даже я и найду этот цветок, смогу ли вернуться домой и не стать почётным членом клуба „подснежников“? Эх, если бы не проклятые эманации чеснока, что блокируют большую часть вам-

пирских способностей, могла бы обратиться в летучую мышь и осмотреть всё с воздуха... Ладно, будем решать проблемы в порядке очереди».

Поднявшись на ноги, я подошла к ближайшему стеллажу. Не обнаружив ничего подходящего, перешла к следующему. А потом к последующему, и так несколько раз, пока не обнаружила полку, сплошь заставленную атласами. Водя пальчиком по корешкам, я бормотала себе под нос названия книг:

– Колючие растения, многоцветные растения, не то... опасные для оборотней растения, нет, пресноводные... не, похотливые... Какие-какие? – из любопытства взяла книгу с полки и открыла на первой попавшейся странице. То, что я увидела, впечатлило. Форма, цвет и размер цветка поражали воображение не меньше, чем поза, в которую прочные с виду лианы связали человека на картинке. Как-нибудь полистаю на досуге, но сейчас это не то-ooo.

О, вот оно – «Редкие растения Брансвии». Думаю, прошло около получаса, прежде чем я нашла нужный мне цветок. Подснежник Подснежный, или Подснежник Трупный, мало чем по виду отличался от своего собрата – те же длинные и в меру широкие листья, тот же тонкий стебель, на котором висит соцветие из трёх лепестков. Единственным отличием служила фиолетовая кайма по периметру белого лепестка, что резко заканчивалась тонкой золотистой линией по самому краю. «Красивый, так и не скажешь, что этот нежный цветочек любитель падали».

Засунув книжку под мышку, я спускалась по лестнице в башне, когда услышала чей-то шёпот. Резко остановившись и прислушавшись, я разобрала два голоса – женский и мужской, в весьма кокетливом тоне и смутно знакомые. Конечно, было слегка неловко прерывать столь интимный момент, но Тёмный Отец, не сидеть же мне в башне, пока эти двое не намилуются!

Возобновив свой спуск, я намеренно цокала по ступенькам громче прежнего, чтоб предупредить парочку о приближении невольного свидетеля. Но моя попытка избежать встречи провалилась – видимо, эти двое были слишком тугухими или слишком наглыми. Скорее второе, ибо этими двумя были принц Уильям и... Эльна?!

Девушка прижималась спиной к стене, пока его высочество стоял подле неё, упираясь предплечьем в стену над головой собеседницы. Вторую руку принц положил на пояс, да и вся поза молодого мага кричала о развязности, в то время как Эльна играла роль смущённой, но обрадованной таким вниманием девушки.

Мы трое не сказали друг другу ни слова. Принц на вид чуть смутился, но попыток отодвинуться от некромантки не предпринял, в то время как я пыталась выражением своего лица сказать Эльне: «Ты что творишь?!»

В ответ девушка с буйной копной кудряшек состроила лицо, как бы говорящее: «А что? Тебе же всё равно на принца?!»

Мне-то правда было всё равно, но не думаю, что Ванесса – невеста принца разделит моё отношение к данной ситуации. Ну да ладно, не мне беспокоиться об этом. Своих проблем по горло, а Эльна – взрослая девочка, сама разберётся.

Отвернувшись от сладкой парочки, я продолжила спуск по лестнице, не обращая внимания на возобновившиеся перешёптывания.

«А Уильям, вот что за пропащий человек, – продолжила я недоумевать в своих мыслях. – Ведь прекрасно знает, ЧТО случается с его пассиями, стоит про них прознать его дорогой Ванессе! Вот как так можно жить – без чувства вины перед пострадавшими девушками и продолжать наставлять рога своей невесте, плодя новых жертв?! И ведь ещё хватает наглости строить из себя жертву „попытки соблазнения“, когда попадается „на горяченьком“. Тёмная Мать, где были мои мозги, когда я посчитала этого бабника достойным моей симпатии, когда у меня перед глазами уже маячил умный и прекрасный Альтер?»

Как говорится, помяни демона и он появится – проходя мимо очередного узкого окошка, я увидела Альтера. Судя по направлению, тёмный эльф шёл в некромантскую лабораторию. И пока я любовалась сквозь слегка замутнённое грязью стекло на широкий разворот плеч и длинные ноги некроманта, меня осенило. В ту же секунду я сорвалась на бег, эхо от моих каблуков разлетелось по всей башне, противно отзываясь в голове, но мне было всё равно.

«Соседка по комнате может послать меня на три весёлые буквы, но Альтер никогда мне не откажет. Пройти в лес и вернуться обратно можно, главное идти в поход с надёжным спутником. А Альтера можно смело назвать самым надёжным тёмным эльфом на всём континенте! Хоть бы успеть догнать его, пока он не зашёл в лабораторию. В неё не пускают без допуска, и Альт может целый день провести в этом месте в компании своего любимого профессора Тьюсея и их „подопечных“!»

Давно я так быстро и, главное, долго не бегала! Остановилась лишь раз – когда всполошённая моим поведением библиотекарша заполняла формуляр на атлас. Стоило бедной женщине протянуть мне книгу, как я вцепилась в неё подобно орлу в добычу и на крыльях энтузиазма полетела к другу. Детали того, как я добралась до Альтера, стёрлись, но точно помню облегчение, когда поняла, что он не планирует идти в некромантскую.

– Альтер, Альтер! – помахала я парню, что находился в нескольких метрах впереди меня. Я так торопилась, что не удосужилась забежать за верхней одеждой и выскочила на улицу в чём была – привычные штаны, корсет и блузка не сильно защищали от весеннего холода.

– Тёмные боги, Клариссия, ты видно хочешь довести меня до инфаркта! – бросил друг мешок, что тащил в сторону вороньего вольера. Тёмный эльф регулярно подкармливал своих приятелей-воронов «остатками» с занятий. Некроманты

часто вели дела с воронами, используя их в качестве разведки на заданиях, поэтому такой тандем некроманта и ворона считался классическим и привычным. – Куда на улицу без пальто?! Помимо проклятья захотела воспаление лёгких? – причитал он, по пути ко мне снимая с себя плащ.

– А как же ты? – спросила я, стоило тёплой ткани опуститься на мои плечи.

– Для меня эта температура более чем комфортная. Забыла, мои далёкие предки раньше выживали на скалистых местностях, где холодный ветер был постоянным явлением?

– Тогда зачем тебе плащ? – Альтер, как и всякий приезжий бедный студент, экономил на всём, на чём мог. Все деньги от подработок и халтурок он откладывал на серебряного жеребца.

– Для приличия, Клара, для приличия. Не всем, как тебе, в радость выделяться из толпы и плевать на местную моду. Ты лучше скажи, ради чего выскочила в таком виде в минус десять? – устало вздохнул эльф, поднимая мешок и возвращаясь на прежний маршрут.

– Я нашла информацию о Подснежнике Трупном, – продемонстрировала я другу нужную страницу атласа. – Тут сказано, что единственным местом его постоянного обитания является наш Заповедный лес! План таков: мы отправляемся в Заповедный лес, ты при помощи своей некромагии находишь «подснежников», я использую цветок и избавляюсь от проклятья.

– Хороший план, но есть парочка больших НО, – поднял он вверх указательный палец. – Заповедный лес, он же известный в народе как Замогильный лес, – самая большая в королевстве область, напитанная магией Смерти, из-за чего лес переполнен дикими умертвиями. Единственное, что их останавливает от набега на жилые поселения, это защитный барьер, пересечь который могут только люди с особым пропуском.

– Так попроси своего обожаемого профессора Тьюсдея тебе такое выписать. Скажи, что хочешь попрактиковаться в отслеживании некротических эманаций или в упокоении покойников, что-нибудь в таком духе. Туда же пускают научных мужей и их протеже, а кто ты, если не протеже профессора?

– Кренделёчек ты мой замороченный, – в сердцах бросил он мешок на землю возле вороньего вольера и посмотрел на меня несчастным взглядом, – ты знаешь, я парень рискованный, иные в некроманты и не идут, но соглашаться на твой самоубийственный план я не собираюсь. Нас туда попросту не впустят – в целях безопасности пускают только некромантов и боевиков...

– А МЫ кто тогда?

– ...выпускного курса! И то под присмотром преподавателей и группы опытных боевиков и некромантов... К тому же, мы ведь даже не знаем, в какой части леса растёт этот цветок. У нас сейчас больше шансов заблудиться там и стать буду-

щим удобрением для Подснежников Трупных или закуской для местных умертвий, чем найти этот цветок сейчас.

– А я знаю, где он, – каркающий голос прозвучал так внезапно, что мы оба подскочили на месте.

– Эдгар, демоны преисподней тебя подери, нельзя так подкрадываться к людям! Меня инфаркт схватит, и кто тогда будет тебе свежее мясо приносить? Вряд ли ты где-нибудь ещё найдёшь такого доброго некроманта, как я.

– Ты б к целителям обратился, дружище. Второй раз чуть инфаркт не схватил, – качнул головой ворон в сторону целительского крыла. Высота жёрдочки, на которой восседал Эдгар, позволяла бессовестной птице находиться примерно на уровне наших лиц. Эдгар был крупным, даже в какой-то степени округлым вороном размером с маленького индюка, что делало его чуть милее своих собратьев. – Вы ж хотите найти эти цветочки, – клюнул он в изображение Подснежника Трупного. – Я видел вчера место, где такие растут. Могу показать, за плату, конечно.

– Тебе не хватает того мяса, что я тебе и твоим друзьям несу? – возмутился Альтер. – Тёмный Отец явно уронил бочку с наглостью, когда создавал тебя! Такими темпами твоя жадность превратит тебя в нелетающий клубок перьев.

– Не гони коней, дружище, – каркнул Эдгар и повернул голову ко мне. – Нам не мясо надо, а зерно. Весна на дворе, пора садиться на диету. Организм разгрузить и всё такое. Тебе б тоже рацион разнообразить, – обратился он к тёмному

эльфу. – Зерно там, овощи поклевать. А то сидишь на одном хмеле и закусах, аж самому плохо становится, – приложил ворон крыло к своей маленькой головушке, как заправская бабушка.

– А ты точно видел этот цветок, а не что-то отдалённо похожее? Я до сих пор помню, как год назад ты начирикал мне про пятерых умертвий, а по факту их там было больше десяти! И всё потому, что остальных ты принял за высохшие деревья.

– Там было темно! Я – ворон, а не сова, чтоб различать такие мелочи в темноте. И вообще, я – гуманитарий, моя душа лежит к поэзии, а не к сухим цифрам.

– Зерно я могу дать. Примерно такой же мешок подойдёт? – указала я на презент Альтера кладбищенским птицам. У меня не было времени выслушивать перепалку Альтера с вороном, до годовщины оставалось слишком мало дней!

– Да, – кивнул Эдгар. – Зерно – вперёд, услуга – потом.

– Услуга – вперёд, зерно – потом, – запротестовал эльф. – Знаю я тебя, Эдгар. Наскучит тебе нас сопровождать и брошишь на произвол судьбы. Так что оплата будет после нашей маленькой экспедиции, и никакого аванса! – на последних словах ворон возмущённо захорохорился, выставляя на обозрение свои мягкие пёрышки, но принял условия сделки.

– Значит, ты согласен? – посмотрела я на друга с надеждой.

– А что мне остаётся? Я тебя знаю, тебе если что-то взбре-

дёт в голову, то не остановить. Так я хотя бы смогу присматривать за целостностью твоей филейной части.

Закончив с кормёжкой своих крылатых друзей, Альтер отправился выбивать у профессора некромантии допуск в Заповедный лес, а я занялась сборами.

«Боевик я или кто? Кому как не мне знать, что брать в такие походы? Альтер хоть и выбирается с курсом на ночные вылазки на кладбища, но опыта в долгосрочных походах не имеет и наверняка что-то забудет или возьмёт что-нибудь лишнее».

Убегая от очередной своры мяукающих кошек, я быстро зашла в женское общежитие и оперативно закрыла за собой входную дверь, чтоб ни один пушистый не просочился внутрь. На меня уже написали несколько жалоб, ещё одна и меня без отчисления выгонят отсюда!

Наша с Арией комната находилась на втором этаже. Раньше после всех тренировок, практик и тому подобного я с лёгкостью, будто не замечая, преодолевала этот лестничный пролёт. Но сейчас после тяжёлого подъёма и спуска с библиотечной башни, после беготни за Альтером у меня резко поубавилось сил и я с трудом осилила каждую ступеньку этой лестницы. Так ещё и комната находилась в конце длинного коридора. Стоило мне переступить порог комнаты, как тело без раздумий завалилось на кровать, и я погрузилась в глубокий сон, не разувшись и не переодевшись.

Понадобился целый день на уговоры профессора Тьюсдея

и ещё три на оформление этого треклятого допуска. Тёмные боги, как же я ненавидела эту бюрократию, она когда-нибудь меня в могилу сведёт! И некромант не поднимет, потому что разрешение ему вряд ли выдадут.

В вечер пятницы, перед походом, что так удачно выпал на выходные дни, я собирала и разбирала по несколько раз свой рюкзак, пока Ария готовилась к зачёту по зельеварению. В общежитии было тихо, так как большинство жителей предпочли провести вечер пятницы, как и подобает любому адепту, в гулянии и веселье, поэтому вечерняя тишина прерывалась только нашим разговором и мяуканьем семейства кошачьих за окном. Сегодня на внешнем подоконнике нашего окна восседали всего две кошечки – одна толстая и рыжая, чем-то напоминающая гномке запечённую курочку, вторая – серая и ладненькая. И более нагленькая, судя по тому, что именно она периодически постукивала по стеклу лапкой, требуя впустить внутрь.

– Ах, до сих пор не могу поверить, что они так поступили! – в очередной раз бросила свой учебник подруга и схватилась за чашку уже остывшего травяного чая. – Полный зал, гости требуют добавки, а эти двое бросили меня одну, чтоб уединиться в кладовой!

– М-да, тяжело, когда твои родители ведут активную половую жизнь, – посочувствовала я подруге и выложила из рюкзака третью пару носков.

– Да дело ведь не в этом. Я рада, что у них всё как в мо-

лодости, но для подобного надо подбирать подходящее МЕСТО и ВРЕМЯ!

– Кстати, о подходящем месте, – обернулась я к соседке. Наши кровати стояли прижатыми к противоположным стенам, поэтому большую часть своих жалоб Ария адресовывала моему мягкому месту и тому, что выше. – Как думаешь, мне стоит брать с собой мои мятные духи? С одной стороны, мне не хочется вонять на весь лес чесноком, а с другой, кто там меня, помимо Альтера, будет нюхать?

– Ты и без этих духов пахнешь мятой сильнее, чем само это растение. Во, погляди, какая ты популярная среди кошечек, – кивнула Ария в сторону окна. – Похлеще будешь, чем наш принц Уильям.

– А при чём здесь принц?

– Да слышала я краем уха, что его высочество не слишком оригинален на ласковые прозвища и каждую вторую девушку нарекает котёночком, кошечкой или кисой.

– Ах, ну что за человек! И меня он подобным образом пытался называть. Всё, давай забудем про Уильяма и вернёмся к насущной теме: так брать или не брать? – потрясла я в воздухе флаконом с помпой и маленькой биркой, что поленилась снять после покупки.

– Не бери, нечего мучить лесной народ. Мне, честно говоря, уже милее твой чеснок, чем эта вездесущая мята! За год я порядком устала от неё, а эти духи сильнее прочего бьют по носу. Что за ядрёный состав должен быть там?

– Раз тебе так интересно – почитай, состав на бирке, – протянула я стеклянную бутылочку гномке и перешла к следующей дилемме: взять одну пару сменных панталон или две? А может три? Пока я решала столь животрепещущий вопрос, на фоне Ари принялась активно шелестеть страницами, а потом спустя минуту тишины выдала:

– Клара, а ты читала состав своих духов?

– Да, – с лёгким удивлением обернулась я к подруге – в одной руке она держала раскрытый учебник зельеварения, а в другой – сорванную бирку.

– А тебя там ничего не смутило? – продолжила допытываться гномка.

– Да вроде нет.

– И даже такая вещь, как лимонная мята не вызвала у тебя никаких подозрений? – выгнула свою рыжую бровь соседка, явно пытаясь навести меня на какую-то мысль, но на какую?

– Согласна, странное название, но мята есть мята, будь она перечная или луговая, разница не велика, – развела я руками, после чего Ария почему-то картинно возвела очи к потолку и сделала глубокий вдох.

– Клариссия Пастеш, ты какая... боевичка, – выплонула гномка и продолжила: – Боевики ведь тоже проходят базовое зельеварение, ты как учебник читала?

– Как все – глазами.

– Открытыми или закрытыми?

– Ари, с чего такие нападки на меня? И при чём здесь

учебник?!

— При том, моя дорогая подруга, что тут, — ткнула она своим пальчиком в открытый учебник, — чёрным по белому написано, что лимонная мята — это одно из названий кошачьей мяты. КОШАЧЬЕЙ, Клара! Ты несколько месяцев обливалась кошачьей мятой, вот почему все местные кошки водят хороводы под нашим окном, — указала соседка на окно, в которое так вовремя стучалась серенькая кошечка. — А ну, живо, выкинь эту дрянь и беги умываться, а я пока проветрю комнату, — бросила она на кровать учебник с духами и ринулась к окну.

— Так, котики-травожуи-траволизы, лавочка закрывается! Новых поставок не будет, так что забудьте сюда дорогу. Ну, разве ты можешь захаживать, — обратилась гномка к рыжей кошечке, которую в данный момент жмякала за мягонькие бока. Даже такая железная гномка не имела иммунитета против толстеньких пушистиков, что уж говорить обо мне.

Стоило мне приблизиться к окну, чтоб погладить кошечку, как мой ночной взор зацепился за движение на улице. По аллее, на которую выходила наша комната, неспешно прогуливался принц Уильям, облачённый в пальто по последней моде и в цилиндре, ведя под локоть Эльну в явно новом меховом воротнике. Что-то нашёптывая ей на ушко, его высочество проводил девушку до скамейки, что утопала в свете уличного фонаря. Стоило ему сесть на скамью близ фонарного столба, как в моей голове мгновенно родил-

ся план.

– Знаешь, Ари, у меня возникла идея, как по достоинству употребить эти духи на пользу общества, – коварно усмехнулась я и подобрала брошенный подругой флакон. Чуть погодя полезла в ящик комода, где хранился ещё один. Собрав все оставшиеся у меня духи в одной руке, я принялась разминать правое плечо для размаха.

– Что ты делаешь? – недоумевала подруга от моих действий, держа на руках рыженький комок счастья, пока я искала наилучшую позицию у распахнутых настежь ставень.

– Ты ж сама говорила, что наш дорогой принц любитель «кошечек» и «кисок». Счастливый монарх – счастливая страна! Ну вот, я сейчас ему обеспечу нескончаемый поток любимых кисок, – сказала я и с размаху кинула флаконы с кошачьей мятой в фонарный столб, аккуратно над головой принца.

Цилиндр спас Уильяма от осколков стекла, но не от ароматной жидкости, что расплылась большими пятнами на плечах, спине и, конечно же, головном уборе принца. Выругавшись, он вскочил на ноги, сорвал цилиндр с головы, из-за чего осколки флакона новой волной посыпали на тротуар, и принялся активно озираться, ища виновника своего казуса. Эльна что-то обеспокоенно заверещала и попыталась протереть лицо принца платочком, но безуспешно. Как хорошо, что перед нашим окном росло дерево, чьи ветви ранее усложняли мне бросок, а сейчас заботливо спасали от взора

разгневанного принца.

Когда Ария увидела, куда летят пахучие снаряды, то быстро сообразила, что к чему, и мигом потушила все лампы в нашей комнате. Благодаря этому мы с ней сейчас сидели в спасительной темноте, на полу под окном, и еле сдерживали рвущийся смех. Для надёжности гномка прижалась лицом к пухленькому бочку рыженькой кошечки, через который наружу просачивались глухие смешки. Такое положение явно не нравилось кошке, что возмущённо дрыгала лапками и всячески изворачивалась, как адепт на гуманитарном экзамене. У меня такой «подушки-заглушки» не было, поэтому обходилась собственной ладонью. Но и то и другое мало чем нам помогало, а всё из-за принца! Он вроде бы принадлежит к высшему сословию, аристократ, а имеет матерный словарный запас богаче, чем у любого сапожника. Я и Ария слышали столько красочных, замудрённых и незнакомых ругательств, что в пору было записывать, чтоб, так сказать, обогатить собственный запас. А когда ругательства принца закончились и моего слуха достигли первые «р-мяу», я осторожно выглянула из окна.

О, это было прекрасное зрелище. Уже знакомая серая кошка и ещё трое представителей кошачьего семейства облепили его высочество, как волка чертополох. Пару раз укусив гномку за руки, к шерстяному отряду моей мести присоединилась и рыженькая кошечка. Со временем чёрных, серых, белых, рыжих и даже трёхцветных пятен на паль-

то принца появилось столько, что предмет верхнего гардероба всё более походил на шубу. А когда попытки Уильяма и Эльны по снятию опьянённых мятой кошек стали приобретать более агрессивный окрас, кошки в ответ сильнее вцепились когтями и принялись интенсивнее вылизывать принца, оставляя на открытых участках кожи царапины от шершавых язычков.

– Ари, а тебе не кажется, что я поступила с принцем слишком мягко? Если сравнивать с тем, как я пострадала от его действий, – обернулась я к подруге, что вместе со мной наблюдала за всей этой кошачьей вакханалией.

– Я бы так не сказала, – подумав, ответила мне гномка, потирая пальцами свой подбородок. – Всё же кошки ещё долго его будут преследовать – ты столько на него вылила, наверняка кожа впитала какое-то количество. Да и вспомни, как эти же кошки вечно всё помечали возле нашей комнаты – запах был такой, у-уу. Как я тогда от тебя не сбежала, только высшие силы ведают! И кошки – народ злопамятный, посмотри, как с ними обращается наш принц, совсем не как джентльмен, думаю, репрессий со стороны кошачьего народа ему не миновать, – подытожила соседка и пошла заново зажигать лампы в нашей комнате – Уильям и Эльна были слишком заняты, чтобы обращать внимание на окна общежития.

Так мы вернулись к прежним делам: Ария готовилась к зачёту по зельеварению, а я собирала походный рюкзак. Един-

ственным отличием было то, что делали мы всё это не под мирное мяуканье и звон стекла в оконной раме, а под возмущённые вопли оравы котов и нескончаемый поток королевских ругательств.

Оставался всего один с хвостиком день до годовщины проклятья, когда я и Альтер, наконец, отправились в путь.

5 глава

Заповедный лес находился недалеко от столицы, и к пропускному пункту мы добрались к обеденному времени.

– В каком смысле, вы нас не впустите?! У нас же есть разрешение, – ткнула я на бумажку в руке тёмного эльфа.

Вход в лес представлял собой огромные, высотой в несколько метров, кованые ворота с позолоченными вензелями. Забора не было, да и не нужен он, с его ролью прекрасно справлялся магический барьер, невидимый невооружённому глазу. Сами ворота были зачарованы таким образом, чтоб открывать и закрывать их могли даже простые люди, не обладающие магией, как вот эти двое. Один сторож сидел в маленькой сторожке, в которой находился артефакт управления, а второй мужчина, явно старше первого по возрасту и рангу, сейчас, кутаясь в старую шинель, стоял перед нами и отказывался пропускать.

– В том, юная леди, – с явной издёвкой произнёс сторож, оглядев мои кожаные брюки. Я не удержалась и закатила гла-

за. Вот чего всем не дают покоя мои штаны? Это же традиционная вампирская одежда! – что я и мои коллеги устали получать от начальства выговоры за каждого идиота, потерявшегося в лесу. Мы, что ли, виноваты, что люди суются туда, куда им не следует? Нет. Но прилетает почему-то нам за каждого найденного или восставшего жмурика, и ещё двоих нам не надо! Так что идите, откуда пришли, и живите счастливо!

– Если я не получу то, что можно найти только в этом лесу, уж поверьте, счастья в своей жизни мне не видать! Пропустите! – не сдавала позиции я.

– Юная леди, судя по этой бумаге, – заново завёл свою шарманку мужчина, беря из рук эльфа заверенный в нескольких инстанция документ, и принялся читать вслух, – вы учитесь на втором курсе Королевской академии магии, факультет некромантии, – оторвал он глаза от бумаги и посмотрел на Альтера, – и боевого факультета соответственно, – перевёл он взгляд на меня, затем уставился куда-то перед собой и продолжил: – Вот скажите мне, – со свистом вздохнул сторож среднего возраста, выпрямляя спину и складывая руки перед собой, как командующий перед ротой провинившихся рядовых, – почему я должен впускать таких желторотиков в лес, из которого не всякий опытный боевик или некромант может вернуться целым? А? Вот сколько раз я просил министерство по внутренней безопасности отправить к нам хотя бы парочку приличных некромантов в сезон «цветения подснежников», – это сторож, видимо, го-

ворил больше себе, чем нам. — А вместо этого присылают либо совсем зелёных, что только вчера выпустились из академии, либо даже не доросших до получения диплома! — стрельнул он глазами в тёмного эльфа. — Раньше у этих бюрократов хватало совести отправлять хотя бы старшекурсников, а теперь! Совсем юный, даже пушок над губой не прос, — горестно вскрикнул сторож и неосознанно пригладил свои аккуратно выбритые усы. — Короче, не суйтесь туда, куда не следует, если хотите дожить до выпускного.

— Тёмный Отец, второй раз меня укоряют за отсутствие растительности на лице, — тихо пробормотал Альтер себе под нос и продолжил уже нормальным голосом: — Уважаемый, я понимаю ваши опасения и благодарен за заботу, но я лучший, не постесняюсь этого слова, ученик на всём факультете некромантии и протезе профессора Тьюсдея. А он, в свою очередь, достаточно компетентный и здравомыслящий человек, чтобы не отправлять своего ученика на верную смерть! Если вы так сомневаетесь в здравости оценки моих способностей, можете сами меня проверить. Говорите, у вас настал сезон «цветения подснежников» — это, как я понимаю, когда весной умершие восстают из-под снега и начинают активно бродить по лесу в поисках живой пищи? — После утвердительного кивка некромант продолжил: — Тогда вам не составит труда предоставить мне одного такого, чтоб вы сами убедились в моей способности вернуться из этого леса живым, и даже со всеми конечностями.

– Будьте осторожны со своими словами, молодой друу, – произнёс сторож. – На ваше счастье, у нас как раз есть недавно пойманный медведь-умертвие, что уже которые сутки дожидается своей очереди на упокоение. Повезло лохматому освободиться на несколько дней раньше, чем планировалось, – последние слова мужчина произнёс с лёгкой издёвкой.

Я была уверена в Альтере, поэтому не разделяла скептицизма мужчины. Сколько историй о весёлых и не очень некромантских практиках я выслушала от тёмного эльфа! Однажды он рассказал, как за полчаса половину кладбища упокоил в одиночку – словоблудием в отношении некромантии Альтер не занимался, уж больно серьёзно относился он к будущей профессии, поэтому у меня не было причин сомневаться в его словах.

Нам понадобилось пройти вдоль границы барьера несколько десятков метров, чтоб добраться до временного пристанища дикого умертвия. Это было не отдельное здание или клетка, а особый карман в барьере, чтоб умертвие не смогло сбежать наружу или обратно в лес. Поэтому со стороны могло показаться, что ничего не мешает медведю напасть на нас, кроме своеобразной видимой границы этого кармана в виде низенького заборчика из веток, что сторожа, видимо, сами построили из доступного в лесу материала.

Само умертвие-медведь еле влезал в это пространство, места еле хватало, чтоб крупное, наполовину разложившие-

ся тело легло на припорощённую свежим снегом землю.

– Вот, любуйтесь, – махнул мужчина на медведя. Появление нашей компании побудило умертвие подняться, благодаря чему стало видно огромную дыру в боку медведя, что занимала одну треть всего оплешивевшего тела – видимо, это и стало причиной смерти. – Этот косолапый несколько живых сородичей повалил ни за что ни про что.

– Это самка, – вдруг сказал Альтер. – Судя по пропорциям и состоянию тела, эта медведица родила и умерла прошлой весной. Видимо, когда она вышла из берлоги после спячки, на неё напали дикие умертвия и подъели, а медвежата были ещё слишком маленькими, чтобы выжить самостоятельно. Нам рассказывали на лекциях, что дикими животными-умертвиями чаще всего становятся самки, что не успели подготовить своих детёнышей к взрослой жизни. Они их защищают, обучают и кормят, и если таких не упокоить до момента, когда детёныши вырастут, матери могут напасть на своих же отпрысков, которых ещё вчера так яростно оберегали.

– Какой ужас, – вырвалось у меня. – Надеюсь, те медведи, которых она повалила, не были её детёнышами! Вы не знаете, те медведи выжили? – обратилась я к слегка растерявшемуся сторожу.

– Да вроде бы выжили. Когда мы ловили эту медведицу, они были ранены, но вполне бодро убегали от неё вглубь леса, – задумчиво ответил сторож и приложил костяшку паль-

да к своему подбородку.

– Ну, раз вы так точно определили обстоятельства и причину смерти, полагаю, настало время для упокоения? – обратился сторож к Альтеру.

– Всё верно, – кивнул некромант и подошёл вплотную к видимой и невидимой границе защитного барьера.

Я ещё никогда не видела некромагию в действии. Альтер прикрыл глаза, поднял руки на уровень груди и стал активно перебирать пальцами, словно паук лапками при плетении паутины. Губы некроманта незаметно двигались, так тихо и быстро тёмный эльф произносил слова заклинания. Спустя несколько секунд над его ладонями образовались клубы чёрного дыма – плотного, но такого невесомого. Когда тёмные сферы приняли необходимый размер, Альтер резко вскинул руки в сторону умертвия. Из сфер чёрного дыма вырвался прямой поток, что стрелой достиг тела умертвия и тут же впитался в него. В следующее мгновение погибшая медведица издала непонятный звук – то ли рык боли, то ли стон облегчения, а её многострадальное тело стало распадаться на облако пепла, из которого ввысь повалил сизый дым. Почему-то в этот момент на меня накатило сильное облегчение, будто это меня Альтер освободили от оков брэнной оболочки.

– Ничего себе, – поражённо вымолвил сторож, о котором я на мгновение забыла. – Отрадно видеть, что есть на свете такие одарённые некроманты, как вы, юноша. Вы когда вер-

нётесь в академию, скажите своему профессору, что мы всегда будем рады вам на практике в Заповедном лесу. Вот мы сейчас вернёмся, я напишу на ваше имя досрочное разрешение, и вы спокойно вернётесь в вашу альма-матер до начала летней практики.

– Как вернёмся?! – возмутилась я. – Альтер же доказал, что он уже сейчас способен за себя постоять.

– Он-то способен, а насчёт вас, юная леди, я не уверен. В лесу водятся не только полчища умертвий, но и самые редкие и странные существа, в том числе и чесночники.

– Кто-кто? – одновременно спросили я и Альтер.

– Чесночники – это такие мелкие плотоядные зверушки. На вид они похожи на белочек, живут также на деревьях, преимущественно хвойных, так как шёрстка у них зелёная, очень похожа на еловые иголки. На зиму эти существа обжираются единственным растением, что могут усвоить – чесноком. Вроде говорят, что так они иммунитет укрепляют на зиму, или что-то в этом роде... Короче, пахнет от них сейчас чесноком на пять метров. И если такой попадётся вам, вампиру, на пути, то я не ручаюсь за ваше здоровье и благополучие. А по правилам безопасности запрещено впускать в Заповедный лес поодиночке. Так что, как бы ни был талантлив наш дорогой друг, пропустить вас двоих в лес я до сих пор не рискну.

Ох, как же у меня пригорело в одном месте от слов этого... этого... упрямого мужчины. Но он не знал, что я могу

быть ещё упрямее.

– А если я вам докажу, что спокойно перенесу возможную, – выделила я последнее слово, – встречу с этими чесночниками, вы нас пропустите?

– Да как вы докажете?! Ладно, дроу хорошо владеет некромантией – наукой, которой можно обучиться, есть к ней талант или нет, но как вы, будучи вампиром, собрались пойти против собственной природы? – недоумевал мужчина. Он явно стал подозревать, что у меня не всё в порядке с головой, что было не сильно далеко от истины.

– А так, – сказала я и повторила любимую позу магистра Бронкса, скрестив руки на груди и расставив ноги на ширине плеч. – Предлагаю пари. Если я при вас съем головку чеснока и продержусь достаточно долго, то вы нас наконец пропустите в лес. А если нет, то ладно, мы последуем вашему совету и вернёмся в академию.

Теперь уже и Альтер смотрел на меня как на умалишённую. Так наша маленькая компания и простояла минуту по колено в снегу, пока сторож не отмер и не спросил:

– Юная леди, вы уверены в том, что предлагаете?

– Вполне, – утвердительно кивнула я.

– Клариссия, не надо, – попытался меня разубедить Альтер. – Тебе и так нехорошо, а если...

– А если мы не добудем то, что растёт в этом лесу, мне уже никогда не станет хорошо! – перебила я друга. Осталось чуть больше суток до годовщины проклятья, времени придумы-

вать новый план или искать другие способы просто нет. Как говорит магистр Бронкс: «Быстро принятое решение – всегда правильное. У боевика нет времени на раздумье – пока что-то другое придумаешь, ты этой самой думалки можешь и лишиться».

– Раз вы так решительно настроены, мне ничего другого не остаётся, как дать вам возможность самой убедиться в нелепости подобного заявления. Что ж, пройдёмте в помещение, а то негоже морозиться на улице. Да и чеснок мы найдём только в сторожке, – сказал мужчина и повёл нас обратно в сторону ворот.

Альтер из Грозовой долины

«Эта вампирша действительно сведёт меня в могилу! Неженатым и, что самое обидное, непоруганным! И умудрился же я влюбиться в такую особу – упрямую, твердолобую, с красивыми глазами и упругим задом». Даже сейчас, после нескольких месяцев скудной диеты, эти два полушария продолжали пленять мой взгляд, пока я шёл за их безбашенной владелицей в сторожевую будку.

«Эх, неужели мне надо так мало, чтобы отдать взамен своё сердце – красота, чувство юмора, пышный зад и недюжинная отвага, чтобы на этот самый зад находить приключения? Наверно, да. До сих пор помню, как прошлым летом эта востительница, вооружённая только вилами, спасла наших овец от горного льва. Тогда же мой отец в своей фирменной сдер-

жанной манере положил руку мене на плечо, указал на размахивающую вилами девушку и коротко сказал: „Женись“. Если я и смогу подвести Клару к алтарю, то будет она в виде умертвия. И я буду умертвием, так как всегда буду рядом с этой любительницей находить приключения на свою филейную часть. Я слышал, что при длительном влиянии чеснока вампиры теряют всякое здравомыслие, похоже, это наш случай».

Подобные мысли не отпустили меня и когда мы зашли в сторожевую будку. В крошечное пространство вместились только самое необходимое – маленькая печка, на которой закипал чайник, небольшой стол и приставленные к нему пара простеньких стульев, на одном из которых сидел второй сторож. Возле маленького окна располагался артефакт-пульт от ворот, с множеством кнопочек и рычажков. Когда мы зашли, молодой сторож, примерно наш ровесник, видимо, собирался перекусить бутербродами с чесноком и чаем. Рука с размазывающим майонез ножом так и застыла над ломтиком белого хлеба.

Парень имел новомодно зализанные волосы, тонкие усы, сильно похожие на усы старшего сторожа, и некую манерность в движениях – похоже, он был коренным жителем столицы.

– Маркус Меркюрич, а что эти люди здесь делают? Это же служебное помещение, – спросил младший старшего.

– Мой дорогой друг, сейчас я тебе всё объясню...

– Вот как, – сказал молодой человек после объяснения ситуации и посмотрел на Клару. – Мисс, а вы уверены?...

– Да, уверена, – живо ответила Клара, с явным раздражением и нетерпением. – Давайте сюда свой чеснок, мне надоело тратить время на этот фарс.

– Извините, не могли бы вы подождать всего одну минутку – мне нужно переговорить со своим напарником, – сказал нам старший сторож и отошёл со своим коллегой в сторону. Спустя минуту шушуканий они обернулись к нам и предложили присесть, что мы и сделали, попутно снимая свои куртки и рюкзаки – уж больно тепло было в этой комнатке.

– Мы с моим коллегой посудачили и пришли к выводу, что это слишком жестоко – заставлять вампира есть чеснок, – начал свою речь молодой модник. – Всякое пари должно быть сложным, но выполнимым, иначе в нём попросту нет смысла, поэтому предлагаю немного скорректировать условия. Даже самый заядлый любитель чеснока не сможет зараз съесть целую головку, поэтому сложность будем повышать постепенно: каждые тридцать секунд юная леди будет брать по четвертинке головки, и если она суммарно продержится две минуты, ничего не выплюнув, мы выполним вашу просьбу. Если нет, вы отправитесь обратно в город. Следить за временем будем при помощи этих часов, – продемонстрировал он всем присутствующим свои позолоченные карманные часы. – Чтоб не было разногласий, за временем будут следить представители обеих сторон. Всем всё понятно?

Я и Клариссия кивнули. Далее молодой сторож порылся в продуктовом ящике, что стоял в углу комнатки, и выудил оттуда головку чеснока среднего размера.

«Демоны, судя по фиолетовым полосам, чеснок свежий и ядрёный! Клара, ну вот на что ты напросилась?»

Пока я следил, как молодой сторож, подобно злому колдуну из сказок, чистит чеснок и раскладывает его зубчики на четыре равные горки на чайном блюде, моя безбашенная летучая мышка скучающе рассматривала кончики своих волос.

– Мисс, я обязал спросить вас ещё раз, вы уверены в себе? – заинтересованно приподнял бровь модник и пододвинул блюде к Кларе.

– А я ещё раз вам отвечу, что да, я уверена и готова.

– Отлично. Тогда приступим, – молодой человек что-то покрутил в часах и нажал на кнопку.

По будке разлетелся ритмичный «тик-так, тик-так», Клара сделала глубокий вдох и одним махом отправила первую горсть чеснока себе в рот. Под внимательным взглядом трёх пар глаз она принялась жевать – медленно, с осторожностью. На лице девушки промелькнули разные эмоции – насторожённость, опасение, озарение и под конец... облегчение.

– Клара, всё в порядке? – поинтересовался я её самочувствием. Она и так долго прожила с «Чесночным дыханием», что произойдёт с ней при повышении дозы чеснока, я не представлял.

– Всё в порядке... Я бы даже сказала, что... нормально, – пожала она плечами, а Маркус Меркюрич вытаращил глаза.

– Как это? – гаркнул он и быстро подошёл к столу, взял один зубчик чеснока и откусил кусочек. На его лице тут же проскочили морщинки, а глаза чуть зажмурились – видимо, достопочтимый Маркус Меркюрич не был любителем сего божественного корнеплода.

На втором заходе старший сторож начал нервно постукивать пальцем по столу, а чайник, будто вторя чувствам мужчины, засвистел тревожным свистом. Молодой сторож предложил всем, кроме Клары, по понятной причине, чашечку ромашкового чая, что было очень кстати, особенно мне и старшему мужчине. На третьем заходе Маркус Меркюрич глядел на вампиршу как на скаковую лошадь, что вот-вот заберёт первое место у его фаворита.

На четвёртом заходе ни я, ни он не отрывались от своих чашек с ромашковым отваром. Глаза моего кренделёчка прослезились, лицо напряжённое, но упрямое, а бледные кулачки с хрустом сжимались-разжимались.

– Пятнадцать секунд, – начал обратный отсчёт молодой модник.

– Десять, – Клара глубоко и часто задышала, из голубых очей потекли слёзы, а у меня сжалось сердце. Лицезреть мучения любимой девушки было невыносимо, особенно когда она сама же на это и напросилась.

– Пять... четыре... ТРИ... ДВА... ОДИН! – на этом вы-

крике Клариссия выбежала из будки, я последовал за ней, краем уха услышав поражённые восклицания проигравшего сторожа.

На улице вампириша сложилась в две погибели и, утопая по голени в снегу, выплёвывала пережёванный корнеплод, попутно припоминая всех демонов преисподней. Глухая речь девушки прерывалась совсем не свойственными леди, но приемлемыми у боевиков, плевками. Решив не тратить время впустую на нравоучения, я молча протянул девушке свою чашку с ромашковым чаем.

– На, прополощи рот, – посоветовал я. Она интенсивно прополоскала рот отваром и заново принялась орошать рядом лежащий снег. Пока вампириша была занята очистительными процедурами, я сбегал обратно в сторожку и вернулся к ней с бутылочкой алой жидкости. Крови с собой мы взяли много, чтоб у Клариссии были силы преодолеть запланированный путь.

– Спасибо, – на глубоком выдохе поблагодарила она и взяла бутылку в левую руку, пока правой вытирала подступившие слёзы. – И как вы едите эту отраву? В глаза и в нос бьёт не хуже магистра Бронкса на тренировках.

– Зато нос прочищается, да и для здоровья он полезен, – ответил я.

– Моему здоровью полезно только это, – отсалютовала она мне бутылочкой, вскрыла её и приникла с жадностью пустынного путника.

После того как эта типичная боевичка вернулась в будку за своей походной курткой и рюкзаком – опять она выскочила на холод без верхней одежды! – нам, наконец, открыли зачарованные ворота. Старший сторож восхитился выдержкой Клариссии, а молодой поблагодарил её за его выигрышную ставку – оказывается, тогда коллеги шушукались не только об условиях пари, но и договаривались о ставках.

– А мне ещё говорили, что на этом месте будет скучно, – прилетело нам в спину от победившего сторожа, когда он сопровождал нас до входа в Заповедный лес.

6 глава

Клариссия Пастеш

Похоже, боги решили, что сегодня никому не будет скучно. Когда я слушала инструктора на уроках по выживанию, походы представлялись мне довольно нудным занятием – ты просто идёшь туда, потом сюда, часами напролёт, а на деле это оказалось захватывающим занятием.

Я никогда не питала симпатий к весне, особенно в городе, где растаявший снег перемежался с накопившейся за зиму грязью и мусором. Но здесь, в практически нетронutom человеком лесу, весна была прекрасна. Холмы чистого снега сверкали в слабом свете весеннего солнца, покрытые снежной шапкой деревья напоминали гигантские грибы из невиданной сказки. Светло-серые облака закрыли собой весь

небосвод, оберегая наши чувствительные глаза от небесного светила и одаривая лёгким снегопадом. Когда мы с тёмным эльфом сошли с проложенной людьми дороги, единственным ориентиром для нас в этом белоснежном царстве служили тёмные стволы многовековых деревьев и их тонкоствольных отпрысков. Ну и, конечно же, Эдгар своим маленьким чёрным тельцем указывал нам путь – ворон присоединился к нам после того, как мы удалились на достаточное расстояние от сторожей. Похоже, у этой птицы были какие-то неразрешённые конфликты с законниками. Правда, видели мы ворона редко – он пролетал определённое расстояние, усаживался на ветке какого-нибудь высокого и заметного дерева и подолгу ждал, когда мы его доберёмся.

Снег был тяжёлый, подтаявший, и, что естественно для леса, было его в огромном количестве. Продираться через толщи было трудно, особенно мне, и наша скорость продвижения была сильно меньше скорости полёта одной корыстной птицы. Альтер, как более широкий, высокий и сильный член команды, шёл впереди, а я позади него. Большую часть времени мы молчали, были заняты созерцанием природных красот и продиранием через зимний покровов. Периодически Альтер отклонялся от курса, чтобы поставить магические метки на деревья – так мы не потеряемся на обратном пути. Вообще, тёмный эльф демонстрировал удивительную выносливость для парня, чья диета, по заверениям ворона, состояла сплошь из пивных закусок и непосредственно из са-

мого напитка. Что я не поленилась высказать ему.

– Ты что, – удивлённо вздёрнул он бровь с нотками возмущения в голосе, – ты хоть представляешь, сколько жмуриков я перетаскал, сколько выкопал, сколько насильственно закопал обратно и сколько километров я набегая по кладбищу, когда спасаю свою филейную честь от посягательств нежити.

– Честь?!

– Оговорился, я хотел сказать – часть, но и честь тоже спасаю... Берегу для тебя одной.

– Ха-ха, достаточно, Альтер, – рассмеялась я. Всё же умел он меня подбодрить, хоть и таким непотребным образом.

«Интересно, а Арию он бы так же подбадривал, предлагая свою филейную честь?»

Спустя время на очередной поляне, сплошь покрытой метровым слоем снега, я услышала что-то странное. Это было не завывание ветра, не скрип ветвей, ни стрёкот белочек или щебет птиц. Звук был протяжный и глухой, будто сквозь толщу чего-то плотного, такого, как... снег.

– Альтер, приготовься! – воскликнула я, и в то же мгновение из сугробов на нас выскочили дикие умертвия. Все они когда-то были такими же людьми, как и мы – на ком-то ещё оставалась более-менее целая одежда, благодаря чему можно было предположить, кем было умертвие до смерти – охотником за дичью или простым грибником. В то время как другие больше походили на скелеты из класса анатомии, на которых чудом ещё держались лоскуты плоти и одежды.

Альтер, хоть и был лучшим на зачистках кладбищ, но его не муштровал магистр Бронкс на мгновенную атаку, как меня и остальных адептов боевого факультета. Как он говорил: «Сперва бей, потом извиняйся. Извиниться всегда найдётся время, а на залечивание ран в кругу врагов – нет». Вот поэтому я первая среагировала и запустила несколько фаерболов в ближайших умертвий. Может, даже хорошо, что «Чесночное дыхание» отбило у меня всякое обоняние – наверняка запах жжёной плоти умертвий просто ужасающий.

Благо, тех нескольких секунд, что я в одиночку отбивалась заклинаниями от врагов, хватило некроманту, чтоб собраться и вооружиться заклинанием упокоя, что он ранее применил на медведице. Когда Альтер из своих тёмных сфер начал запускать струи дыма в умертвий, мы уже были окружены плотным кольцом. Я, как могла, прикрывала спину некроманта, но силы быстро покидали меня. В один момент мой магический резерв так истощился, что продолжать атаковать заклинаниями было бы самоубийством, а жить мне ой как хотелось.

Пришлось перейти на грубую силу – схватив рядом лежащую толстую ветку, я принялась отбиваться от низшей нежити таким вот нехитрым способом. Чтоб оттеснить этих существ подальше от Альтера, я отошла от друга на несколько шагов, и это стало моей главной ошибкой. Без прикрытия в виде некроманта, моя спина стала лёгкой мишенью, чем и воспользовалось одно умертвие, что ещё сохраняло чело-

веческий вид. Острая боль прошла моё тело, когда сзади прилетел мощный удар, поваливший меня в снег.

– Клара! – воскликнул Альтер и было ринулся мне на помощь, как его осадило полчище умертвий – они поняли, кто из нас двоих представлял для них наибольшую опасность.

С шипением я перевернулась на спину и ударила ногой умертвие в живот, но эта гадость не шелохнулась. Вместо этого оно схватило меня за вытянутую ногу и с разворота бросило прямо в ствол сосны. Удар пришёлся на затылок и всю верхнюю часть спины, перед моими глазами заплясали звёздочки, боль отзывалась в каждом позвонке, а гул в голове не давал слышать, что там Альтер пытается прокричать мне.

– ...Клара, залезай на дерево! Наверх, живо! Я тут один справлюсь, ты только мешаешься.

Инстинкт выживания не позволил мне начать возмущаться такой формулировке – видите ли, я ему, оказывается, мешаю, – а сразу погнал наверх, на дерево, в безопасное место. Я ещё никогда так быстро не забиралась наверх, даже при сдаче нормативов. Благо, меня отшвырнуло в старую сосну, с толстым стволом и ветвями, на одной из которых я смогла удобно устроиться. Одной рукой держась за ствол, а другой за ветку, я с высоты в несколько метров следила за Альтером и подсказывала ему, когда то или иное умертвие заходило за его поле зрения.

Альтер был... неподражаем, иного слова я подобрать

не могла. Как говорил мой дядя Абрам: «Лучше один раз голую бабу увидеть, чем сто раз про неё слышать». С Альтером было так же. Сколько бы мне некромант не рассказывал про свои кладбищенские подвиги, это не шло ни в какое сравнение с живой демонстрацией.

Умертвия продолжали наступать со всех сторон, и Альтер, как по учебнику, держал их на расстоянии, не выходя далеко за воображаемый центр круга. Он, подобно стрелкам на часах, крутился по оси и шквалом заклинаний превращал полуистлевшие тела в облака пепла, что оседал на снегу холодной копотью. Достаточно быстро белоснежный покров из сказки превратился в серую пустыню смерти, над которой проносился чёрный дым магии некроманта.

И так продолжалось добрые полчаса, как минимум. Я уже начала подозревать, что от меня некроманту маловато пользы – он и без подсказок прекрасно улавливал моменты, когда и куда надо бить. В действительности, мне оставалось только сидеть на этой дурацкой ветке, смотреть, как друг в одиночку борется за наши жизни, и дрожать от страха и злости на саму себя, за свою слабость и беспомощность, подобно белке на морозе.

«Да и от белки Альтеру было бы больше пользы – та могла бы кидаться шишками... Погодите-ка, а чем я хуже белки?!»

Как и все мои хорошие идеи, эта пришла в мгновение ока и с чётки планом действий. Тяжёлый рюкзак сняла и повеси-

ла на ближайший сучок. Далее, расправив капюшон на куртке, я аккуратно и без спешки начала собирать и складывать в него шишки с соседних веток – не самое простое дело, особенно когда под тобой бойня в самом разгаре. Когда я почувствовала, что более в капюшон не помещается, вернулась на прежнее место и принялась копать в рюкзаке. Белкой я была не простой, а шальной. И шишечки мои должны были быть мне под стать – шальные, с огоньком, в прямом смысле этого слова. Стоило мне найти подходящую для розжига вещь, та нещадно рвалась на лоскуты, что потом наматывались на «шалые шишки». К сожалению, самыми подходящими оказались мои панталоны... «Эх, всё же стоило взять третью пару!»

Только закончив обматывать последнюю шишку, я почувствовала, что больше не одна на этой ели. Уловив мимолётные движения сбоку, я повернула голову и пригляделась к зелёным веточкам. А там, поразительно сливаясь с игольчатой зеленью, сидело несколько особей, сильно смахивающих на белок. Размером они были чуть крупней обычных белочек, шёрстка была зелёной и всклокоченной, а вместо резцов у них спереди были... клыки? Бивни? Я точно не могла сказать.

«Похоже, это те самые чесночники, о которых предупреждал сторож. Хоть бы они не приняли меня за обед!.. Так, Клара, соберись, есть дела понасущнее!»

Дала я себе мысленный подзатыльник и посмотрела вниз.

И как раз вовремя – Альтер явно устал и более не мог держать умертвий на безопасном расстоянии. Глядя на то, как некромант отскакивает в сторону, подобно снежному барсу, уклоняется и пускает в ход кулаки, я одновременно пришла в ужас и восторг. В ужас от опасности, которой Альтер себя подвергал, подпуская низшую нежить так близко к телу. А в восторг от того, с какой грацией он уклонялся от атак, с какой силой отшвыривал полуистлевшие тела и с каким решительным и упрямым лицом продолжал противостоять нескончаемой толпе врагов. Пучок на голове давно сбился, из-за чего освобождённая копна платины развевалась подобно плащу древнего героя.

Но у каждого героя был свой помощник, что прикрывал тылы. И сегодня у Альтера будет такой помощник в виде шальной белочки в моём исполнении.

Мой магический резерв был почти пуст, но за время моего побе... тактического отступления в нём накопилось достаточно, чтоб собрать на ладони малюсенький огонёк – слишком маленький для атаки, но в самый раз для поджога «шальной шишки». За время, что первый снаряд разгорался, я просканировала поле и выбрала себе цель. Когда шишка разгорелась достаточно сильно, я швырнула её прямо в лохмотья на грудь умертвия, что ближе всех подобрался к некроманту.

– Клара, какого?.. – недоумевая, обернулся ко мне тёмный эльф, но я его быстро одёрнула.

– Альтер, на три часа! – крикнула я и кинула вторую го-

рящую шишку в названном направлении.

Более некромант не отвлекался на меня, молча принимая поддержку с воздуха, а точнее, с елового дерева. Слава Тёмным богам, что моё недомогание не сказалось на зрении и способности швырять всякое опасное в других существ!

Благодаря мне Альтер смог отойти на безопасное расстояние и вернуться на прежнюю позицию. И пока я играла роль пулемёта, не заметила, как ко мне стали подбираться чесночники. Стоило одной мелкой зверюге протянуть свои загребущие лапки к моему запасу незажжённых снарядов, как я тут же замахнулась на неё. Чесночник полузашипел-полузарычал, обнажая два длинных клыка, но не на ту нарвался! В ответ я наклонилась к нему и зашипела фирменным вампирским шиком, также обнажая клыки. Столько усилий вложила в это действие, что аж слюной немного брызнула. Но результат стоил того – зелёный зверёк притих и удивлённо уставился на меня, активно что-то вынюхивая в воздухе. Наверное, чеснок учуял.

В тот момент я была уже порядком измотана стрессом, да и удар головой давал о себе знать, вследствие чего мой мозг отключился и далее действовал чисто на, как говорится в психологии, первичных реакциях. Проще говоря, адекватность окончательно меня покинула, обозвав абьюзером и громко хлопнув дверью.

Точно не могу вспомнить, когда эти зелёные зверьки принялись вслед за мной закидывать умертвий шишками, но я

точно помню, как самый крупный и толстый чесночник забрался на моё плечо, посмотрел на меня осознанным взглядом и что-то вопросительно прошипел:

– Ширр-Ширр?

– Шшш-р, – указала я на покрытое пеплом поле.

– Шир-шир-rrrr, – протяжно крикнул чесночник и спрыгнул вниз.

За ним последовали остальные чесночники – быстро перебирая лапками, они толпой напали на умертвий. Кто-то приземлялся прямо на голову противника, кто-то молнией проносился по серому снегу и забирался на или внутрь умертвия. Но самый крупный и, как я поняла, самый главный чесночник решил не пачкать лапки и шустро забрался на голову Альтера. С макушки некроманта зелёный зверёк, подобно главнокомандующему, отдавал приказы, стоя на задних лапах. Как Альт сразу же не скинул с себя это наглое создание, я не представляла. Наверное, в пылу битвы он не обратил внимание на такую мелочь – не кусается, да и ладно.

Свои «шальные шишки» я не переставала бросать, даже когда умертвия пошли в отступление. Похоже, атака чесночников стала для них последней каплей. Их легко можно было понять – мало того, что никому ни кусочка свежей плоти не досталось, так ещё от них прилично отщипнули, прям финансовая пирамида какая-то!

Последний горящий заряд пришёлся в спину последнего

умертвия, что в спешке покидал пепельное поле в зелёную крапинку – чесночники продолжили гнаться за ними, и когда поле полностью опустело. Остались лишь мы вдвоём: Альтер – запыхавшийся, растрёпанный и получивший по носу от главаря чесночников, когда тот спрыгивал с его платиновой макушки; и я – также тяжело дышащая и вскружённая всем произошедшим.

– Клара! – вскинул голову тёмный эльф в мою сторону, – спускайся! Я не знаю, придут ли сюда ещё умертвия, но проверять не хочу – лучше убраться отсюда, да поскорей!

– Хорошо! – крикнула я, на ходу закидывая рюкзак за спину.

«Вот ничему меня жизнь не учит» – подумалось мне, когда из-за резкого движения сместился центр тяжести и я слетела с ветки на высоте нескольких метров.

– Мать Тёмная, Клара! – услышала я крик Альтера сквозь свист в ушах.

Удар пришёлся на всю левую сторону тела, включая голову. Слишком часто за этот день моя бедная головушка подвергалась подобным ударам судьбы! Спасибо Тёмной Матери, что в этот раз я упала на более-менее мягкий снег, а не на промёрзшую землю, что частично обнажилась вследствие боя.

Альтер из Грозовой долины

«Тёмные боги, это уже ни в какие ворота! Теперь понятно, почему Клару пытаются отчислить все магистры боевого факультета – это не потому, что она женщина, а потому, что она – беда ходячая! Насколько надо быть безрассудной, чтоб за один день несколько раз чуть не отправиться к праотцам? А вот настолько!», – подумал я, подойдя к упавшей вампирше. На её лице читалась растерянность, а тело неподвижно лежало. Я уже начал думать, что случилось нечто непоправимое, когда Клариссия перевернулась на спину.

– Слава Тёмной Матери! Клара, я уже подумал, что ты спину сломала! Может, хватить так меня пугать? Такими темпами я вместо пива начну заливаться валерьянкой.

– Не советую, – отозвалась девушка, глядя пустым взглядом на крону дерева, с которого только что упала. – Ты не представляешь, сколько кошек проживает на территории нашей академии и какие они приставучие... и любвеобильные. Можешь уточнить это у его высочества.

Не став расспрашивать, с каких пор принц Уильям стал экспертом по кошкам, я присел на колени возле бедовой вампирши и принялся ощупывать её голову на предмет травм. Удивительным образом там ничего, кроме пары шишек, не обнаружилось, хоть девушка и подавала признаки сотрясения.

– Так, вроде всё нормально, – сообщил я после поверхностного осмотра тела девушки. – Встать сможешь?

– Попробую, – буркнула она и попыталась встать. Не получилось. Стоило вампирше оторвать свою спину с рюкзаком от снега, как она тут же шлёпнулась обратно в образовавшуюся выемку в сугробе.

– Ау, – простонала Клара, скривив лицо.

– Всё ясно, – подытожил я и потянул больную за плечи, приводя в сидячее положение. – Сними рюкзак и прижми к животу.

– Так? – уточнила девушка, беспрекословно выполнив мои указания, положив и скрестив руки на исхудавшем рюкзаке.

– Да, вот так, – кивнул и одним движением поднял девушку на руки.

Чуть не оглохнув на правое ухо от резкого вскрика Клары, я направился со своей прекрасной ношей вглубь леса, подальше от «пепелища». Первое время вампириша сидела тихо, что дало мне возможность продумать дальнейший план действий. Будто издеваясь надо мной, в потоке мыслей всплыли слова господина Тиля про «банки» и «демонстрацию».

«Не с того ты начал, – прозвучал голос гнома в моей голове. – Жеребца сперва со всех сторон демонстрируют, а потом уже дают на нём покататься».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.